

ВЕРТИГО

ЭМИ АЖЕНТРИ

ПО ХОЛОДНЫМ СЛЕДАМ

ЭМИ АЖЕНТРИ

ПО ХОЛОДНЫМ СЛЕДАМ

В МИРЕ ЕЖЕГОДНО ПРОПАДАЕТ ОКОЛО 8 МИЛЛИОНОВ ДЕТЕЙ. ОТ 10 ДО 25 ПРОЦЕНТОВ ИЗ НИХ ТАК И НЕ БУДУТ НАЙДЕНЫ

Последние годы Анна Уитакер не живет, а только существует, механически заставляя себя совершать привычные действия — читать лекции в университете, убирать в доме, разговаривать с мужем Томом и младшей дочерью Джейн. С тех пор, как восемь лет назад старшую дочь Уитакеров Джули похитили, семья практически распалась, и каждый замкнулся в своем горе.

Когда пропавшая дочь внезапно возвращается, ее родные поначалу не помнят себя от радости. Им даже неважно, где она была все это время, ведь главное, что она снова рядом! И лишь спустя время Анна начинает замечать нестыковки в показаниях, которые Джули дает в полиции. Одна ложь наслаивается на другую, и в конце концов Анна вынуждена задать себе вопрос: а кем на самом деле является эта девушка? И если она не ее дочь, то чего добивается?

18+

Знак информационной
продукции

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labyrinth.ru

ISBN 978-5-907338-58-6

9 785907 338586 >

ВЕРТИГО

ЭМИ ДЖЕНТРИ

ПО ХОЛОДНЫМ СЛЕДАМ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д49

Amy Gentry
GOOD AS GONE

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав

Перевела с английского
Ольга Шпакович

Художник
Юлия Протиснова

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

В оформлении обложки использованы материалы с сайта *unsplash.com*

Джентри Э.

Д49 По холодным следам : [роман] / Эми Джентри; [пер. с англ.
О. Шпакович]. — СПб.: Аркадия, 2021. — 352 с. — (Серия
«Вертиго»).

ISBN 978-5-907338-58-6

Старшую дочь Анны Уитакер, тринадцатилетнюю Джули, похитили из родного дома, пока мать с отцом спали внизу и ни о чем не подозревали. Восемь лет Анна провела с чудовищным чувством вины и пустотой в душе, даже не надеясь, что дочь еще жива. Но вот однажды в доме Уитакеров звякнул дверной звонок, а на пороге появилась светловолосая девушка, измученная и босая. Она выглядит как повзрослевшая Джули, но может ли пропавшая девочка найтись через такой долгий срок?

Этот головоломный триллер построен на флешбэках, действие которых разворачивается в обратном порядке, размечая страшный путь от потерь, вины и отчуждения к примирению с собой.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Amy Gentry, 2016

© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.

ООО «Издательство Аркадия», 2021

ISBN 978-5-907338-58-6

*Посвящается Кертису,
лучшему из живущих*

Пролог

Джейн проснулась и прошептала:

— Джули?

Вокруг зиял, будто зевающая пасть, черный провал спальни. Только спустя два года после того, как Джейн получила собственную комнату в новом семейном доме, ей перестало сниться, что потолочный вентилятор падает на нее и разрубает на куски. Да и пауки больше не таились по углам: десятилетним девочкам не пристало бояться темноты. Лишь изредка, когда что-нибудь будило Джейн посреди ночи, окружающая тишина вызывала тоску по мягкому дыханию сестры. В старом доме Джейн частенько перекидывала одну ногу через перила кровати на своем втором ярусе и хихикала, пока Джули не говорила: «Ш-ш-ш, Джейни, давай-ка спи».

Девочка крепко зажмурилась, прежде чем посмотреть туда, где во мраке сходились стены и потолок. Теперь она определенно услышала шорох, который донесся из комнаты Джули.

Джейн откинула одеяло и опустила босые ноги на ковер. Раньше, в старом доме, плетеный коврик скользил по гладкому деревянному полу, когда она вставала с постели. А сейчас ноги едва

слышно ступали по толстому ковру, пока она шла к выходу из комнаты. Девочка выглянула в темный коридор. В конце его во мраке бледнел едва различимый прямоугольник закрытой двери.

Они редко спали с закрытыми дверями: у Джейни было слишком жарко, а у Джули — слишком холодно. Мама ворчала по поводу отвратительной циркуляции воздуха в двухэтажных коттеджах, но спальня родителей на первом этаже всегда закрывалась на ночь, потому что они были взрослыми. Теперь и Джули взрослая, ну или ей просто очень хочется такой стать. С тех пор, как сестре исполнилось тринадцать, она, казалось, все время готовилась к взрослой жизни: медленно расчесывала волосы перед зеркалом в ванной, словно репетируя какую-то тайную пьесу; делала записи в дневнике, чинно сидя за письменным столом, а не плюхнувшись на кровать животом, как Джейн. И закрывала дверь своей комнаты.

Между тем бледный прямоугольник в конце коридора дрогнул, и с одной стороны появилась темная щель. Четыре крупных пальца легли на край отворившейся двери спальни Джули. Не раздумывая, Джейн нырнула в шкаф, присела на корточки и закрыла за собой дверцу. Эти пальцы держались за дверь слишком высоко, Джули не достала бы. И были слишком велики — точно не мамины. Да и не папины тоже, хотя Джейн сама не знала, почему так решила, и это больше всего тревожило ее.

Слабый щелчок напомнил ей, что магнитная защелка шкафа всегда плохо работает, и девочку охватил тошнотворный страх. Она протянула руку, пытаясь придержать дверцу, но та уже медленно распахнулась.

Джейн крепко зажмурилась, когда в коридоре послышались мягкие шаги.

Мгновение спустя она открыла глаза: дверца шкафа замерла в трех дюймах от косяка. Та часть коридора, которая просматривалась из укрытия Джейн, казалась светлой по сравнению с глубокой темнотой шкафа. Девочка могла различить каждую ворсинку бежевого ковра, каждую неровность на окрашенных стенах и студийный портрет в рамке: она сидит на коленях у Джули, наряженная в детское платье с корабликом, который покачивается на вышитых волнах. Это было так давно... Все остальное вдруг тоже закачалось. Шаги приближались к комнате Джейн.

Застонала скрипучая половица. Владелец руки был уже на полпути к ее спальне. А вдруг он услышит, что Джейн прячется в шкафу? Ведь сердце у нее так колотится, что даже маленький кораблик на портрете, кажется, подпрыгивает. Джейн мечтала затеряться среди одежды, висящей на дребезжащих вешалках.

В этот момент на ковре появилась узкая ступня с пятнышками розового лака на ногте большого пальца, и Джейн вздохнула с облегчением. Джули наредила ногти еще накануне вечеринки по случаю дня рождения, но к середине лета большая часть лака стерлась о шершавое белое

дно бассейна на заднем дворе, остались только маленькие уголки по краям. Значит, Джейн ошиблась насчет пальцев: ей опять примерещилось нечто вроде пауков в темных углах.

И действительно, в прямоугольнике дверного проема появилась Джули в ночной рубашке с Микки-Маусом. Она направлялась к лестнице возле комнаты Джейн, вероятно собираясь перехватить посреди ночи чего-нибудь вкусенького. Такая же ночная рубашка Джейн, только с Дональдом Даком, лежала в коричневой сумке, ожидая отправки в секонд-хенд, поскольку девочка уже выросла из нее. Мама часто говорила, что когда-нибудь Джейн перерастет старшую сестру. Девочка с облегчением обняла колени в приятно обволакивающей фланелевой пижаме.

И вдруг пальцы появились снова. На этот раз они лежали на плече Джули, вцепившись в ткань ее ночной рубашки; между их узловатыми костяшками струились длинные светлые волосы сестры. Только теперь Джейн заметила, какая у Джули напряженная поза, как похожа сейчас сестра на щенка с широко раскрытыми от ужаса глазами. А затем увидела высокого мужчину, следующего за Джули по пятам. Сестра и незнакомец двигались медленно, и его длинная волосатая рука казалась цепью, связывающей их друг с другом.

«Проснись, проснись, проснись!» — мысленно приказала себе Джейн, но ничего не изменилось. Все вокруг, включая ее саму, будто застыло, словно в кошмаре. Только Джули и мужчина продолжали двигаться. Пусть медленно, как сомнамбулы,

но все же они почти добрались до ее комнаты. Джейн открыла рот, чтобы закричать.

И тут Джули заметила ее.

Крик Джейн, не успев соскользнуть с губ, замер в горле, когда Джули уставилась прямо в глубину потайного убежища в шкафу. В ответ Джейн тоже впиалась взглядом в сестру, безмолвно умоляя подсказать, как ей следует поступить — заорать, заплакать или засмеяться, если это всего лишь шутка. Конечно, Джули не бросит ее одну посреди кошмара. Джейн пообещала себе: если Джули сейчас объяснит ей, что делать, впредь она всегда будет слушаться сестру и больше не станет ябедничать.

Не поворачивая головы, Джули подняла брови и многозначительно покосилась на мужчину позади, затем снова перевела взгляд на Джейн, как бы приглашая взглянуть куда-то ей за спину, но младшая сестра не могла оторвать взгляд от старшей. Странная пара повернула на лестничную площадку, не задерживаясь у спальни Джейн, и вдруг девочка поняла, почему Джули так напряжена: незнакомец приставил ей к спине острый конец длинного ножа. Джейн почувствовала неприятное жжение между лопатками, как от укуса насекомого, и глаза у нее наполнились слезами.

Девочка и мужчина уже шагнули на верхнюю ступеньку лестницы, когда с чердака донесся громкий скрип. Джейн знала, что это обычные звуки и шорохи дома, но незнакомец замер и нервно оглянулся через плечо. За долю секунды до этого Джули, словно очнувшись от чар, повернула

голову к сестре и, призывая к тишине, поднесла указательный палец левой руки к губам, сложив их в безмолвный овал.

«Ш-ш-ш».

Джейн повиновалась, а Джули начала спускаться по лестнице в сопровождении мужчины с ножом.

Такова, по словам единственного свидетеля, история о том, как я потеряла свою дочь — вернее, обеих дочерей, потеряла абсолютно всё, — за одну ночь.

1

Джули нет с нами уже восемь лет, но мне кажется, что прошли столетия. Я выхожу на улицу: пора ехать, чтобы провести последние в этом весеннем семестре занятия. Середина мая в Хьюстоне горяча, как воспаленное дыхание больного. Не успеваю я запереть за собой дверь, как начинаю потеть, одежда прилипает к телу; еще пять шагов до гаража — и влага сочится из каждой поры кожи. Когда я усаживаюсь во внедорожник, пальцы, сжимающие пластиковый стаканчик, соскальзывают, кофе расплескивается, и маслянистые темные брызги попадают на сиденье. Несколько капель угодили и на руку, но я позволяю им высохнуть, включив кондиционер. Лето с каждым годом наступает все раньше.

Я выезжаю задним ходом за шлагбаум, который мы установили на подъездной аллее уже после того, как стало слишком поздно, пробираюсь по нашему микрорайону к основной дороге, а затем вливаюсь в поток машин на шоссе, вдоль которого тянутся массивные пандусы, похожие на ребристые хвосты динозавров.

Восемь утра — час пик, и город с его переполненными дорогами напоминает сейчас огромное

сердце с забитыми артериями. Я тащусь в пробке; парализованы все четырнадцать полос, передо мной привычный пейзаж: бесконечные капоты автомобилей и задние фары, слабо мигающие красным в тусклом утреннем свете.

Мне больше нравится смотреть на машины сверху, поэтому мой экономичный «приус» томится в гараже, а я каждый день езжу в университет и обратно на громадном черном «ренджровере» мужа (все равно Том не пользуется им) по трем разным автострадам. Передвигаясь со скоростью улитки, я могу забыть о других автомобилистах и сосредоточиться на выщербленных буквах, установленных на бетонных козырьках торговых центров: «Всё за доллар», «Мир картриджей», «Первая парикмахерская». Неоново-розовый оскал мексиканского ресторана, желто-голубое чудовище «ИКЕА», возвышающееся за платной дорогой, желтушный кирпич новостроек, едва скрытых от автострады неровной линией кустов индейской сирени, — все напоминает о том, что самое страшное в моей жизни уже случилось. Я перебираю знакомые виды, как моя мать перебирала четки.

...Радуйся, госпожа автомойка, полная благодати, Господь с тобою! Молись за нас, о «Быстрая печать»! Владычица наша камера хранения, спаси, к тебе обращаем мы взоры!..

А вот билборды с изображением Джули исчезли. Когда-то здесь, на пересечении шоссе I-10 и кольцевой развязки 610, возле вон той жилой высотки, стоял щит с ее фотографией, втиснутый между баптистской церковью и бетонной

эстакадой, но пять лет назад попечители фонда решили, что портреты Джули пора снять. Или это было еще раньше? Думаю, дело в деньгах, хотя я не имею ни малейшего представления, сколько стоит рекламное место на щитах: фондом Джули занимался исключительно Том. Теперь с этого билборда сияет гигантская белозубая улыбка пастора мегацеркви¹, а рядом призыв: «Не теряй веру в повседневной суете!» Интересно, плакат наклеили прямо на лицо Джули или сначала содрали ее изображение лоскутами? Нелепая мысль. На этом щите с тех пор что только не рекламировали. Услуги дантиста, реверсивную вазэктомию.

Строчки из стихотворения Вордсворта, заданного к сегодняшнему уроку, застряли в голове, словно дурная шутка: «Ужель видений свет сошел на нет?/И где они сейчас — мечта и славы свет?»²

Я щелкаю поворотником и съезжаю на кольцевую. Скоро я войду в аудиторию, где на меня устремятся десятки требовательных взглядов студентов. Я планирую преподавать до тех пор, пока университет оставляет за мной место, хотя у меня давно нет научных публикаций, я не состою ни в каких комитетах да и вообще ни в чем не проявляю инициативы. Все силы уходят на то, чтобы каждое утро заставить себя подняться с постели и встретиться с равнодушным миром, где самое

---

¹ Отделения протестантской церкви с многотысячным количеством прихожан, устроенные по принципу бизнес-корпораций. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Строки из стихотворения У. Вордсворта «Откровения о бессмертии» (пер. Я. Пробштейна).

страшное, что могло случиться, уже случилось, а я почему-то по-прежнему жива. Я немало времени потратила на изучение поэзии Вордсворта и сейчас еду, чтобы с пиететом вещать о его творчестве, — но я не верю в славу и мечту. Я верю в статистику.

Статистика свидетельствует, что детей чаще всего похищают знакомые, однако Джули забрал чужак. Статистика утверждает, что почти все похитители пытаются заманить жертву в автомобиль, — Джули увели из собственной спальни, угрожая ножом, посреди ночи, в то время как другая моя дочь, Джейн, наблюдала за происходящим из шкафа. И наконец, согласно неумолимой статистике, три четверти украденных детей умирают в течение первых трех часов после похищения. Три часа — примерно столько Джейн просидела в шкафу, оцепенев от страха, прежде чем разбудить нас с Томом паническим воплем.

Таким образом, к тому времени, как мы узнали об исчезновении Джули, ее судьба уже была предопределена. Неизбежность ее смерти расплзлась как инфекция, как запах бензина. Пытаясь свыкнуться с тем, что Джули больше нет, я говорю себе, что ее не было и до того, как она родилась; не было и до моего рождения. И до рождения Вордсворта. Проезжая Мемориальный парк с его высокими соснами, я представляю, как она смотрит вверх невидящими глазами, укрытая одеялом из рыжевато-золотистых игл. Минуя квартал Крестьяно-апартаментс, я вижу, как она покоится на ложе из азалий. У торгового центра с маникюрным

салоном и спа «Санрэй» я не могу оторвать взгляд от мусорного контейнера. Таковы мои больные фантазии.

Когда-то я хотела подарить Джули целый мир. Теперь я хочу одного: возможности ее похоронить.

Последний урок перед летними каникулами проходит как в тумане. Я могла бы преподавать Вордсворта даже во сне, да и сейчас будто грежу, хоть и не сплю. Я вижу кристальную голубизну бассейна под высокими тонкими соснами, с рифлеными бортиками, сияющего, как пластиковая жемчужина. Девочки были от него в таком восторге. Перед покупкой дома я спрашивала Тома — он ведь бухгалтер, — можем ли мы себе это позволить. Модный район с переизбытком «Старбаксов» и загородных клубов не вписывался в наш стиль. Особенно в мой. Но девочек бассейн обрадовал даже больше того, что у каждой будет собственная комната. Они тогда не придавали значения нашему переезду из развалюхи в университетском квартале в элитную часть города с двухэтажными особняками, гаражами на две машины и зелеными лужайками, утыканными табличками с названиями школьных футбольных команд. На переезд мы решились по нескольким причинам, но вам будет интересно узнать, что не в последнюю очередь мы заботились о большей безопасности.

— Занятия окончены. Не забудьте прислать домашнее задание на мой электронный адрес до двадцать восьмого числа, не позднее пяти часов вечера.

К тому времени, как я желаю всем хорошо отдохнуть летом, большинство студентов уже покинули аудиторию.

Подходя к своему кабинету, я чувствую вибрацию телефона в кармане. Пришло сообщение от Тома: «Ты можешь забрать Джейн? Аэропорт “Хьюстон интерконтинентал”, 16:05, рейс 1093 “Юнайтед”».

Я убираю телефон, включаю компьютер и просматриваю расписание занятий Вашингтонского университета, где учится наша младшая дочь. Нахожу телефонный номер администратора, которого знаю еще со времен аспирантуры, и звоню ему, чтобы уточнить сроки окончания учебного года.

Затем отвечаю Тому эсэмэской: «Может, купить что-нибудь к ужину?»

Через несколько минут приходит короткое: «Нет». Видимо, больше нам с мужем нечего сказать друг другу по поводу слишком раннего возвращения Джейн после первого курса в университете.

Разглядеть ее среди прибывающих не так-то просто: откуда мне знать, в какой цвет она нынче красит волосы. Я стою рядом с транспортером №9, по ленте которого медленно плывут чьи-то сумки и чемоданы, и жду свою дочь. Наконец в толпе пассажиров я вижу ее — высокую девушку с бордово-черными волосами и свисающей на глаза прядью тускло-зеленого цвета, чудом пережившей очередное окрашивание.

— Привет, мам, — говорит она.

— Привет, Джейн.

Ее тяжелая сумка шлепает меня по бедру, когда дочь наклоняется обнять меня. Опустевшая лента багажного транспортера останавливается с легким скрежетом, и мы одновременно оборачиваемся. Я не знаю, как лучше спросить, отчего Джейн вернулась так внезапно.

— Ты опять сменила цвет волос, — замечаю я.

— Ага.

Все, что Джейн говорит и делает, — это вариация на тему хлопка дверью, ставшего ее визитной карточкой еще в средней школе, через пару лет после похищения Джули. В старших классах Джейн добавила в свой репертуар громкую музыку, разноцветные волосы и пирсинг, но привычка хлопать дверью оставалась гвоздем программы. Обычно после этого Том покорно плелся за дочерью вверх по ступенькам, а дальше раздавались ее рыдания и вопли, доходившие до меня в приглушенном виде. Сама я считала, что в такие моменты лучше оставить ее в покое.

— Как перелет?

— Нормально.

И очень долго. Подозреваю, Джейн выбрала Вашингтонский университет именно из-за его удаленности от Хьюстона. В детстве она часто говорила, что хочет поступить в университет, где я преподаю, но ее намерения поменялись примерно в то же время, когда начались хлопки дверью. Удивляюсь, как она не настояла на обучении где-нибудь на Аляске, но ей нужен был университет, где вместо семестров четверти, — очень

возможно, что этот факт и повлиял на ее решение в пользу Вашингтонского. Конечно, такое поведение можно списать на типичный подростковый бунт, но в случае с Джейн оно имело некий подтекст, как и ее стремление, по словам секретаря факультета, оставить «хвосты» по всем предметам весенней четверти, чтобы под предлогом сдачи долгов оттянуть приезд домой. Похоже, не очень-то она скучала по нам, даже проведя в Ситле весь учебный год. Поначалу меня не беспокоило, когда дочь сообщила, что не приедет домой на День благодарения. Студенты, которые учатся по четвертной системе, обычно пропускают этот праздник: осенняя четверть начинается довольно поздно. Но в середине декабря Джейн объяснила нам с Томом по телефону, что едва устроилась, к тому же один из преподавателей пригласил ее на праздничный ужин. Наша семья все равно никогда не празднует Рождество, правда? Вдобавок Джейн считает, что для воспитания независимости ей полезнее остаться. И тогда я почувствовала, как тяжело на душе у моего мужа. Я прервала его красноречивое молчание расплывчатой фразой: «Конечно, мы будем скучать по тебе, но всё понимаем».

Похоже, ситуация с праздниками обернулась еще одной захлопнутой дверью, на которую я не смогла должным образом отреагировать.

— Итак, — говорю я, — ты все еще наслаждаешься «Ю-дабом»³?

---

³ Сленговое название Вашингтонского университета.

— Вперед, «Хаски»! — скандирует Джейн, вяло помахивая кулаком. — Да, мам. Ничего не изменилось с тех пор, как мы разговаривали в последний раз.

На ленту конвейера начинает выезжать багаж, и мы обе наклоняемся вперед.

— А в январе тебе не холодно в такой куртке? Сейчас распродажа зимних вещей, можно пройти по магазинам.

Джейн смущенно тербит армейскую куртку, которую носит с шестнадцати лет.

— Да не надо. Я же говорила, что не мерзну.

— Как учеба, нормально?

— Да, а что?

— Просто спросила.

— Ну, с учебой все очень даже хорошо, — говорит она. — Так хорошо, что преподаватели разрешают мне сдавать рефераты вместо экзаменов.

Вместо экзаменов! Ничего себе. Интересно, как она уредила их довольствоваться рефератами? Мои ученики обычно отговариваются «чрезвычайной ситуацией в семье», надеясь, что я не стану выяснять подробности.

Я осторожно спрашиваю:

— И часто в «Ю-дабе» так делают?

— Мам, он называется Вашингтонский университет. Говори правильно.

Я кладу руку ей на плечо:

— Ладно, доченька. Мы просто рады, что ты наконец вернулась.

Мы стоим бок о бок, уставившись на блестящий металлический желоб, пока половина

пассажиров не забирает свои сумки; дребезжание полупустого конвейера становится еще громче. Наконец багаж Джейн, кувыркнувшись, падает на ленту и плывет к нам. Чемодан яблочно-зеленого цвета, наш подарок дочке на выпускной, уже потускнел со времени первого рейса в Сиэтл и теперь напоминает по тону светло-зеленую прядку в волосах хозяйки. Дочка хватается чемодан прежде, чем я успеваю протянуть к нему руку, но позволяет мне взять сумку. Затем Джейн останавливается, чтобы снять свою армейскую куртку. По ту сторону автоматических раздвижных дверей нас встречает дуновение жаркого, влажного ветра.

— Вижу, тут по-прежнему дикая духотища.

— Лучше дома места нет, — откликаюсь я, и Джейн награждает меня благодарной полуулыбкой.

Стараясь разговорить дочь во время дороги домой, я постоянно натываюсь на подводные камни. Надеюсь побольше узнать о ее жизни, я задаю вопросы, которые напоминают холостые выстрелы. Хотя, казалось бы, кто, как не я, знаком со студенческой жизнью, ведь большую часть времени я провожу в университете.

— Как дела в общежитии?

— Вполне.

— Тебе по-прежнему нравится твоя соседка?

— Да норм. Мы не лезем в дела друг друга.

— Ты поселишься с ней в одной комнате и в следующем году?

— Скорее всего, нет.

Наконец я касаюсь предмета, который, уверена, прольет свет на то, чем живет моя дочь, пусть и окажется болезненным для меня:

— А теперь расскажи мне о преподавателе английского, у которого ты ужинала на Рождество.

— Ее зовут Кэтлин, и на самом деле она профессор семиотики.

Значит, Кэтлин.

— Вот уж не думала, что семиотику до сих пор преподают на факультетах английского.

— Ее курс называется «Пересечения». В нем английский переплетается с лингвистикой, гендерными исследованиями и антропологией. Там предполагалась определенная подготовка, но в первый же день я пришла в кабинет Кэтлин и убедила ее допустить меня до занятий.

Истинная дочь профессора, Джейн знает, как найти подход к преподавателю. Более того, такой длинной цепочки слов ни я, ни Том не слышали от нее целую вечность.

— Расскажи поподробнее. Какую литературу вы изучаете?

— Думаю, я лучше подожду и расскажу обо всем уже при папе, — замечает она.

— Конечно, — соглашаюсь я.

— Просто не хочется повторяться.

— Разумеется, милая.

Я включаю Национальное общественное радио, и размеренный, успокаивающий голос ведущего новостей заполняет машину, когда мы медленно проезжаем мимо стрельбища и спортзала, где олимпийский тренер по гимнастике, вероятно,

до сих пор кричит на девочек с косичками. Джейн смотрит в окно. Наверное, она удивляется, почему папа не приехал ее встречать. Мне тоже интересно.

Через несколько минут нам обеим становится понятно почему.

Небо уже заволочли сумерки, когда, завернув на подъездную дорожку, я замечаю в светящемся прямоугольнике окна кухни мужа, готовящего ужин. Войдя, я чувствую запах любимого блюда Джейн — пасты фетучини «Альфредо» с панированными креветками и жареной спаржей. Довольно редкий рецепт этого блюда Том нашел в Сети и готовит его только по особым случаям. Нарезанный салат из свежей зелени лежит в миске рядом с разделочной доской, готовый присоединиться к яркой, праздничной сервировке на обеденном столе.

— Джейни!

Том раскрывает объятия, делая шаг вперед, и дочь крепко прижимается к нему. Я проскальзываю в ванную, затем в спальню, чтобы сменить университетский строгий костюм на удобные джинсы, и задерживаюсь на несколько минут, убирая белье, которое лежит сложенным в корзине у кровати. Когда я возвращаюсь, муж с дочерью оживленно болтают. Том стоит ко мне спиной, нарезая сочные помидоры для салата, Джейн постукивает кончиками пальцев по разделочной доске, словно играет на пианино.

— Пап, ты не согласишься, какими именами ребята перекидываются в аудитории! Деррида, например, и прочее. Там все намного умнее меня.

— Ну, она же допустила тебя до занятий, эта твоя гениальная обладательница гранта Мак-Артура⁴.

— Да, но каждый раз, открывая рот, я чувствую себя идиоткой.

— По крайней мере, ты хотя бы открываешь рот, — возражает он, кладя нож на стол и глядя дочери прямо в глаза. — Держу пари, что некоторые ребята даже слово боятся сказать.

Благодарная улыбка Джейн, едва заметная из-за плеча Тома, для меня как бальзам на сердце. Словно почувствовав мое присутствие, муж оборачивается и, улыбнувшись, бросает горсть нарезанных помидоров на кучу зелени, после чего торжественно ставит салатницу на стол.

— Все готово! — объявляет он. — Бери пасту, Джейн. Давайте же сядем и вместе поужинаем впервые за бог знает сколько времени.

И как раз в этот момент раздается звонок в дверь.

---

⁴ Стипендия фонда Мак-Артура, предоставляемая творческим работникам с выдающимся потенциалом, т. н. «грант для гениев».

2

Первое, что я вижу, — это ее светлые волосы, озаренные пепельно-розовым сиянием хьюстонского заката.

Потом лицо: тонкая бледная кожа, туго натянутая на широких скулах, подсвеченных алыми закатными бликами, отчего темные круги под запавшими глазами выделяются еще резче. Лицо выглядит одновременно молодым и старым. На ней поношенные джинсы с дырками на коленях, футболка. Гостья собирается заговорить, когда я замечаю, что она босиком.

Она вроде кого-то мне напоминает, но я словно растворяюсь в пространстве, мысли слепо тычутся в разные стороны, органы восприятия обшаривают ее облик, пытаюсь хоть за что-нибудь зацепиться: волосы, глаза, молодая, босиком.

Глаза у нее расширяются, лицо еще больше бледнеет.

Я невольно выставляю руки перед собой, широко растопырив пальцы, — ладони готовы защитить меня от этого багрового заката, как от ядерного взрыва, ноги подгибаются, я вот-вот упаду, но первой падает девушка на крыльце, оседает прямо на коврик, и ее светлые волосы цепляются

за ветки кустов азалии, когда она соскальзывает вниз. Я открываю рот и кричу, видимо зову Тома, хотя ничего не слышу, поскольку мозг по-прежнему ослеплен отблесками заката на лице гостьи. Том подбегает, замирает на миг, а потом бросается мимо меня к двери. Я зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, девушка почти целиком исчезла в его объятиях; спутанные пряди ее волос сминаются под его пальцами, когда он прижимает ее к груди, раскачиваясь взад-вперед.

— Джули, Джули, Джули, — причитает он, словно хор из ночного кошмара, который, как я теперь понимаю, длился все эти восемь лет каждую ночь напролет, а то и каждый день, тянулся непрерывным потоком, хотя я предпочитала его не замечать. Тут я вижу Джейн, застывшую в коридоре, и мозг у меня наконец-то включается.

— Набери девять-один-один, — выдавливаю я. — Скажи, что нам нужна скорая. — Тому, который издает дикие, животные всхлипы, которые я тоже слышала во сне, я говорю: — Веди ее в дом.

И вдруг самого страшного как не бывало. Джули вернулась.

Первые сутки после появления Джули до странности похожи на первые сутки после ее исчезновения: зеркальная симметрия, придающая дополнительную значимость каждой детали. Цветы индийской сирени, ронявшие лепестки, когда нашу дочь похитили в начале осени, сейчас, в начале жаркого лета, только начали разворачиваться, будто смятые клочки папиросной бумаги. Сирена

с ревом следует по всему району до нашего дома, как и в прошлый раз, но в машине едут медики, а не полиция, и на закате, а не на восходе солнца, поэтому соседи, которые выглядывают посмотреть, в чем дело, одеты в рабочие костюмы, а не в халаты, и держат в руках кухонные прихватки, а не утренние газеты. Все задом наперед, словно негатив давней трагедии.

Ехать в карете скорой помощи вместе с Джули разрешают только одному из нас, и Том немедленно делает шаг вперед, поэтому мы с Джейн забираемся в «ренджровер» и следуем за ними. Когда мы подъезжаем к больнице, как раз выгружают каталку с Джули, уже подключенной к капельнице, везут внутрь и устанавливают за шторой в большой общей палате. Все происходит с тем мучительным сочетанием медлительности и спешки, которое присуще всем отделениям неотложной помощи.

Следующие тридцать минут под флуоресцентными лампами тянутся как тридцать часов. Джули открывает глаза, что-то лепечет и снова отключается. Том сидит у ее постели, держа дочь за руку и бормоча неразборчивые утешения; я расхаживаю взад-вперед; Джейн подпирает стенку; то и дело врываются медсестры, которые ничего нам не объясняют, а лишь задают вопросы о страховке или анамнезе Джули — вопросы столь бесполезные и нелепые, что в конце концов мне становится ясно: некоторым из этих женщин просто любопытно увидеть знаменитую «потеряшку Уитакер» своими глазами. Очередная медсестра

собирается взять кровь на анализ, и Джули приходит в себя от холодного прикосновения влажного ватного тампона к внутренней стороне сгиба локтя. Она держит глаза открытыми ровно столько, чтобы неопределенно кивнуть в ответ на быстрые вопросы медсестры, а едва игла входит в вену, Джули снова теряет сознание. Штора, отделяющая нас от остальной палаты, трепещет, когда мимо проносятся люди, и не может заглушить какофонию скрипа колес каталок, неразборчивых объявлений по радио и гула голосов в коридоре, перемежающихся громкими вздохами и редким смехом. Наконец приходит женщина-доктор и выгоняет всех из закутка, несмотря на наши с Томом возражения.

— Я осматриваю ее всего за пару секунд, — обещает она. — Мама, папа, никуда не уходите.

Излишне говорить, что мы и не собираемся никуда уходить, но Джейн пользуется случаем, чтобы найти туалет. Доктор появляется из-за шторы после приглушенного разговора, который мне так и не удалось расслышать, и я успеваю разглядеть на заднем плане Джули — она очнулась, но явно не понимает, где находится, — прежде чем врач снова задерживает занавес. Пациентка обезвожена, заявляет нам доктор, страдает от истощения и переохлаждения, не ела несколько дней, но, похоже, никаких травм или повреждений нет, а в крови не обнаружено посторонних химических веществ.

— После капельницы с физраствором она взбодрится и будет как новенькая. — Либо доктор

не удосужилась прочесть историю болезни нашей дочери и ни разу не смотрела новости за последние восемь лет, либо слишком очерствела на этой работе и ей не хватает ума придумать нечто менее банальное. — Советую приехать на полное обследование через пару недель. Перед выпиской вам дадут все необходимые рецепты и рекомендации.

Когда мы вместе с врачом возвращаемся в закуток Джули, раздается стук в стену (поскольку двери тут нет), и вслед за нами входит следователь из полиции. Сорокалетний, темноволосый, похожий на типичного детектива из сериалов, но гораздо менее привлекательный, он оставляет штору приоткрытой и оглядывает Джули из этого импровизированного дверного проема.

— Джули Уитакер, — говорит он. — Невероятно.

Джули не обращает на него никакого внимания, но, увидев нас с Томом, падает обратно на подушку и без слез плачет. Том бросается вперед, чтобы обнять ее и прижать к себе. Заметив выражение моего лица, дама-доктор обещает, что Джули переведут в нормальную палату, как только появится место, и поспешно выходит. Коп представляется детективом Оверби и начинает задавать мне вопросы об обстоятельствах возвращения Джули. Но что я могу ему рассказать? Что она появилась из пылающего алого заката, или вылезла из лба индийского божества, или, подобно Еве, материализовалась из ребра Адама, пока тот спал? Если

честно, меня даже не волнует, как она к нам попала.

Я слышу, как Том повторяет ей снова и снова:

— Теперь ты в безопасности. Все в порядке. Доктор говорит, что ты поправишься.

Он разговаривает не столько с дочкой, сколько с самим собой, и хотя его слова не предназначены для меня, они настолько успокаивают, что я сосредоточиваюсь на них и отвлекаюсь от вопросов детектива Оверби.

Тот заявляет:

— Я хотел бы несколько минут поговорить с Джули наедине.

— Нет, — Джули цепляется за отцовскую руку, но смотрит на меня, — не уходите.

— Это не займет много времени.

Том встает, заслоняя собой койку, а мужчина он высокий, широкоплечий, внушительный, несмотря на появившееся брюшко.

— Категорически нет. Мы уже оставляли ее одну с врачом. Больше мы никуда не уйдем.

Том и детектив спорят, и крошечный занавешенный закуток еще больше съеживается. В разговоре то и дело всплывают одни и те же слова, и сначала я решаю, что детектив Оверби ставит под сомнение наше психическое здоровье или рассудок Джули: он говорит о вменяемости, о безопасности. Наконец он обращается непосредственно к Джули:

— Я знаю, что вы плохо себя чувствуете, мэм, и мне очень неприятно беспокоить вас в такой

момент, но я вынужден спросить: вы подвергались сексуальному насилию?

Она смотрит на детектива и молча кивает. Том стискивает зубы, и я на мгновение радуюсь, что Джейн еще не вернулась из туалета.

Детектив Оверби заводит речь о судебной экспертизе, и тут до меня доходит, что раньше он называл полицейские аббревиатуры⁵.

— Эксперт по сексуальному насилию уже выехала, — поясняет он нашей дочери. — Она скоро должна быть здесь, чтобы подготовить смотровую. Как только вам снимут капельницу, эксперт проведет исследование.

Джули мотает головой, и Том делает шаг вперед, готовый к драке.

Детектив Оверби, столь же внушительный, стоит на своем:

— Если есть признаки сексуального насилия, их лучше запротоколировать.

— Слушайте, — Том едва ли не тыкает в детектива пальцем, — мы с самого первого дня выполняли все указания полиции и не задали ни единого лишнего вопроса. А теперь, восемь лет спустя, когда мы... — У него перехватывает дыхание. — Мы долгие годы не получали никаких новостей, и наша пропавшая дочь появилась на пороге родного дома вовсе не благодаря вам. А теперь вы собираетесь всю ночь донимать ее

---

⁵ Сокращения *SANE* и *SAFE*, которые используются для обозначения экспертизы в случае сексуального насилия и процедуры проверки безопасности, созвучны английским словам «вменяемость» и «безопасность».

вопросами, исследуя вдоль и поперек, будто место преступления? — Он возмущенно фыркает. — Мы вернемся завтра.

Коп пытается возразить, но тихий голос Джули останавливает его:

— Последний раз это было... очень давно. По меньшей мере полгода назад.

Детектив Оверби вздыхает, нехотя принимая новость о том, что нашу дочь не насиловали уже полгода.

— Тогда ладно. Мы по-прежнему рекомендуем вам вернуться на обследование, но с точки зрения криминалистики спешить некуда. Отдыхайте, а завтра в участке мы встретимся и составим заявление.

Джули слабо кивает. Том подается вперед, но в этот момент входит Джейн со стаканом сока в руке. Должно быть, взяла его на сестринском посту. Заметив, что Джули очнулась, она застенчиво улыбается:

— С возвращением.

Шесть часов спустя, уже глубокой ночью, Джули выписывают, накачанную физраствором и одетую в больничный халат, выданный вместо потрепанных футболки и джинсов, которые полиция конфисковала в качестве улики. Наша дочь опирается на руку Тома, пока я сгребаю в сумочку антибиотики от хламидиоза и гонореи, рецепт на валиум на случай бессонницы и папку, под завязку набитую брошюрами о сексуальных домогательствах, где также приведены телефонные номера

служб по оказанию помощи жертвам сексуального насилия и различных женских приютов. К папке прикреплена визитная карточка детектива Оверби: она вставлена в четыре прорези на лицевой обложке папки, чтобы не потерялась. Я вынимаю ее и сую в задний карман джинсов.

Том везет нас домой, Джули спит на заднем сиденье внедорожника на одноразовой подушке, которую ей разрешили взять с собой. Джейн удалось подремать в больнице, и теперь она молча смотрит на сестру. Никто не разговаривает — отчасти мы не хотим будить Джули, но отчасти и сами не хотим просыпаться. Во всяком случае, я. В три часа ночи мы открываем заднюю дверь и проходим на кухню через прачечную. Наш дом выглядит жилищем совершенно чужой семьи, застигнутым в самый обычный день. Этакая выставка повседневности: над стиральной машиной сохнет блузка; на разделочной доске рядом с ножом в луже красного сока лежат ломтики глянцевого спелых помидоров. В столовой на обеденном столе — давно остывший изысканный ужин в честь возвращения Джейн: салат завял, панировка на жареных креветках размокла, на холодной слипшейся пасте подсыхает соус. Пока остальные перемещаются через кухню в гостиную, я заворачиваю в столовую и поспешно собираю все три тарелки с едой, выкидывая фетучини в мусорное ведро. Мне хватает всего нескольких минут, чтобы сложить в раковину улики нашей прежней жизни втроем.

Когда я присоединяюсь к остальным домочадцам в гостиной, Джейн и Том неловко топчутся

у дивана рядом с Джули, будто люди, устраивающие на ночлег дальнюю родственницу. Муж, разволновавшись, качает головой, и когда я понимаю, о чем они говорят, становится ясно, что не было смысла уничтожать улики в столовой.

Семь лет назад Том перенес свой кабинет в комнату Джули. Он не стал обсуждать это со мной и даже не сообщил, что решил бросить работу бухгалтера, ради которой мы и переехали в этот район, и заняться частной практикой как налоговый консультант. Однажды я проходила мимо этой комнаты и увидела, что она превратилась в тщательно организованный храм памяти Джули: место ее кровати заняли письменный стол и картотечный шкаф, молодежные плакаты сменились фотографиями нашей дочери в рамках. Я и без объяснений Тома поняла, что новый кабинет призван стать штаб-квартирой поисков, что тоску по пропавшей дочери муж намерен заглушить лихорадочной деятельностью. Но теперь, когда Джули вновь с нами, обстановка в ее прежней комнате отдает экзорцизмом.

— Я не возражаю против дивана, — говорит Джули.

— Пусть займет мою спальню, — предлагает Джейн, все еще топчась позади, как будто боится подойти слишком близко. Она смущенно держится за локоть и невероятно похожа на себя десятилетнюю, хотя я с болью замечаю, что наша младшая дочь выше старшей на несколько дюймов. Джейн смотрит на Джули не жадно, как Том, который, похоже, впредь ни на минуту не собирается

выпускать ее из виду, а настороженно. — Я не возражаю, — добавляет младшая.

— Нет-нет! — протестует Джули. — Я не хочу никого тревожить.

У меня вдруг возникает отчаянное желание уложить ее между Томом и мной, как мы делали, когда в семь лет ее трясло от лихорадки. Это, разумеется, неосуществимо, однако гостиная вокруг нас кажется слишком открытой и просторной; большие окна угрожающе темнеют за занавесками.

— Том, может, вытащим надувной матрас? — предлагаю я. — Она сможет спать у себя в комнате, пока мы не уберем твой стол.

— С закрытой дверью мне будет легче, — признается Джули, и все решается. У нее нет ни туалетных принадлежностей, ни багажа, но вопросов никто не задает: Джейн без слов одалживает сестре футболку и шорты, а я нахожу запасную зубную щетку в упаковке. После того как суета утихает, Джули исчезает за дверью кабинета Тома, как солнце за облаком, а я гадаю, успокоят ее старые фотографии или встревожат.

К тому времени, как мы провожаем Джули в постель, заверяя, что она сама решит, идти ли завтра в участок, начинает светать. Когда я закрываю дверь нашей спальни, ноги у меня подкашиваются, но я все равно чувствую себя бодрее, чем все эти годы. Мысли мчатся в бешеном ритме, насканивая одна на другую, пока я совершаю привычный вечерний туалет в ванной.

— Анна? — произносит Том таким тоном, словно окликает меня уже второй или третий раз. Я выхожу из ванной и вижу, что он лежит на своей стороне кровати и выжидающе смотрит на меня.

Не успев выяснить, чего он хочет, я неожиданно для себя выпаливаю:

— И что теперь делать?

— Она вернулась, — напоминает Том. — Больше ничего не нужно делать.

Я стягиваю джинсы, решив поспать в одной футболке.

— Она вернулась, — повторяет муж, как упрямый ребенок.

— Мы не знаем, через что ей пришлось пройти. — Вешая джинсы на дверцу шкафа, я думаю о визитке детектива, засунутой в задний карман. — Надо вести себя осторожнее.

— Лучше бы мы тогда проявили осторожность, — бросает он дрогнувшим голосом.

— Может, она уже не та, какой мы ее знали, — замечая я, закрывая шкаф.

— Мы все изменились, — возражает Том и после долгой паузы упрекает: — Ты вообще не верила, что она вернется домой.

Я сажусь на край кровати, чувствуя, как его взгляд буравит мне затылок, и зажмуриваюсь, пытаясь вникнуть в обвинение.

Через мгновение я поворачиваюсь к Тому лицом.

— Я не верила, что мы найдем ее, — говорю я, надеясь, что он поймет разницу.

Муж не отвечает. Но когда я наклоняюсь, чтобы выключить свет на тумбочке, он отодвигается, и между нами пробегает холодок, точно ветерок сквозит через щель в стене. Том поворачивается на бок спиной ко мне, но такое временное отчуждение — тоже часть нашего брака: мы часто спорили в постели за эти годы. И каждый отстаивал свою правоту, зная, что утром мы все равно проснемся рядом.

Теперь, глядя на спину мужа, я думаю: «Джули дома. Теперь все будет хорошо».

Я снова вижу ее лицо таким, каким увидела на крыльце: едва знакомым, осунувшимся, с натянутой на острых скулах кожей.

— Спокойной ночи, — говорю я.

Я сплю до полудня и просыпаюсь от грохота кастрюль и гула голосов на кухне.

Знакомый сон. Тот самый, где появляется Джули, и я говорю: «Мне столько раз снилось, что ты вернулась, но теперь ты на самом деле дома». Я встаю, иду в ванную, плещу водой себе в лицо и смотрюсь в зеркало, ожидая, что изображение вот-вот начнет расплываться и таять. Но ничего не меняется. Теперь все и правда происходит на самом деле.

По телу пробегает дрожь, в голове появляется слабая боль. Я натягиваю вчерашние джинсы и спускаюсь на кухню.

Стол залит солнечным светом. Моя ослепительно белокурая дочь сидит у окна, все еще в футболке Джейн, которая ей великовата. Том лучезарно

улыбается ей через стол, пока они болтают о разных пустяках: апельсиновый сок, погода, кому добавить омлета. Словно так было всегда. Потом входит Джейн со стаканом в руке и садится напротив Джули, и по спине у меня пробегает дрожь, когда я замечаю странную закономерность, вернувшуюся в нашу семью: по девочке с каждой стороны стола, четыре стороны на четверых. В голове всплывает цитата из блейковского «Тигра» про пугающую симметрию.

— Доброе утро, — говорю я с порога.

— Ты спала целую вечность, — замечает Джейн.

Но Джули вскакивает, в три прыжка подбегает ко мне и обнимает. Это застает меня врасплох. Сколько времени прошло с тех пор, как дочь через всю кухню бросалась меня обнимать? Едва я успеваю вдохнуть запах ее волос, она отстраняется и глядит на меня, схватив за плечи.

— Привет, мам, — произносит она чуть смущенно, и мгновение мы смотрим прямо друг на друга.

Я привыкла к лицу Джейн, в котором вижу собственные черты: острый нос и глубоко посаженные глаза. Вглядываясь в лицо Джули, я замечаю, что на нем нет ни родинок, ни прыщей, ни пятен, ни морщин.

Она идеальна.

Джули неловко отстраняется, и я понимаю, что все это время беззастенчиво пялилась на нее.

— Прости, — оправдываюсь я, — слишком долго не видела твоего лица.

— Еще бы, — вторит Том.

— Садись, я сейчас кофе принесу, — говорю я. — Как тебе спалось?

На плите стоит большая сковорода с остатками омлета, и я, внезапно проголодавшись, наполняю тарелку.

— Очень хорошо, — отвечает Джули, как вежливая гостя. — Надувной матрас оказался удобным.

— Она проснулась всего несколько минут назад, — перебивает ее Том. — Я все утро отвечал на телефонные звонки из полицейского управления: «Приходите в любое время». Что, по-видимому, означает: «Если не появитесь к девяти, пеняйте на себя». — Он мрачнеет. — Думаю, есть смысл навестить копов пораньше. Они стараются успеть до появления прессы. Уверен, ажиотаж может начаться с минуты на минуту.

Улыбка на лице Джули тает.

— Наверное, нам пора ехать в участок, раз мама проснулась.

Том накрывает ладонью ее руку, лежащую на столе:

— Мы подождем, сколько скажешь.

— Чем скорее поедем, тем скорее все закончится, — замечаю я.

Глаза Тома наполняются слезами, и я понимаю: он не хочет знать, через что прошла наша дочь. А вот я, как ни странно, хочу. Джули смотрит на меня с благодарностью:

— Да, давайте поскорее покончим с этим.

В глазах дочери читается, что она нуждается во мне, как ни в ком другом. Я не могу держать

Тома подальше от полицейского участка, но могу уговорить его остаться в коридоре, а значит, Джейн тоже придется поехать, чтобы приглядеть за отцом.

— Пойдем, Джули, — зову я. — Подберем тебе что-нибудь из одежды. — Пожалуй, юбка подойдет, решаю я, оглядывая ее истощенное тело. Хотя понадобится пара английских булавок.

— Он сказал, что убьет меня, если я буду сопротивляться. Убьет всю мою семью.

— Вы ему поверили? — спрашивает Оверби.

Мы сидим в полицейском участке, в отдельной комнате с окнами из матового стекла и единственным столом: я, Джули, Оверби и молодая женщина-детектив по фамилии Харрис. Том, по просьбе Джули, ждет в вестибюле вместе с Джейн. Оверби хотел расспросить Джули наедине, но она переводит взгляд с его лица на мое, и он со вздохом приглашает меня войти. Я держу чашку черного кофе, настолько слабого, что можно увидеть пузырьки воздуха, прилипшие к внутренней стороне пластикового стаканчика, и прочитать оттиск серийного номера на доньшке. Кофе принесла мне детектив Харрис — ну разумеется, — пока Оверби задавал вопросы моей дочери.

— Конечно, поверила, — говорит Джули. — Он приставил мне нож к горлу.

— Кухонный нож, — уточняет Оверби, сверяясь с записями, будто еще не изучил дело как следует, — взятый у вас дома. Другого оружия вы при нем не заметили?

— Ей было всего тринадцать, — вмешиваюсь я, но Оверби поднимает руку и кивает Джули, чтобы та продолжала. К моему удивлению, дочь и правда держится вполне спокойно.

— Насколько я помню, нет. Но я ему поверила. И если бы он решил похитить меня сейчас, когда я знаю, на что он способен, я бы все равно поверила. — Она переводит дыхание. — Выйдя из дома, мы сели в автобус рядом с аптекой, что на Мемориал-драйв, и поехали на автовокзал в центре.

— Вас кто-нибудь видел?

— Наверное, водитель автобуса, но я была слишком напугана, чтобы что-то сказать. На автовокзале он купил два билета. Мы сошли в Эль-Пасо. — Джули делает паузу, и взгляд у нее цепенеет. — Там он изнасиловал меня в первый раз.

— Вы помните, где это случилось?

— В каком-то мотеле. Хотя не помню, в каком именно.

— «Мотель номер шесть»? «Эконо-лодж»?

Она холодно смотрит на него:

— Извините, я не знаю. Мы пробыли там всего пару дней, а потом снова уехали. Мы постоянно переезжали. Он угнал машину в Эль-Пасо. — Оверби, не глядя на Харрис, делает едва заметный жест, и та что-то записывает. — И какое-то время мы ездили на ней, но потом он ее продал. Просто однажды вернулся без машины.

— Он оставлял вас одну?

— Да. Он меня связывал и вставлял кляп в рот, если собирался выйти. Кажется, мы были

в Мексике, когда он продал машину, но я не уверена, потому что мне завязали глаза, а потом я долго сидела в кузове фургона.

У меня перед глазами проплывает одно из старых видений: кузов фургона, заклеенный скотчем рот моей дочери.

— Я не сразу сообразила, что он меня продал.

— Он — что?! — Оверби резко поднимает голову.

— Он меня продал, — повторяет она. — Их было пять человек. Или шесть.

Харрис качает головой и возвращается к стенографии.

— И те люди тоже?..

— Да. — Джули сухо усмехается. — Да, они тоже.

Я закрываю глаза.

— Миссис Уитакер, вам нехорошо? — Голос Харрис. Не открывая глаз, я погружаюсь в холодную черную пустоту, тело немеет. Слышу, как Оверби поправляет коллегу:

— Миссис Давалос вернула девичью фамилию.

Я открываю глаза, но мельтешащие черные точки рассеиваются не сразу.

— Все в порядке, — шепчу я, пытаюсь дотянуться до рук Джули, но она крепко сцепила их на груди.

— Вы могли бы опознать кого-нибудь из мужчин?

— Мне завязали глаза, — терпеливо повторяет Джули.

— Но вдруг что-то запомнилось? Какие-то особые приметы?

Она размышляет.

— Некоторые из них говорили между собой по-испански, хотя чаще помалкивали. Во всяком случае, у них я была пару дней, хотя точно не помню. Потом меня снова продали. На этот раз какому-то важному человеку.

Детективы многозначительно переглядываются.

— Кому?

— Имени я не знаю. Другие мужчины между собой называли его Эль Хефе⁶, а когда обращались к нему — сеньором.

— Продолжайте, — спокойно просит Оверби, пока Харрис яростно строчит в блокноте. — Откуда вы узнали, что он важная персона?

— У него был огромный дом, целый жилой комплекс с телохранителями и прислугой, и он командовал множеством вооруженных людей. — Джули замолкает и вздыхает. — Только не спрашивайте, где находится его дом. Я не знаю. На улицу меня не выпускали.

— И сколько вы там пробыли?

— Восемь лет.

Позже я как можно лаконичнее пересказываю Тому историю нашей дочери — только самое важное, чтобы объяснить, зачем Джули перебирала в полиции фотографии пятидесятилетних

---

⁶ Начальник (исп.).

мексиканцев с высокими лбами и жирными подбородками. Я упоминаю различные этапы ее пленения, но не ожоги сигаретами, которые она получила, когда попыталась сбежать. Не скрываю, что нашу дочь годами насиловали, но опускаю интонацию, с которой она говорила об этом: словно описывала сюжет скучного сериала. Я рассказываю мужу, что в итоге похититель устал от нее, но не поясняю, что она стала слишком старой для него, выйдя из подросткового возраста. Я говорю, что ей завязали глаза и доставили на вертолете на крышу одного из домов в Хуаресе, но скрываю, что охранник, скорее всего, должен был убить ее, а не отпустить. Я рассказываю о том, как она спряталась в кузове грузовика, чтобы пересечь границу, но не о том, как она боялась американских пограничников, поскольку сомневалась, что сможет говорить по-английски, вообще сможет говорить после стольких лет заточения. Рассказываю, как она выскочила из грузовика, пока тот стоял на светофоре, и убежала, но не о том, как она долго плелась на подгибающихся ногах вдоль трассы I-10, невидимая с автострады, вроде тех оборванцев, которых мы стараемся не замечать, когда они толкуются на стоянках автозаправочных станций, прижимая к себе пакеты со своими жалкими пожитками.

— Боже мой, — бормочет Том себе под нос. Мы с ним сидим за кухонным столом, а девочки наверху спят в своих постелях. — Выходит, ее продали банде торговцев людьми, а потом какому-то наркобарону?

Даже странно, насколько в его устах эти фразы точнее складываются в связную историю, чем беспорядочные реплики дочери в комнате для допросов.

— Да, похоже на то.

Том наклоняется, опершись локтями о кухонный стол; он едва сдерживает себя, каждый мускул у него напряжен.

— А что сказали детективы?

— В общем-то, почти ничего. Просто брали у нее показания, задавали вопросы.

— Ну разумеется. Они не хотят упоминать вещи, которые могут нас разозлить. Например, торговлю людьми или принудительную проституцию. Наверняка они знают об этом, но попросту не могут остановить! — На последнем восклицании муж срывается на крик. Он больше не старается приглушить голос.

— Да, вероятно, они что-то знают. Харрис упомянула специальное подразделение...

— В штате есть специальное подразделение по борьбе с торговцами людьми, — удивляет меня своей информированностью Том.

Я вспоминаю, какую огромную работу он проделал, к скольким поисковым организациям присоединился — группы поддержки для родителей пропавших детей, сообщества в «Фейсбуке». Интересно, сколько еще он знает того, чего не знаю я?

— Подразделение сформировали пару лет назад, после большого скандала в прессе. Однако было уже слишком поздно, чтобы спасти Джули.

Но, пожалуй, мы должны радоваться, что сейчас она сможет помочь полиции. — Том тяжело вздыхает. — Как она там держалась?

— Джули держалась... молодцом, — говорю я. — Учитывая обстоятельства. Но один из детективов сказал мне, что она в шоке и ей нужно обратиться к психотерапевту.

— Конечно. Я найду кого-нибудь.

3

Всю первую неделю я вожу ее по магазинам. Честно говоря, я не знаю, чем еще заняться с этой взрослой женщиной, которая появилась вместо моей пропавшей тринадцатилетней дочери. Сейчас Джули двадцать один. У нее нет никакой одежды. Первые несколько дней я одалживаю ей свои вещи — по размеру она ближе ко мне, чем к Джейн, — но мне странно видеть ее в одной из моих строгих черных туник с огромным капюшоном, скрывающим ее светлые волосы: она кажется куклой, наряженной на похороны.

— Мне надо кое-что купить в «Таргете», — вру я. — Хочешь пойти? Можем и тебя заодно приодеть.

Когда-то Джули любила ходить со мной по магазинам перед началом учебного года. Особенно ей нравилось выбирать тетради, ручки и карандаши фиолетового, розового и ярко-зеленого цветов. Вдобавок к обычным джинсам, футболкам и нижнему белью я всегда покупала ей совершенно новый наряд для школы, и она неделями любовалась им, повесив на дверцу шкафа и считая дни до начала занятий. Я веду ее в тот же универмаг, который почти не изменился за минувшие восемь

лет, и гадаю про себя, сохранились ли у Джули такие же приятные воспоминания об одном из немногих наших совместных занятий.

Но как только мы оказываемся в магазине, красные стены почему-то кажутся слишком агрессивными; флуоресцентные лампы, свет которых отражается в белом линолеуме пола, вызывают головную боль. Джули послушно следует за мной по магазину, будто она здесь впервые, а меня невольно передергивает при виде неоновых бикини, небрежно свисающих с вешалок, вязкозных мини-платьев, валяющихся на полу под стойкой, и красно-белой мишени — логотипа «Таргета» — над корзинами с разноцветным нижним бельем. Если одежда в моем шкафу слишком мрачная для девушки двадцати одного года, то здесь все слишком хлипкое и пошлое для человека с таким лицом, как у Джули. Торопливо минуя отдел одежды, я наугад хватаю терку для сыра из кухонного отсека, и вот мы уже неловко топчемся в очереди у экспресс-кассы.

Джули пристально разглядывает ряды шоколадных батончиков в ярких упаковках, и меня поражает, насколько это напоминает такое же смущенное топтание у багажной ленты с Джейн — молчание двух людей, пытающихся притвориться, что ничего особенного не происходит, ведь они всегда мало общаются. Разница в том, что Джейн и правда не хочет разговаривать — во всяком случае, со мной. Насчет Джули я не уверена. Но, какой бы беседы я ни ожидала, неуместно вести ее у экспресс-кассы магазина, даже если появилась

пара лишних минут: женщина перед нами завязала спор о цене покупки. Теперь я, конечно, знаю историю Джули, но по-прежнему не знаю, что она чувствовала, проходя через все эти испытания, и что чувствует сейчас. «Только посмотри на нее, — думаю я, — глядит в никуда». Но я ошибаюсь. Как только мы оплачиваем покупку и садимся в машину, Джули говорит:

— А мне нравился тот фильм.

— Какой фильм? — удивляюсь я.

— «Маленькая принцесса».

Теперь я припоминаю диск на витрине возле кассы. Я мало что помню об этом фильме, кроме его исключительно яркой цветовой палитры. Одна из слезливых историй про сиротку, которую обижает злая директриса пансионата, держа ее в камерке на чердаке. Меня охватывает легкая паника.

— Почему ты не сказала, что хочешь его посмотреть? Мы купили бы диск.

— Все хорошо, не надо.

— Мы можем вернуться.

— Мама, я просто вспомнила.

Она умолкает, а я чуть не плачу. И вдруг Джули говорит:

— Тот индийский господин повсюду ищет девочку, чтобы передать ей наследство отца, но оказывается, что она все это время была рядом с ним.

Я хочу что-нибудь сказать, но не нахожу слов.

— Я иногда думала об этом, — продолжает она, поворачиваясь ко мне. Ее взгляд смягчается.

На улице начинается дождь. Мы мчимся к «Нордстрому», где я покупаю дочери охапки

шелковых топиков, дизайнерские джинсы, кашемировые свитеры, рубашки с воротничком, блузки в народном стиле и простые тонкие футболки по пятьдесят баксов за штуку. Я покупаю ей кошелек, бумажник, ремень, пару коричневых мокасин из телячьей кожи, несколько пар босоножек и три пары туфель на плоской подошве разных цветов, тоже дизайнерских, пусть даже, поскольку логотип на внутренней стороне, никто не догадается, насколько они дорогие. Но я буду знать.

И Джули тоже знает, хотя я изо всех сил стараюсь прятать от нее ценники, увидев, как она, взглянув на ярлычок блузки, пытается незаметно вернуть ее на вешалку.

— Джули! — твердо говорю я.

Она кивает с легкой улыбкой, и я чувствую прилив восторга, сильного, как первый глоток кофе после хорошего ночного отдыха. Следующие два часа я стою у примерочной и подаю дочери одежду разных размеров, оттенков и фасонов: бюстгальтеры, блейзеры, даже купальники. Пока я размышляю, в какой шикарный ресторан мы ее сначала отведем, она приоткрывает дверь и тянет руку за меньшим размером платья ярко-синего цвета. Передавая его Джули, через глубокую пройму слишком просторного предыдущего размера я мельком замечаю у нее прямо под грудью пятно размером с монету. Черное, с голубовато-зеленым оттенком, но на синяк вроде не похоже. Дверь примерочной закрывается прежде, чем я успеваю спросить дочь, но платье ей все равно не идет, так

что в итоге мы его не покупаем. У нас есть масса других вариантов.

Мы выходим с четырьмя гигантскими пакетами, набитыми доверху, по две штуки на каждую, прямо как в фильмах о богатых и знаменитых. И я действительно чувствую себя всемогущей, будто сорвала куш задаром, хотя четырехзначная сумма на чеках говорит об обратном. Джули тоже беззастенчиво улыбается; на ней только что купленные трикотажный топ и джинсы, с которых мы сорвали бирки прямо у кассы, когда длинный чек еще с жужжанием выползал из аппарата. Пока мы были в магазине, из-за облаков выглянуло солнце и теперь отражается в свежих лужах на парковке. Все сверкает под его лучами. Я с замиранием сердца думаю о Томе, который в этот момент сидит за компьютером и видит, как в приложении, привязанном к банковской карте, появляется отчет о транзакции. Сумма больше нашей ежемесячной выплаты за дом. Только поздно ночью, когда я засыпаю, мне вспоминается черно-голубовато-зеленоватое пятно на груди дочери, и в мыслях отчетливо проступает слово «татуировка».

На следующий день мы с Джули едем в бизнес-центр из стекла и бетона на Мемориал-драйв. Следуя указаниям Тома по телефону, мы находим приемную психотерапевта по имени Кэрол Морс, где фикусы таинственным образом растут при полном отсутствии естественного света. Джули заходит в кабинет, а я, приготовившись к длительному ожиданию, достаю книгу о пейзажах

в поэзии Байрона, затем откладываю ее и следующие полтора часа бесцельно листаю журналы. Я думаю о множестве будущих встреч, обо всех приемных, где мне предстоит оказаться, и надеюсь, что там регулярно выкладывают свежую прессу.

На обратном пути Джули спрашивает, можно ли ей самой ездить на прием к психотерапевту.

Мы с Томом спорим об этом три дня подряд.

— Она не может водить машину без прав, — доказывает он. — Нет, и точка.

— Кабинет психотерапевта не так уж далеко, ей даже на шоссе выезжать не придется.

— Тогда купим ей велосипед.

Но в городе, где нет тротуаров, велосипед кажется мне опаснее автомобиля.

— Чтобы ей сигналили или, не дай бог, сбили ее? Людей похищают и с велосипедов, Том. И автобус тоже не подходит.

Не обеспечивает безопасности, вот что я имею в виду. Я представляю себе, как Джули бредет вдоль автострады.

— Разумеется, она получит права, но на это уйдет несколько месяцев, потребуются заполнить кучу бланков и документов. Что она будет делать до тех пор? А еще ей придется пройти проверку зрения...

— Вот именно! Проверки не зря проводятся, — говорит Том, но я вижу, что он колеблется, и продолжаю стоять на своем.

Во-первых, Джули попросила разрешения у меня — именно у меня, не у отца. Думаю, она

хочет находиться в машине одна по той же причине, что и я: ради чувства защищенности, когда сидишь в бронированном автомобиле за тонированными стеклами, дышишь кондиционированным воздухом и с высоты водительского сиденья обзираешь окрестности; ради полного уединения. Я в силах дать его дочери, и оно ей куда нужнее новых нарядов.

В конце концов мы идем на компромисс. Я записываю Джули на летние курсы вождения в местном колледже неподалеку от нашего дома, а Том соглашается поучить ее прямо сейчас, чтобы она смогла самостоятельно ездить на терапию и обратно. Разумеется, осторожно, по прилегающим спокойным улочкам. Уроки вождения с дочерью — вот что становится решающим аргументом. Том сдается при виде бурного восторга Джули, и всю следующую неделю они, точно заговорщики, встают спозаранку и несколько часов колесят по городу. Когда они возвращаются, мы вместе обедаем. Потом Том садится за работу, а мы с Джули плаваем в бассейне. Днем мы с ней ходим по магазинам. За это время мы купили в «ИКЕА» мебель для ее спальни, а также все необходимое для занятий, будто она студентка колледжа. Иногда мы вместе ездим на прием к психотерапевту, иногда ходим в кино. После ужина мы с Джули и Томом смотрим телевизор, а Джейн сидит рядышком, уткнувшись в ноутбук. Семейная идиллия, в которой Джули занимает особое место, становится привычной. Наше время заполнено различными заботами, так что

нет нужды изобретать темы для разговоров, не касающиеся восьмилетнего отсутствия Джули, а у нас с Томом всегда находится повод коснуться плеча старшей дочери, словно убеждаясь, что она по-прежнему с нами.

В первые недели кажется, что это безмятежное счастье будет длиться вечно, даже несмотря на некоторые неприятные моменты: так, иногда Том слишком резко отвечает на телефонный звонок с неизвестного номера, повторяя навязчивым журналистам, что мы не заинтересованы в интервью. «Я не знаю, когда можно будет позвонить, — огрызается он, — а пока оставьте нашу семью в покое». В конце концов муж отключает телефон, и я опять погружаюсь в блаженное осознание, что он обо всем позаботится, как и в те дни восемь лет назад. Где-то на задворках сознания маячат темы, о которых я стараюсь не думать, — работа, слишком раннее возвращение Джейн, злосчастные полицейские экспертизы. В итоге я посылаю заведующему моей кафедрой электронное письмо, в котором сообщаю, что выставлю оценки чуть позже, а насчет Джейн, которая при сестре ведет себя куда тише, решаю, что она наверняка успеет сдать последние рефераты. Видимо, их она постоянно и строит в ноутбуке. Сама Джули, как я и предполагала, после нескольких недель утренних занятий с Томом вполне наловчилась добираться на сеансы психотерапии и обратно. Наша новая жизнь приходит в норму; похоже, мы все учимся снова быть семьей.

Мы с Томом даже опять стали заниматься сексом, чего не случалось уже много лет. Во время близости муж прикасается ко мне очень осторожно, будто у меня содрана кожа и он боится причинить мне боль.

Джули с нами уже несколько недель, и хотя я привыкаю к ее присутствию, мне все еще кажется, что тело у меня изранено, будто по нему прошлись рашпилем. Каждая пора открыта, каждый волосок — точно нить накаливания, готовая пронзить током при малейшем дуновении ветерка. Все последние годы я училась подавлять чувства. Помню, когда горе было еще свежо, я лежала на диване, таращась в телевизор, и опустошала одну за другой баночки водки с тоником, ожидая, когда отключится сознание, стараясь как можно меньше двигаться, осваивая искусство онемения. А теперь онемения и близко нет: меня словно бросили в кипяток, и обожженная кожа болит даже при соприкосновении с воздухом.

Если я и боюсь любить Джули с прежней силой, то только потому, что нерастраченный запас любви слишком огромен, и я опасаясь, дав чувству волю, исчезнуть, раствориться в нем, растаять, как облако, и превратиться в ничто.

Однажды утром я просыпаюсь оттого, что Джейн стоит надо мной и трясет за плечо. Все еще не отойдя от сновидения, которое не могу вспомнить, я пугаюсь при мысли, что давний кошмар повторяется снова.

— Мама, — настойчиво шепчет младшая дочь. — Мама, просыпайся!

Я инстинктивно протягиваю руку к Тому.

— Не буди папу, — просит Джейн. — Давай быстрее, ладно?

Под одеялом я совершенно голая и вовремя вспоминаю об этом, прежде чем откинуть его. Джейн понимает, что я стесняюсь ее.

— Я подожду снаружи. Дело в Джули, — добавляет она, хотя это и так понятно. Даже полностью проснувшись, я словно заново переживаю тот страшный день.

Я натягиваю джинсы и вчерашнюю рубашку, готовая прямо сейчас сесть в машину.

— Она сбежала? — спрашиваю я, выйдя из спальни, и вздрагиваю, попав под струю холодного воздуха из кондиционера.

Джейн непонимающе смотрит на меня и качает головой:

— Нет, ничего подобного. По-моему, ей плохо.

Мы продолжаем шептаться, поднимаясь по лестнице. В коридоре Джейн указывает на дверь ванной.

— Джули заперлась изнутри на замок, — бесполезно говорит она.

— Давно?

— Не знаю. Еще до того, как я встала с полчасика назад. Я подумала, что Джули принимает ванну, а потом услышала, как она стонет или вроде того. Я постучала, но она не ответила. — Голос у Джейн дрожит.

Я подхожу к двери ванной и тихонько стучу.

— Джули?

Теперь стонов не слышно, только ритмичные щелчки и шорохи, вызывающие ассоциацию с ночью, проведенной в обнимку с унитазом.

— Детка, у тебя там все в порядке? Может, тебе плохо?

До меня доносится едва слышное слово, произнесенное на выдохе.

— Что? — переспрашиваю я.

— Уйди... — Новый выдох полон боли.

Я оборачиваюсь к Джейн:

— Достань одеяло из шкафа в прихожей и положи в машину. Мои ключи на столе. Я спущусь через несколько минут.

Дочь немедленно отправляется выполнять распоряжение.

Повернувшись к двери ванной, я говорю:

— Тебе придется впустить меня. Сейчас ты откроешь дверь, хорошо?

Ничего, кроме стона и шелканья сиденья унитаза. Следующее, что я помню, — я в ванной. Не знаю, как это произошло, но позже Том рассказал мне, что проснулся от громкого стука (моего) и крика (Джули). К тому времени, как он добрался до коридора, я пробила рваную дыру в двери ванной, засунула туда руку по самое плечо, повернула защелку, вытащила окровавленный кулак и открыла дверь. Помимо моей крови с ободранных костяшек, кровь была повсюду, и вот тут-то подоспел Том — с пистолетом в руках, озираясь в поисках незваного гостя, который проник в дом и чуть не убил нашу дочь.

Я же, увидев Джули, сразу поняла, что с ней происходит. У меня тоже был выкидыш, уже после рождения Джейн. Дело это болезненное и кровавое, хотя в худшие времена я иногда жалела, что не потеряла старшую дочь именно так, а не иначе.

По лицу Джули текут слезы, я укрываю ей плечи полотенцем и помогаю подняться.

— Позвоню тебе из больницы, — бросаю я мужу, которого все еще трясет, пока он спускается за нами по лестнице на кухню. Напоследок, когда Том стоит у порога, такой жалкий, в одних трусах, я мягко добавляю: — Не знала, что у нас есть пистолет, — исключительно чтобы напомнить мужу, что он все еще сжимает оружие в руке. Том опускает взгляд и смотрит на пистолет с таким видом, словно тоже не подозревал о его существовании.

— Все в порядке, — говорю я Тому по телефону, сидя в кресле в приемном покое больницы. — Кисты яичников могут быть очень болезненными при разрыве. Скажи Джейн, что все в порядке. — Он пытается возражать. — Да, врачи тоже обеспокоены кровотечением, но вряд ли это что-то серьезное. Кровь в основном была моя, я сильно порезала руку от удара в дверь. УЗИ...

УЗИ показало маленький неровный сгусток, уже наполовину распавшийся и частично вышедший ранним утром в виде крошечных ошметков плоти в густой красной крови.

Увидев изображение на мониторе, Джули побледнела и некоторое время подавленно молчала, затем выдернула свою руку из моей:

— Выйди.

Я вышла, но прежде посмотрела ей в лицо.

Она знала.

Я заканчиваю разговор с Томом и кладу телефон обратно в сумочку. Если кто-то из сотрудников отделения неотложной помощи и слышал мое вранье, виду они не подают. Бьюсь об заклад, они стали свидетелями многих телефонных разговоров с отцами. О выкидышах, превращающихся в кисту яичников.

Я тянусь за журналом и морщусь от боли в забинтованных костяшках пальцев. Думаю об одежде, которую я купила дочери, и качаю головой. Стали ее узкие джинсы чуть теснее за последние несколько недель? Неужели я просто не заметила? Я помню татуировку; помню, как дочка сказала полицейским: «По меньшей мере полгода». Плюс последний месяц — итого семь месяцев. И я ненавижу себя за неотвязную мысль: «Она лгала, лгала, лгала...»

Но недомолвки нельзя назвать ложью, верно? Вот для чего ей нужна терапия: чтобы рассказывать ужасные подробности, которые не укладываются в общую картину, но имеют огромное значение. Разве не этим Джули занимается в кабинете психотерапевта по полтора часа два раза в неделю, используя в качестве суррогата родной матери эту Кэрол Морс? Опытного профессионала, на которого можно спроецировать мою личность,

но который, в отличие от меня, сумеет выдержать любую информацию, сумеет все объяснить и расставить по местам. Психотерапевт Кэрол Морс — вот кто даст мне ответ. Она, конечно, обязана сохранять конфиденциальность, но в сложившихся обстоятельствах — беременность, выкидыш, здоровье Джули под угрозой, — возможно, найдет способ дать мне некоторое представление о том, что происходит с моей дочерью. У Джули еще столько тайн от меня, но я смогу выдержать правду. Со мной уже случилось самое страшное, что может случиться с родителями. А теперь это случилось и с Джули — в некотором смысле. У нас с ней общий опыт.

Когда ее наконец выписывают, мы идем к машине. Еще одна глубокая ночь сменилась рассветом, пока мы были в больнице. Встает солнце, шоссе пустое, вместо зноя — мягкое марево, которое обещает жаркий день. Несколько минут мы едем молча.

— Это был охранник, — говорит дочь. — В вертолете. Не знаю, почему я не рассказала. Дело в том, что... — Джули борется с собой. — На самом деле он меня не насиловал.

Пауза. Я хватаюсь за новую информацию, стараюсь подогнать ее к общей картине.

— В смысле, я сама ему предложила. Надеюсь, что тогда он передумает меня убивать. Я... я не хотела тебе рассказывать. Потому что мне было стыдно. Да и вообще, я считала... — Она слегка задыхается. — Я считала, что не могу забеременеть. Месячные у меня совсем сбились

с тех пор, как... — Джули замолкает, заметив, что у меня по щеке катится слеза. — В общем-то, с самого начала.

Я киваю. Передо мной женщина, которой двадцать один год. Однако она намного старше меня, хотя мне сорок шесть и на лице у меня залегли морщины скорби, которые уже не исчезнут. Но она знала о беременности, вот в чем дело. Я видела, как она смотрела на экран в кабинете УЗИ.

— Я люблю тебя, — говорю я, и это правда, абсолютная правда. Но в новой реальности, после выкидыша, правда звучит как ложь.

— Мама, — в отчаянии бормочет Джули.

— Я не скажу ни твоему отцу, ни Джейн. Все останется между нами.

Она с облегчением вздыхает, откидываясь на спинку сиденья. Этого Джули от меня и ждала с самого начала. Она поворачивается к окну, а я смотрю на дорогу впереди, и общая тайна сближает нас, как никогда прежде.

Джули

со сдавленным криком проснулась от нового спазма.

Телевизор включен, но приглушен. На экране тот же фильм, под который она заснула, — или другой? Пока она спала, Том вышел из ее спальни, которую днем использовал как кабинет, поскольку до сих пор так и не решил, куда перенести письменный стол. Это раздражало Джули, но она не хотела жаловаться.

Сейчас Том стоял у порога, и она вдруг вспомнила, как прошлой ночью он держал пистолет. Интересно, где оружие теперь?

— Мне показалось, что ты меня звала, — сказал Том. — Все в порядке?

— Да, все хорошо. Просто плохой сон.

Сначала Джули снился Кэл, но потом, когда судороги стали пробегать по телу все чаще, начался кошмар. Самое худшее она не решалась вспомнить, пока Том стоял в дверях спальни, осталось только гадкое ощущение во рту. Желто-красный цвет пледа вдруг вызвал у нее отвращение, и она сбросила его. Теперь, когда она окончательно проснулась, острый спазм в животе сменился тупой, пустой болью.

— Заварить тебе чаю?

— Я лучше прогуляюсь. — В комнате было одновременно и холодно, и душно, а за большими окнами она чувствовала себя как насекомое под стеклом. А может, дело в том, как все на нее смотрели в этом доме. — Я возьму машину?

— Мама на ней уехала несколько минут назад. А Джейн забрала мою, — быстро ответил Том. Было заметно, что ее вождение без прав до сих пор его беспокоит. — Но мама скоро вернется. Только заедет на работу за последними курсовиками. Может, пока отдохнешь? Давай посмотрим еще один фильм.

Джули опустила ноги на пол.

— Все в порядке. Я просто пройдуся.

Том с сомнением следил, как она поднимается — неуверенно, будто стреноженная.

— Не волнуйся, папа, — выдавила Джули. — Мне просто нужно немного проветриться. Дай мне одеться, ладно?

Он кивнул:

— Я буду на кухне.

Она открыла дверцу шкафа и уставилась на ряды новеньких туфель и ботинок. Некоторые Джули еще не надевала — они до сих пор лежали в коробках. Обернувшись, она через коридор заметила в комнате Джейн пару потрепанных высоких «конверсов», небрежно брошенных возле кровати. Повинуясь внезапному порыву, Джули прошла по коридору в спальню сестры и натянула ее кеды. Они оказались великоваты, поэтому она добавила вторую пару носков и, вместо того чтобы завязать

шнурки вокруг лодыжек, как делала Джейн, зашнуровала кеды до самого верха и затянула концы двойным узлом. Нужна была такая обувь, которая не свалится, если придется бежать.

От этой мысли ноги стали совсем ватными. Джули взяла толстовку из шкафа Джейн, потом передумала — Том мог заметить — и повесила ее обратно. У нее самой в шкафу не было ничего похожего на толстовку, только кардиганы, блейзеры и другие стильные вещи, которых она раньше не носила. Именно по этой причине они и привлекли ее в магазине, но теперь их слащавые пастельные цвета наводили на мысль о леденцах. Слишком броско. Джули выбрала самый скромный кардиган, мягкий, серый, и надела его. Затем сунула руку под свой новенький жесткий матрас, вытащила оттуда телефон и положила в передний карман джинсов, надеясь, что кардиган скроет его.

Спустившись на кухню, она проскользнула мимо Тома, схватила свою новую сумочку и крикнула через плечо:

— Вернусь до ужина!

Дверь за ней захлопнулась. Уличный воздух ударил в лицо, как горячий пар от тарелки супа. Сидя в охлажденном кондиционером доме Тома и Анны, она и забыла, что за окном царит изнуряющая жара. Джули сняла кардиган в конце подъездной дорожки и, свернув, затолкала в сумочку.

В конце квартала она вытащила телефон из кармана и включила его, радуясь, что, прежде чем позвонить в дверь, в последнюю минуту сообразила спрятать мобильный вместе с удостоверениями

личности в кустах перед домом. Потеря сознания не входила в ее планы. Может, виноваты жара и долгая дорога, но когда в коридоре появилась Джейн, Джули решила, что видит призрак Шарлотты. Больница тоже не предусматривалась планом, но, по крайней мере, доктор во время осмотра пролила свет на некоторые обстоятельства, о которых, конечно, теперь знала и Анна.

Зато сразу стало ясно, почему Джули чувствовала такую слабость. Все это время она думала, что чахнет из-за любви, с которой продолжает бороться, чахнет без душевного тепла, которое грозило предательством всякий раз, когда Кэл смотрел на нее. Как оказалось, предательство проникло вглубь, пронизало всю ее плоть и кровь.

Неудивительно, что она чувствовала себя использованной.

Неудивительно, что она чувствовала себя одержимой.

К счастью, он так и не узнал, что у нее внутри.

Вернуть телефон было непросто: в первые два дня домашние внимательно следили за ней. Но на третий день она выскочила на улицу якобы за почтой и на обратном пути забрала мобильный. Слава богу, под козырьком дома аппарат не промок, и все документы, прикрепленные к нему резинкой, тоже оказались на месте в целости и сохранности. Когда она включила телефон, экран вспыхнул, и на нем появился снимок Кэла, улыбающегося ей с такой любовью и неистребимой верой, что порой это даже раздражало. Но Джули достаточно напилась этой верой, чтобы ей хватило

сил помнить, кто она на самом деле и почему Кэл не должен ничего знать. И в тот день, когда она увидела журнальную статью в библиотеке — Кэл подвез ее туда за учебниками для сдачи аттестата, — ей хватило сил сбежать от него.

Перед отъездом из Сизтла Джули стерла с телефона абсолютно все, но никак не могла заставить себя избавиться от фотографии Кэла. Она чувствовала, что каким-то неуловимым образом он все еще с ней, и в больнице поняла, откуда у нее такое чувство. Джули даже подумала, что однажды, когда здесь все закончится, сможет вернуться к нему. Она понимала, что идея совершенно бредовая, и собственный организм, видимо, с ней согласился. Принял решение за нее.

Джули в последний раз взглянула на лицо Кэла на экране телефона и на мгновение перенеслась в прошлое: вот она лежит рядом с ним, рука покоится у него на груди, пальцы Кэла перебирают ей волосы, и она слушает, как он описывает бледное лицо своей матери с разбухшим от синяка веком в затемненном заднем стекле «фольксвагена» его тети. Мать бросает последний пустой взгляд в сторону чернокожего мальчика, рыдающего у окна кухни, и отворачивает светловолосую голову, навсегда покидая его.

Джули понимала, как это бывает, и не только потому, что и сама была блондинкой. «Иногда мы просто вынуждены уходить», — подумала она, глубоко вздохнула и нажала на кнопку «Удалить».

Потом она заметила новое сообщение голосовой почты. Не узнав номера, включила

воспроизведение и прислушалась, но тут же поспешно нажала на «Отбой» и резко, словно ужаленная, отдернула трубку от уха. Сколько раз ей придется удалять его послания, пока она не сотрет их все? И сколько раз еще будет больно? Она не брала трубку, когда Кэл звонил, и перестала слушать его голосовые сообщения после нескольких первых: во всех говорилось одно и то же. Теперь он пытался дозвониться до нее с разных номеров, надеясь застать врасплох. Она еще раз взглянула на незнакомый номер, а затем с удивлением узнала код города: Портленд, штат Орегон. Может, это совпадение; может, Кэл звонил с мобильного телефона, позаимствованного у друга. А вдруг он действительно в Портленде? Тогда он, видимо, пытается отыскать Джули, идет по ее следу, начиная с Уилла. Конечно, именно с Уилла он и начнет. Кэл давно хотел найти предлог, чтобы встретиться с ее бывшим любовником и забрать вещи Джули; он объяснял это тем, что важно сохранять память о прошлом. Возможно, Кэл уже догадывается, где она. И если он движется в правильном направлении, сколько времени пройдет, прежде чем он доберется до нее?

Взглянув на дворик перед домом Тома и Анны, она вновь удивилась, что находится здесь. До сих пор не верится! Но представить себе здесь появление Кэла — нет, невозможно.

В разгар полуденного зноя на улице не было пешеходов. Поскольку тротуары вдоль трассы отсутствовали, она шла прямо по автостраде,

перешагивая через полосы расплавленного мягкого гудрона. Она миновала несколько домов, которые показались ей огромными после тесной квартирки Кэла в Сиэтле. Перед каждым домом раскинулись плюшевые лужайки с подстриженными круглыми кустами и клумбами бегоний, настолько неподвижными в застывшем воздухе, что цветы выглядели шелковыми. На некоторых верандах высились колонны, как у особняков плантаторов.

Увлекаемая шумом уличного движения, она шагала вдоль оживленной автострады. Машины, проносясь мимо, обдавали ее горячими выхлопами и гравием, вылетавшим из-под колес. Дальше тоже не было тротуара, даже бордюра, только узкая тропинка, протоптанная в редкой траве на маслянистой обочине дороги, откосы которой спускались к сточным канавам, поросшие сорняком. Джули прошла мимо беспорядочно расположенных торговых павильонов: «Крогер», «Быстрая чистка», «Подарки Дженни», мимо стеклянной коробки мороженицы «Молочная королева». Логика подсказывала ей, что в конце неровной тропинки — автобусная остановка. Вскоре она увидела трех женщин в униформе, ожидающих автобуса; каждая с тележкой, полной бутылок с чистящими средствами. Уборщицы. При одном взгляде на них у нее заболела спина.

Проходя мимо «Макдоналдса», Джули заметила выглядывающий из-за торговых рядов длинный синий козырек с тусклыми белыми буквами: «Бильярдная Бобби». С облегчением вздохнув,

она направилась туда. Хотя у других магазинов были стеклянные фасады, окна заведения Бобби прикрывали обшарпанные жалюзи. Значит, здесь все-таки есть где спрятаться. Может, в дальнем зале найдется и что-нибудь поинтереснее бильярда. Не то чтобы ей нужна была работа, она ведь пробудет здесь всего несколько недель, но оглядеться и посмотреть, что происходит вокруг, не помешает. Тем более, у нее сейчас есть деньги, да и в любом случае хорошо бы провести здесь, вдали от дороги, несколько часов, чтобы перетерпеть боль в животе.

Сейчас, посреди дня, в заведении было лишь несколько завсегдатаев. Они расположились недалеко от входа и болтали с кудрявой женщиной за барной стойкой, которая громко смеялась, шинкуя лаймы на разделочной доске. Никто из них не обратил на Джули внимания, пока она не подошла к стойке. Тогда барменша перестала смеяться и спросила:

— Тебе чего, милая? — Она прищурилась. — Работу ищешь? Мы берем только совершеннолетних.

— Бутылку пива, пожалуйста.

Женщина приветливо улыбнулась:

— В таком случае сначала покажи паспорт.

Джули порылась в новом бумажнике и вытащила документ, который свидетельствовал, что ей двадцать четыре. Протянув его, она почувствовала мгновенный укол паники. Калифорнийские водительские права были настоящие, и за их кражу грозили серьезные неприятности.

Барменша долго изучала удостоверение, затем окинула Джули тяжелым взглядом, потом вновь уткнулась в права.

— Мерседес Родригес? — спросила она, издевательски растягивая слоги, словно такого имени и на свете не бывает.

— Мёрси, — машинально поправила Джули.

В последний раз, когда она так называла себя, у нее были короткие каштановые волосы. Но в бильярдной Бобби царил полумрак, и ее скуластое лицо с голубыми глазами не так бросалось в глаза.

«Мёрси, Мёрси, — сказала она себе, — будь похожа на Мёрси».

Это почти сработало. Она почувствовала, что женщина за стойкой расположена к ней и готова проявить участие. Затем кто-то из другого конца зала крикнул:

— Бев!

Барменша с тревогой оглянулась через плечо. Когда она снова посмотрела на Джули, настроение у нее уже изменилось.

— Простите, сеньорита, — в голосе женщины сквозило недоверие, — вы не выглядите на двадцать четыре, да и удостоверение личности из другого штата. Тут приходится держать ухо востро. Как по мне, вы сбежали прямиком из старшей школы. — Бев бросила удостоверение на стойку и поспешила прочь.

Чертов городишко. Джули не собиралась задерживаться здесь надолго, но, стоило ей показать фальшивое удостоверение личности в десяти

квартирах от дома Тома и Анны, как ей сразу отказали. Работая в «Черной розе», Джули четко следовала принципу «Не гады там, где ешь»; видимо, он работал и здесь. Она схватила удостоверение со стойки и сунула обратно в бумажник.

Двое завсегдатаев уставились на нее. Один сказал:

— Зря ты так, Бев, добрее надо быть к людям.

— Она уже достаточно взрослая, — вмешался другой. — Я всегда могу сказать, созрел плод или нет. — И он захохотал.

А вот теперь действительно пора было уходить. Повинуясь внезапному порыву, Джули вытащила телефон и набрала один из номеров, которые Том и Анна заставили ее записать на листке бумаги и хранить в новом бумажнике.

— Алло?

В голосе сквозила недоверчивая интонация человека, ответившего на звонок с незнакомого номера.

— Привет, Джейн, — сказала она. — Это Джули.

— Где ты? Что это за номер?

Джули выглянула в окно и заметила вывеску на другой стороне улицы.

— Я в «Старбаксе» недалеко от нашего дома. Одолжила телефон, чтобы позвонить. Слушай, мне надо выбраться отсюда, пока мама с папой не хватились. Ты можешь меня забрать?

— Ты в «Старбаксе» на Мемориал-драйв?

— Да. Мне пора: дама, которая одолжила мне телефон, уже требует его обратно.

— Подожди немного, я у друга. Приеду через несколько минут. — Джейн повесила трубку.

Уходя, Джули постаралась как можно сильнее хлопнуть дверью, но пневматический доводчик остановил створку в паре дюймов от косяка, и Джули все еще слышала за спиной смех.

Пятнадцать минут спустя Джейн въехала на стоянку «Старбакса» на внедорожнике Тома, опустила стекло и сказала:

— Классные кеды.

— Спасибо. — Джули посмотрела вниз, на свои ноги, обутые в «конверсы» Джейн. — То есть извини, что взяла без спроса.

— Ничего страшного.

Несмотря на темные волосы и челку, Джейн была совсем не похожа на Шарлотту: выше и крепче, отметила Джули.

— Мама накупила мне всяких модных туфель, — виновато сказала она, — а я хотела обычную обувь, в которой можно просто прогуляться. — Она открыла тяжелую дверь внедорожника и забралась внутрь.

— Говорю же, все норм.

Присмотревшись к Джейн, особенно когда она улыбалась, Джули сразу поняла, что та никогда не уезжала далеко от дома. Колледж не в счет: даже если он находится на другом конце страны, путь до него все равно короче любой поездки на автобусе в одиночку. Пирсинг Джейн (ноздры и бровь), татуировки (обе крошечные, на плече и на бедре, и Анна наверняка не знала ни о той, ни о другой) и волосы (обесцвеченная и выкрашенная

светло-зеленым прядь — явно домашняя работа, но бордово-черную краску нанесли в салоне) выдавали девушку, которая толком и не ездит на автобусах.

Джули пожалела, что осветлила волосы. Поначалу они выглядели аккуратно, но теперь кончики посеклись, а что еще хуже — отросшие темные корни контрастировали со светлыми прядями, ниспадавшими ниже плеч. Если бы ей позарез не нужно было выглядеть пепельной блондинкой, она махнула бы рукой на темно-русые корни.

Но она не хотела быть темно-русой. Она хотела быть той белокурой Джули, какую запомнили родители.

Джейн нетерпеливо хлопнула ладонями по рулю:

— Так куда мы едем?

— Хочу отрезать все это, — сказала Джули, показывая сестре секущиеся кончики.

— Что, прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас. И, может быть, сразу и покрасить. Наверняка ты знаешь подходящее место.

Похоже, Джейн была впечатлена.

— Я могу отвезти тебя в салон, куда обычно сама хожу. Это в Монтроузе. В какой цвет собираешься краситься? — Она лукаво прищурилась. — Давай только не в черный.

— Не знаю, может, в рыжий, — выпалила Джули первое, что пришло в голову.

В «Розе» она производила фурор с рыжими волосами. Кроме того, белокурая Джули начинала ее раздражать. Она заранее придирчиво сравнивала

фотографию пропавшей девочки и собственное отражение в зеркале, но потом, когда она начала изображать найденную Джули для Анны, Тома и Джейн, что-то изменилось. Она понимала, что все трое видят в ней невинную крошку, и это нервировало. Анна, например, смотрела на нее так, словно Джули вот-вот рассыплется.

А Джейн уже выезжала с парковки.

— Круто, давай выбираться отсюда.

Джули правильно сделала: чтобы не пугать Анну, надо прибегнуть к помощи Джейн. Та умела ставить мать на место.

Внедорожник Тома, плавно плывущий по трассе, казался Джули невероятно легким и роскошным, а Джейн даже не замечала его великолепия — оно было естественным для нее. Джейн влилась в четырехполосное движение на Вестхаймер и направила автомобиль в сторону города. Они проехали темные громады пригородов. Мимо проносились грузовики с тонированными стеклами, огромные «хаммеры», которые, казалось, вот-вот трансформируются в роботов. Серебристый кабриолет через несколько полос от них напоминал оплавленную солнцем пулю. Вскоре многоквартирные дома уступили место сверкающе-белым офисным зданиям, расположенным на участках с ухоженными кустами и пальмами. Все блестело, даже уличные знаки, укрепленные на гигантских хромированных дугах.

— Ты не поверишь, насколько изменилась за это время «Галерея».

Джули уловила легкую дрожь в голосе Джейн. Она говорит о чем-то, что должно быть их общим воспоминанием. Такое нельзя игнорировать.

— Ну еще бы, — сказала она.

— Помнишь, как мама привезла нас туда и оставила одних, чтобы мы сами сделали рождественские покупки?

— Да, я тоже об этом подумала.

— Мне казалось, мы такие крутые, — продолжала Джейн, не сводя глаз с задних фар стоявшей впереди машины. На светофоре загорелся зеленый, и они стали медленно продвигаться вперед. — Совсем как взрослые. Ты, наверное, тогда училась в шестом или седьмом классе? Потому что... — Она запнулась. — А я — в четвертом или пятом. Мы перекусили в одном модном ресторанчике, там еще были очень вкусные блины. Помнишь, как мы разделились на час, чтобы купить подарки друг другу? Вот это было здорово! Мы сверили часы, а потом встретились в пекарне. — Она рассмеялась. — Я даже немножко попетляла, чтобы скрыть, откуда я иду и где купила тебе подарок. По-моему, это было какое-то украшение из «Клэрс».

Джули слушала Джейн вполуха. Ее внимание привлек мальчик лет двенадцати-тринадцати, в футболке и мешковатых синих джинсах, которые тянула вниз увесистая цепочка на поясе. Он пробирался вдоль дороги без тротуаров, по дну дренажной канавы. Спутанные длинные каштановые волосы прикрывали лицо; паренек шел, засунув руки в карманы, и видно было, что он

изнемогает от жары. Потом он добрался до основания одной из хромированных дуг, которая оказалась серьезным препятствием. Одной рукой мальчик подтянул изодранную штанину и перешагнул через дугу, как мультяшная дамочка, задирающая юбки, чтобы переступить через лужу.

— Джули! — Голос Джейн отвлек ее, и она поняла, что пропустила вопрос. Музыка стала тише; Джейн, должно быть, убавила звук. — Ты помнишь? Что ты делала в тот раз, когда мы расстались?

— Примеряла выпускные платья. Хотела почувствовать себя принцессой.

— Ого, — усмехнулась Джейн. — Тогда понятно, почему в тот год я получила подарочный сертификат из книжного магазина «Уолденбукс».

Джули хватило ума не портить настроение момента из-за дурацких старых обид.

— Я думала, ты любишь читать.

— Могла бы подарить книгу, а не сертификат. — Невероятно, но в голосе Джейн действительно звучала обида, хотя она по-прежнему улыбалась. — Знаешь, я ведь так им и не воспользовалась. После того, как все это случилось.

Светофор сменил цвет, и на этот раз они едва успели миновать перекресток, двигаясь черепашьям шагом. Джули следила, как мальчик идет по траве вдоль дороги, пока они не поравнялись с ним, а потом и не обогнали. В зеркале заднего вида он казался почти неподвижным.

Она снова повернулась к Джейн:

— А ну-ка, поворачивай обратно к «Галерее». Хочешь, подарю тебе новую книгу из серии «Клуб нянек»? Думаю, сейчас как раз вышло десяти тысячное продолжение.

Это сработало. Джейн рассмеялась и включила музыку громче.

В Монтроузе они припарковали машину возле парикмахерской, где второй этаж занимал тату-салон. Они вышли, и Джейн глубоко вздохнула. Именно в таких местах она чувствовала, что Хьюстон — это ее город, а не просто какой-то населенный пункт, где она случайно оказалась, потому что здесь живут ее родители. Как ни смешно, Джейн гордилась знакомством с подобными заведениями, хотя их не так уж трудно было обнаружить. Любой приезжий, полчаса прогулявшись по району, нашел бы тут пристанища художников, геев и наркоманов или тату-салоны, достаточно было лишь выкурить пару сигарет и полистать бесплатные газеты в забегаловке на углу.

Хотя в парикмахерской не было свободных мест, женщина за стойкой пообещала Джули, что ее начнут красить, а затем, пока краска впитывается, займутся следующим клиентом. Джули откинулась на спинку кресла. Парикмахер запустила пальцы в ее волосы и критически осмотрела их.

— Короткую стрижку и рыжий цвет, — попросила Джули, прежде чем мастер успела обратить внимание на ее корни.

Женщина встретила с ней взглядом в зеркале и кивнула:

— Хорошо, милая, сейчас принесу образцы.

Она ушла и вернулась с папкой, полной фотографий девушек с шелковистыми гривами, как у пони. Джули указала на один из снимков, и парикмахер кивнула:

— Да-да, номер восемь будет хорошо смотреться на вас. — Она исчезла в подсобке, чтобы смешать краску.

Джейн стояла за спиной Джули, разглядывая ее лицо в зеркале.

— Мама взбесится, — заметила она. — Но, думаю, выглядеть будет потрясающе.

— Чем займешься, пока меня красят?

— Наверное, посмотрю журналы, — пожала плечами Джейн.

Джули заметила в ее глазах легкое разочарование: не такое уж большое приключение выкрасить волосы в ультрамодный цвет, чтобы позлить мать. Тут Джули в голову пришла идея.

— А может, лучше поднимешься на второй этаж и сделаешь татуировку?

— Думаешь, у меня куча денег?

— Разве у тебя нет кредитной карты?

— Есть, но она прикреплена к маминому счету. Ей сразу придет оповещение.

Однако необходимо было убрать Джейн отсюда, прежде чем та заметит, что у сестры-блондинки темно-русые корни. Джули решила притвориться великодушной. Она указала на сумочку, подарок Анны, которую небрежно бросила на пол:

— Мама дала мне пару сотен баксов. Заплати за мою стрижку кредиткой, а я дам тебе наличные, чтобы ты с пользой провела время наверху.

Джейн колебалась.

— Только не говори мне, что еще не выбрала новый рисунок для тату. — Джули представилось что-нибудь мелкое и неброское, но на видном месте.

— Подумывала набить маленький контур Техаса на безымянном пальце, — призналась Джейн.

— Так вперед!

— Мама увидит. Лучше подождать.

— Чего? Пока тебе не стукнет тридцать? Хватит уже скрывать свою истинную натуру.

Было видно, что ее слова попали в цель.

— А ты здесь не заскучаешь без меня? — спросила Джейн напоследок, потянувшись за сумочкой.

— Вовсе нет. С удовольствием полистаю пока журналы.

Она и правда часто рассматривала журналы в библиотеке, куда Кэл возил ее готовиться к экзаменам на аттестат. Однажды она тайком протащила в туалет номер «Лучших домов и садов» и вырвала оттуда фотографию пышного белого торта в обрамлении серебряных и золотых рождественских украшений. Не из-за рецепта, а просто понравилась картинка. Теперь эта журнальная страница с тортом валяется, скомканная, в мусорном контейнере в Джерси-Виллидж, где она сошла с автобуса в разбитых туфлях и дешевой золотой цепочке с подвеской в виде лошадки, с рюкзаком,

набитым сувенирами, — всем ее имуществом. Кроме...

Она рванулась вперед, но было уже поздно: Джейн рылась в сумке. Прежде чем Джули успела вмешаться, Джейн достала бумажник и вынула оттуда свежие банкноты по двадцать долларов. Джули откинулась на спинку кресла, страстно желая, чтобы Джейн не заметила ни документов, ни телефона во внутреннем кармане сумочки, ни ее внезапной паники.

Но Джейн лишь просияла при виде пачки банкнот:

— Спасибо! — И направилась к лестнице.

Как раз вовремя. Парикмахер вернулась в черном фартуке, держа в одной руке миску ядовитокрасной пасты, а в другой — щетку.

— Цвет будет шикарным, поверьте мне!

Джули откинулась на спинку кресла и почувствовала, как холодная склизкая масса коснулась ее головы.

— Сначала мы избавимся от этих некрасивых корней, — объявила парикмахер и продолжала болтать, как поступают опытные мастера, когда видят, что клиент не склонен откровенничать.

Джули только сказала:

— Сестра совсем не похожа на меня. Никто не верит, что мы родственницы.

По просьбе парикмахера она опустила подбородок. И тут же поняла, что беспокоило ее с момента прибытия в Хьюстон, что не давало покоя, куда бы она ни пошла, от кабинета психотерапевта и бильярдной Бобби до кофейни, где Джейн

захотелось купить пирожных по дороге в парикмахерскую. Здесь было нечто такое, из-за чего город казался декорацией. И сейчас Джули, глядя под стол с большим зеркалом, обратила внимание на обувь других клиентов, сидящих вокруг. Она была совсем новая: лакированные туфли блестят; носы кроссовок «Рибок» сияют флуоресцентно-желтым; кожаные ботинки выглядят так, словно их только что достали из коробки; из ослепительно-белых сандалий с пряжкой в виде золотых львов выглядывают отполированные ногти без единого изъяна. Уставившись в пол, Джули мысленно пробежалась по последним нескольким неделям и увидела парад босоножек и кожаных туфель, будто только что снятых с витрины магазина.

Из-под черной полиэтиленовой накидки выглядывали и ее ноги, стоящие на серебристой перекладине и обутые в уютно потрепанные «конверсы» Джейн. Только теперь Джули заметила, что крошечные дырочки в ткани — одна возле правого пальца, другая сбоку, еще одна возле пятки — расположены слишком идеально. Джули и раньше носила обувь до полного износа и знала, что полотно протирается под шнурками и вдоль подошвы, распускаясь неряшливой бахромой, а не аккуратными овалами посреди ткани, а резина под пяткой изнашивается куда быстрее тряпочного верха, так что чувствуется каждый камешек на тротуаре. Значит, кеды новые, а вовсе не потрепанные, и дырочки проделаны специально.

Джули представила себе город, разделенный между такими, как она и тот парень с обочины

в широких штанах, — людьми, чья обувь изнашивается и вытирается до дыр, пропитывается потом уставших ног и пачкается травой, грязью и размякшим асфальтом, — и теми, кто проносится мимо них на внедорожниках, кто не проходит по улице больше двадцати шагов, не торчит на автобусной остановке и не выстаивает смену в круглосуточном магазине; чья обувь всегда как новенькая. Ей очень захотелось рассказать о своих наблюдениях Кэлу. Но только не Джейн. Та сама не ходит пешком. Она может бунтовать против Анны и Тома, но даже не попытается восстать против этого порядка.

Парикмахер запрокинула Джули голову, и она уставилась в потолок, где располагался тату-салон и где в этот момент делали татуировку Джейн. Джули надеялась, что процедура окажется не слишком болезненной.

4

Если даже Том подозревает, что киста яичника — это вовсе не киста яичника, он помалкивает, а я, в свою очередь, не говорю о пистолете, который видела у него в руке прошлой ночью. В понедельник утром мы с Джули устраиваемся на диване с горячим чаем и пультом дистанционного управления. Дочь включает на кабельном канале фильм, который уже наполовину закончился, какую-то романтическую комедию с шестью различными сюжетами, настолько оторванными друг от друга, что большинство звезд, вероятно, в процессе съемок даже не встречались на одной площадке. Я замечаю диск с фильмом «Маленькая принцесса», который купила в первую же неделю после ее возвращения. Он все еще лежит в пластиковой упаковке на плеере.

Я придвигаюсь к Джули, кладу ее ноги себе на колени и, укутав их пледом, начинаю массировать. Она выглядит невероятно усталой и уже через пятнадцать минут засыпает. Может быть, ночью боль помешала ей как следует отдохнуть.

Осторожно сняв ее ноги, я вытаскиваю пульт у нее из-под руки и выключаю телевизор как

раз в тот момент, когда некий биржевой маклер в щегольском костюме выбегает из кабинета, чтобы сделать предложение актрисе. Том на кухне убирает посуду после завтрака. Сейчас он поднимется на второй этаж и приступит к работе.

Мысль, что Том постоянно находится в комнате Джули, — не единственная причина, по которой я не хочу возвращаться в постель, чтобы тоже поспать. Да, меня терзает усталость, но не только она.

— Мне нужно забрать кое-какие бумаги с работы. Очень не хочется, но съезжу, пока она спит. — Я бросаю взгляд на Джули. — Надо привезти все курсовики, чтобы спокойно разобраться с оценками.

Тому незачем знать, что мне удалось получить на кафедре разрешение выставить окончательные оценки в конце лета. Даже удивительно, насколько отзывчиво руководство университета к моим просьбам. Все потому, что я для них — само воплощение «чрезвычайной ситуации в семье», которое ассоциируется с ножами, похищенными юными дочерьми и криминальными новостями на государственных телеканалах.

Муж молча смотрит на меня из кухни, и я признаюсь себе, что предпочла бы точно знать, долго ли живу в доме рядом с заряженным пистолетом.

— Ты будешь рядом, когда она проснется? — спрашиваю я.

— Конечно. А если вдруг...

— Я же сказала, у нее все в порядке! — огрызаюсь я. Затем смягчаюсь: — Просто не хочу, чтобы Джули проснулась совсем одна в доме.

Том кивает.

Звоня Кэрол Морс из машины, я говорю немного сбивчиво, хотя мое желание встретиться с ней вполне естественно. В конце концов, она сама как-то приглашала меня.

Вот и сейчас она спрашивает:

— Так значит, сегодня вы придете вместе с Джули?

Джули не поедет к психотерапевту, она крепко спит. Но лучше я все объясню Кэрол при встрече.

— Нет, на этот раз я... хочу поговорить с вами наедине.

— Хорошо, — соглашается она, а потом добавляет: — В одиннадцать у меня окно. Сумеете подъехать?

Я убиваю час в книжном магазине рядом с ее кабинетом, листая романы. Когда я вхожу, то с некоторым удивлением обнаруживаю, что Кэрол моложе, чем мне казалось, и на ней узкие брючки капри. Почему-то это меня беспокоит.

— Входите, прошу. — Она указывает на диван, на подлокотнике которого лежит свернутый плед.

Я замечаю коробку с салфетками на боковом столике у лампы с выпуклой керамической подставкой. Не случилось ли моей дочери здесь плакать?

Кэрол закрывает дверь и садится напротив меня в кресло с низкой спинкой.

— Спасибо, что приняли меня, — говорю я, вдруг разволновавшись. — Надеюсь, мой визит не показался вам странным. Дело касается Джули.

— Как она? — спрашивает моя собеседница с некоторым беспокойством.

— Нормально. То есть не очень. Ей нездоровится, поэтому она и осталась дома. — Кэрол смотрит на меня, но мне почему-то не хочется рассказывать ей о больнице. Сейчас это единственная наша с Джули общая тайна; возможно, я просто боюсь узнать, что психотерапевт тоже в курсе. И я продолжаю, наблюдая за ней и гадая, поделится ли она информацией: — Я надеялась на вашу помощь. Мне кажется... по-моему, дочь что-то скрывает от меня. Знаю, вы не вправе говорить о том, что обсуждаете на сеансах, но мои слова, возможно, заставят вас изменить решение.

— И нарушить конфиденциальность? Нет, это неприемлемо.

— Даже если вас просят об этом родители?

— Особенно родители. — Она спокойно смотрит на меня. — Анна, вы ведь знаете, что последние две недели ваша дочь не ходит на сеансы?

— Откуда мне знать, если никто не потрудился меня известить?! — взрываюсь я. Психотерапевт замолкает, и мне становится неловко из-за собственного враждебного тона. — То есть нет, я понятия не имела. Она говорила, что ездит к вам. А разве вы не должны были нам об этом сообщить?

— Джули уже взрослая, — холодно отвечает психотерапевт. — Наши встречи абсолютно конфиденциальны.

У меня в мыслях вдруг возникает картинка, как Кэрол Морс вместе с мужем слушает модный шлягер в джакузи на веранде дома, купленного на деньги клиентов, которых она заверила, что у них в жизни все наладится.

С трудом сдерживаю желание встать.

— Но она точно была здесь на первых двух сеансах, я знаю, — говорю я. — Вы можете рассказать мне, что Джули вам говорила? Хоть что-нибудь? — Я должна вытянуть информацию из этой женщины. — Ну прошу вас. Нам она ничего не сказала, кроме того, что содержится в полицейском отчете, а он...

Я не в силах признаться, что дочь сказала полиции неправду. Во всяком случае, не всю правду. Пока я подыскиваю слова, чтобы сообщить Кэрол Морс о больнице и УЗИ, она говорит:

— А вы спрашивали саму Джули?

Спрашивала ли я Джули?! У меня в мозгу молнией вспыхивает ярость. Мне хочется вскочить и заорать, хочется опрокинуть изящную керамическую лампу, швырнуть на пол уютный плед и растоптать его. Вместо этого я интересуюсь:

— У вас есть дети?

— Нет, — спокойно отвечает она.

— Так я и думала, — бросаю я и поднимаюсь, подхватив сумку.

— Миссис Уитакер...

— Доктор! — рявкаю я.

— Доктор...

— Давалос.

— Доктор Дава...

— Ой, да зовите меня просто Анной.

— Анна, — невозмутимо кивает Кэрол, не реагируя на обидный тон. Она даже не встала вслед за мной, и хотя я жажду немедленно убраться отсюда, почему-то меня удерживает именно то, что она все еще сидит в своем кресле. — Анна, Джули пережила невероятно трудное время. Это единственное, что я вправе вам сказать. Большинству людей и не представить подобной психологической травмы.

Понятно, она хочет поговорить о травме моей дочери.

— Многие жертвы сексуального насилия испытывают непреодолимое чувство стыда, — продолжает психотерапевт. — Особенно когда насилие тянется долго и сочетается с другими травмами. Она должна чувствовать, что находится в безопасности, когда говорит с вами.

— Конечно, она в безопасности, — бросаю я. Злые слезы текут у меня по лицу, несмотря на все усилия сдержать их.

— Джули не знает, как общаться со своей семьей, с теми, кто не прошел через те же страдания, что и она. Возможно, она избегает подробностей, потому что не хочет расстроить или разочаровать вас.

— Просто расскажите мне, — умоляю я.

— Ваша задача сейчас — дать ей понять, что вы ее любите несмотря ни на что.

— Ну пожалуйста!

— Анна, вы не хотите присесть? У нас есть еще тридцать минут. Мне кажется, вам тоже было бы полезно походить на сеансы. Вы не думали об этом?

Я резко разворачиваюсь, выбегаю из кабинета, прыгаю в машину и отчаянно газую. И только на полпути домой вспоминаю, что мне надо заскочить в университет: в конце концов, там действительно могли остаться студенческие работы. А еще хорошо бы закрыться на замок у себя в кабинете и спокойно все обдумать. Я не хочу сейчас ни с кем видаться и разговаривать, даже с Джули. Добравшись до своего рабочего места, я замечаю мигающую красную лампочку на стационарном телефоне, указывающую, что у меня есть сообщения. Мне не сразу удастся сообразить, как их прослушать, — сейчас мало кто пользуется проводными телефонами.

Первые три сообщения — от репортеров, и я удаляю их, не слушая дальше вступления.

Четвертое сообщение привлекает мое внимание: «Доктор Давалос, это Алекс Меркадо. Я частный детектив. Знаю, вы сейчас не общаетесь с прессой, и не собираюсь беспокоить вас вопросами. Однако я располагаю кое-какой информацией и хотел бы поделиться ею с вами. Есть вещи, о которых, думаю, вам будет интересно узнать. Так что перезвоните мне». И дальше номер телефона.

Следующее сообщения опять от него: «Это Алекс Меркадо, я хотел бы встретиться где-нибудь и поговорить с глазу на глаз, если не возражаете».

«Конец сообщения, — говорит автоматический женский голос. — Для повторного воспроизведения нажмите...»

Я записываю номер телефона. А затем, прежде чем удалить сообщение, прослушиваю его еще два-три раза, просто чтобы убедиться, что мне действительно звонил человек, представившийся частным детективом. Так и есть, никакой ошибки.

Мы даже не пытались нанять частных детективов, чтобы найти Джули. Слишком верили в полицию — и сейчас воспоминания об этом вызывают у меня гневную усмешку. Мне казалось, частный сыск бывает только в кино. Кроме того, в то время не я принимала решения. Первым делом я включаю стационарный компьютер и забиваю в строчку поисковика: «Алекс Меркадо, частный детектив». Он сразу же появляется под ссылкой на фирму «РАМ», которая ведет на сайт настолько банального вида, что я сразу же решаю: явная фальшивка. Логотип у них в виде фетровой шляпы, кроме шуток. Что дальше, увеличительное стекло? Я открываю новую вкладку и начинаю искать учетные данные на сайтах, где зарегистрированы частные детективы.

Когда Джули исчезла, на нас обрушился шквал звонков всяких придурков. Мы побоялись менять номер телефона, поскольку еще надеялись, что дочь может попытаться связаться с нами, и хотя полиция завела специальную горячую линию для сведений о Джули, многие все равно звонили нам: «У меня есть информация, которую вы

захотите узнать», или «Я видел ее, клянусь богом, это была она, она в Тусоне», или «Она в Джексонвилле», или «Она в Миссури-сити». Один или двое просили не сообщать в полицию: «Мы хотим встретиться лично с вами, и это должно быть конфиденциально». Излишне говорить, что полиция прослушивала наш телефон. Очевидно, под подозрением находились и мы с Томом. Боже, ну и время было. Детективы проверяли всех звонивших, от одиноких мужчин средних лет, живущих с больными матерями, до подростков, балующихся по телефону, но никто тогда не нашел никаких зацепок.

Поначалу мне с трудом верилось, что столько людей стремятся быть причастными к нашей трагедии, но в последующие годы, годы кошмаров и многочисленных поездок мимо сотен воображаемых могил дочери, я наконец поняла их. Слишком легко забыть, как ужасен мир, и впасть в беспечность. Трагедия напоминает об этом. В некотором смысле отрезвляет. И когда это ощущение начинает рассеиваться, хочется оживлять его снова и снова.

Тем временем я нахожу надежный сайт с возможностью поиска по почтовому индексу и с удивлением обнаруживаю, что агентство «РАМ» — «Расследования Алекса Меркадо» — всплывает в поисковике уже на второй строчке. Что ж, похоже, все чисто. Возвращаюсь на сайт «РАМ» и нажимаю на ссылку «О нас», где знакомлюсь с верительными грамотами Алекса Меркадо: почти три года в качестве полицейского

детектива спецотдела по делам жертв насилия в Хьюстонском полицейском управлении. Шесть лет в качестве частного детектива. Несколько ссылок на новости о преступлениях, которые агентство, по его собственному утверждению, помогло раскрыть. В одной заметке даже упоминается имя самого Меркадо. Я беру трубку и набираю номер. После второго гудка отвечает мужской голос:

— Расследования Алекса Меркадо. Это Анна Давалос?

— Да, — отвечаю я, немного растерявшись, хотя, разумеется, у него должен был высветиться мой номер. — Вы оставили мне сообщение.

— Спасибо, что перезвонили. Послушайте, я понимаю, что это может показаться немного странным, но мне бы очень хотелось встретиться с вами и поговорить о некоторых вещах.

— Насчет Джули?

— Конечно. Разговор не телефонный. Не могли бы вы встретиться со мной где-нибудь?

— Да, но только прямо сегодня. И прямо сейчас.

Поразительно, насколько легко оказывается договориться: я предлагаю место встречи — не свой любимый ретроресторанчик по соседству, а «Вафельный домик» рядом с автострадой. У меня бешено бьется сердце, но голос остается абсолютно спокойным и безмятежным, когда я говорю: «Жду вас там через полчаса», — будто встречаюсь с частными сыщиками каждый божий день.

Когда я собираюсь повесить трубку, Меркадо задает последний вопрос:

— Вы когда-нибудь слышали о Гретхен Фарбер?

— Нет, — говорю я. — Кто это?

— Не берите в голову, — уходит он от ответа. — Увидимся через полчаса.

Гретхен

допустила всего одну ошибку, и эту ошибку звали Кэл. Предполагалось, что он станет очередной ступенькой лестницы, выводящей ее из той темной ямы, куда она угодила. Гретхен сама была виновата, что он стал для нее чем-то большим.

К тому времени она так долго планировала свой следующий шаг, что задача казалась практически решенной. Едва концерт закончился, она улыбнулась, пробормотала «спасибо» в микрофон и быстро убежала со сцены, затем направилась к дамской комнате, но в последнюю секунду плавно проскользнула мимо, вышла через заднюю дверь, добралась по переулку к главному входу — и стала ждать. Одна минута, две, три; сердце болезненно колотилось, кожу показывало от холода. Она выскочила на улицу без пальто, ее черный френч из Армии спасения все еще висел за кулисами в качестве алиби рядом с сумочкой. К счастью, дождя не было. Лишь туман, ореолом клубящийся вокруг неоновой вывески клуба.

Наконец он появился. Вышел на тротуар, поднял воротник. Отблески розового неоновых света падали на его бритый череп. Гретхен собиралась

обставить все так, словно его мечта стала явью. Сделав вид, будто ждет кого-то другого, а он случайно оказался на ее пути, она небрежно окликнула его:

— Эй, сигарета найдется? Умираю, как хочется курить.

Он посмотрел на нее, моргнул, а затем расплылся в беспомощной улыбке:

— Не курю. Мне очень жаль.

— О чем тут жалеть. Отвратительная привычка. Вообще-то мне нельзя курить. Если ребята из группы увидят меня с сигаретой, точно убьют. — Она указала себе на горло и даже открыла рот, словно он мог увидеть, какой вред сигареты уже нанесли ее голосовым связкам. Гретхен вспомнила, как Уилл душил ее с такой силой, что на шее остались следы и пришлось носить водолазку, чтобы скрыть их, и потом она два дня не могла петь. Уилл сказал тогда Дэйву и Лену, что у нее ларингит.

— У тебя все хорошо? — внезапно спросил он, и его улыбка погасла.

У нее оставалось секунд тридцать, чтобы все разрулить, так что она позволила себе немного расслабиться, чтобы придать голосу естественную дрожь.

— Тяжелая ночь, — призналась Гретхен. — Честно говоря, мне нужно отдохнуть от моих парней. Куда ты направляешься?

— Никуда. Домой. Тебя подвезти?

— Да. Если ты не против заскочить в магазин или еще куда-нибудь, чтобы купить сигарет. — Она

рассмеялась. — Прости, чувствую себя полной идиоткой.

— Да нет, все нормально, — возразил он, и Гретхен сразу поняла, что это не просто вежливость.

Краем глаза она следила за дверью. Стайки ребят курили под вывеской клуба, но среди них не было тех, кого она не хотела видеть, — пока не было. Дверь беспрестанно распахивалась, каждый раз выплевывая еще несколько клетчатых фланелевых рубашек. Он заметил, что она наблюдает за выходящими из клуба, и оглянулся через плечо. Гретхен в отчаянии уставилась на него во все глаза, пока он снова не повернулся к ней.

— Я Кэл, — представился он, протягивая руку. — Сейчас около полуночи, и ты, — он указал на выцветшую афишу «Гретхен в полночь», — должно быть, та самая Гретхен.

Она заметила, что знакомство ему льстит, и сразу поняла: девушки у него нет. Она кивнула и сжала его теплую руку, немного смутившись от того, что он все принимает на веру. Когда Гретхен сказала: «Спасибо, Кэл», голос у нее снова сорвался, на этот раз не нарочно, и она быстро отдернула руку, а он шагнул вперед, как инстинктивно делают люди, когда спешат подхватить вещь, падающую с полки.

Однако Гретхен уже совладала с эмоциями, расправила плечи и спросила:

— Итак, где ты припарковался?

— Там. — Он махнул рукой в сторону, и Гретхен пропустила его вперед, слегка задев плечом,

а сама пошла следом, чтобы дать ему время осознать свою невероятную удачу. Уловка была настолько откровенной, что Гретхен чуть не расхохоталась. Она очень надеялась, что Кэл забудет о сигаретах: она покуривала травку и могла на пару минут задержать дым в легких, но обычные сигареты неизменно вызывали у нее кашель. Однако Кэл не забыл. Машина притормозила в пяти кварталах от клуба, и он приготовился свернуть на заправку.

— Вообще-то я голодна, — неожиданно призналась она. — А ты?

— Можно и поесть.

— Ты не в курсе, где в это время открыто? Я приезжаю в Сиэтл только на концерты и ничего здесь не знаю.

— Конечно, в курсе. — Кэла, казалось, не смутила внезапная перемена в ее желаниях. — Когда тебе надо вернуться? Скоро?

— Давай сначала поедим, — предложила Гретхен, а сама подумала: возможно, в этот самый момент ее сумочку нашли в клубе под табуретом. Вдруг она сообразила, что Кэл продолжает говорить с ней. — Прости, что ты сказал? Я прослушала.

— Ты, наверно, совсем вымотана, — заметил он. — Я просто сказал, что концерт был отличный. Ты всегда так устаешь после выступления?

— Нет, — ответила она, откидываясь на спинку пассажирского сиденья. На нее нахлынула теплая волна расслабленности — знакомое ощущение

усталости и облегчения оттого, что снова удалось благополучно унести ноги. Ощущение избавления: прекрасное чувство, лучше любой безопасности в мире.

Она обрадовалась, что закусочная оказалась всего в пятнадцати минутах езды по шоссе, между высокими дорожными ограждениями и еще более высокими деревьями. Совсем стемнело, и она едва могла разглядеть силуэт башни Спейс-Нидл, парящей над холмом: вот как далеко она была теперь от центра города, от клуба и фургончика группы, от Уилла, который сейчас, наверное, нетерпеливо озирается по сторонам и, возможно, посылает какую-нибудь девицу поискать ее в дамской комнате.

Кэл открыл дверцу машины с ее стороны. От окон закусочной шел пар. Пахло чудесно.

— Превосходно, — заявила она, когда они уселись на изогнутые пластиковые скамьи с деревянной текстурой.

Гретхен заказала гамбургер и жареную картошку. Кэл — сэндвич с тунцом и салатом.

— Значит, ты часто приезжаешь сюда на концерты?

— Сам знаешь.

Он покраснел. «Как мило», — подумала она.

— Да, я видел вашу группу несколько раз, — осторожно сказал он. — А в Портленде вы часто играете?

— Пару раз в неделю.

— И давно ты поешь?

Она поискала на столе что-нибудь, чем можно занять руки, и, схватив солонку, принялась нервно вертеть ее.

— Я в группе уже полгода.

— Нравится?

— Мне нравится, когда хорошо получается, — ответила она.

— Это не совсем одно и то же. Тебе нравится само ощущение участия в группе?

— Мне нравится ощущение, что у меня хорошо получается.

— Я вот о чем: ты живешь ради того, чтобы петь? Когда я вижу тебя на сцене, мне именно так и кажется.

— Ну нет! — раздраженно возразила она. — Я просто пытаюсь хорошо делать свою работу.

— А выглядит по-другому. Потрясающее зрелище. Ты поешь так, будто тебя никто не видит.

— Ага, Уилл тоже предпочитает так думать, — сказала она с коротким смешком. — Я его единственный источник дохода, иначе он запер бы меня и заставил петь только для него.

— Я совсем про другое, — смутился Кэл.

— Знаю. Но так и обстоят дела.

Кэл нахмурился, подбирая слова, и Гретхен захотелось избавить его от лишних усилий.

— Уилл меня бьет, — бесстрастно сообщила она. — Я решила сбежать от него.

— Бьет?

— Да, и я решила от него сбежать.

Он взял солонку у нее из рук и поставил на стол. Гретхен поняла, что Кэл только теперь

заметил отсутствие у нее пальто и сумочки. Настал момент, когда он обо всем догадался, в том числе и о том, что ему придется заплатить за ее ужин. Она старалась дышать спокойно, ожидая его следующего вопроса.

— Чем я могу помочь?

Гретхен посмотрела в его темно-карие глаза с бледно-голубыми белками вокруг радужки и мягко ответила:

— Ты уже помогаешь. Разве ты не понял?

Она снова взяла солонку, положила ее на бок и крутанула так, что несколько крошечных зернышек соли вылетели на стол. Гретхен не стала ее убирать, наверняка зная, что Кэл хочет смахнуть соль. Однако он сдержался.

Принесли еду. Она взяла с тарелки гамбургер и откусила кусок. Краем глаза она заметила, как Кэл благодарно кивнул официантке и только после ее ухода развернул салфетку, вытащил вилку и нож, а салфетку расстелил на коленях. Потом он взял нож и разрезал сэндвич пополам по диагонали.

— Ого! — воскликнула Гретхен.

— Что? — Он взял одну треугольную половинку и надкусил с уголка.

С набитым ртом она указала рукой, в которой держала гамбургер, на его аккуратно нарезанный сэндвич.

— Я люблю съедать по половинке, на случай если захочу забрать остальное домой, — объяснил он. — И я нахожу треугольники эстетически привлекательными.

— Жуть какая! — Она рассмеялась. — Прямо как серийный убийца.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Какой невежливый вопрос!

— Вот не надо этого, — возразил Кэл. — Ты явно не такая взрослая, чтобы скрывать свой возраст, скорее уж слишком молода.

— Двадцать семь.

— Чушь собачья, — парировал он.

— А тебе сколько лет? — Она сунула в рот жареную картошку и на мгновение задержала ее между зубами.

Он скептически поднял бровь:

— Я слишком стар для тебя.

— Сорок?

— Спасибо! — Он рассмеялся. —

Вообще-то тридцать.

— Мне двадцать пять.

— Ага, как же, — сказал он. — Господи, разве ты не должна учиться в колледже или вроде того?

— Я рано окончила школу. Быстро учусь.

— Ну надо же, — ухмыльнулся он.

— А вот ты — неуч.

— С чего ты так решила?

Она прицелилась и пульнула картошкой фри ему в нос.

— Потому что ты этого не предвидел!

Впрочем, она тоже такого не предвидела. Шаловливая веселость была ей в новинку. С Уиллом она всегда старалась быть страстной и нежной, как того требовала ситуация; с Линой — молчаливой и уступчивой.

Она отстраненно размышляла, сколько в подобном поведении, совсем ей не свойственном, притворства и сколько естественной реакции на теплый зал закусочной, обильную еду. Сколько расслабленности от отсутствия страха — впервые за много месяцев.

Тем временем Кэл изучал ее с серьезным выражением лица.

— Послушай, Гретхен, — сказал он, — я подыщу тебе временное жилье.

— Можно мне остаться с тобой?

Он замялся.

— Тебе есть кому позвонить?

— А с виду кажется, будто мне есть кому позвонить? — спросила она, жестом указывая на них обоих, сидящих вдвоем в полуночной закусочной.

— Ну... — Он помолчал, потом вздохнул. — Думаю, сегодня ты можешь переночевать у меня.

— И часто ты предлагаешь незнакомкам постель?

— Я знал еще одного человека, которому однажды пришлось спешно выкручиваться из неприятной ситуации, — сказал он, игнорируя провокационный вопрос.

Впрочем, она перестала слушать его сразу после того, как он разрешил ей сегодня остаться у него. Главное — зацепиться, остальное наладится само собой. Только бы оказаться у него дома, а там будет видно. Она хорошо знала, как заставить его удержать ее. Но не знала, что и сама захочет остаться. В этом и была ее ошибка.

5

Алекс Меркадо выглядит лет на десять моложе любого частного детектива, которого я видела в кино или по телевизору. У него круглое мальчишеское лицо, загорелое и гладко выбритое. К моему облегчению, фетровой шляпы на нем нет. Теперь я понимаю, что представляла его в ней из-за логотипа на сайте. Одет он скромно, в джинсы и футболку поло с расстегнутым воротничком. В «Вафельном домике» не так уж много одиноких мужчин, пьющих кофе в кабинках, так что я сразу понимаю, который из них ждет меня. Он подтверждает мою догадку, вставая и наклоняясь, чтобы пожать мне руку.

— Я Алекс. Спасибо, что пришли, — говорит он и жестом приглашает меня сесть напротив.

Коричневое покрытие сиденья скрипит, когда я сажусь на диванчик у стенки с матовой стеклянной перегородкой. Давненько я не была в «Вафельном домике». Оглядываясь по сторонам, я задаюсь вопросом, не то ли это место, где болтаются мои ученики, желая опохмелиться. Аромат, который исходит от детектива, — яблоки с корицей и растительное масло, словно

кто-то рядом печет шарлотку, — неожиданно приятен мне.

— Вы часто бываете в этой закусочной? — спрашиваю я. — Мне кажется, я уже видела вас здесь.

Он слегка озадачен.

— Я просто хотел найти место, где можно поговорить без помех. — У него надтреснутый, словно ломающийся, как у подростка, голос. Меркадо оглядывается и, улыбаясь, произносит: — Сейчас в зале работает только одна официантка, и, поверьте мне, она не слишком внимательна.

— Просто к слову: мой муж знает, что я здесь.

— Понял, — кивает детектив. Но я вижу, что он мне не верит.

— Итак, я вас слушаю, — говорю я, чтобы покончить с любезностями.

— Знаю, тема деликатная, — начинает он, произнося слово «деликатная» с ударением на каждом слоге. — И вы, скорее всего, чувствуете себя не очень...

— Да, верно, — перебиваю я его. — Так в чем же дело?

— Вы говорили с дочерью о том, что с ней произошло?

— Полицейский отчет...

— Я знаю, что написано в полицейском отчете.

— Ага, так вы в курсе?

Я, конечно, видела в новостях репортаж с пресс-конференции, которую организовала

полиция. Но без семьи, которая стала бы гвоздем программы, все прошло быстро; кто-то произнес слова «в целости и сохранности», кто-то упомянул оперативную группу по борьбе с торговцами людьми, а затем снова заговорили о «в целости и сохранности». Мигающие камеры, фотография Джули в седьмом классе крупным планом, а в нижней части экрана — бегущая строка: «Похищенная из дома восемь лет назад тринадцатилетняя девочка». Разумеется, никакие подробности из полицейского отчета не были обнародованы.

— И откуда вы знаете?

— Читал, — отвечает он.

— Как это?

— Я частный детектив, и у меня есть свои методы. Но сейчас речь не об отчете. Вы говорили с дочерью о том, что произошло?

— Я была там, когда она давала показания.

Он снисходительно смотрит на меня.

— Давайте не будем тратить время на болтовню, — прошу я.

— Вы ведь хотите узнать больше?

— Но не хочу выпытывать.

— Миссис Давалос...

— Доктор, — поправляю я машинально, но он продолжает:

— Вы заметили какие-нибудь несоответствия в рассказе Джули?

Заметила ли я? Еще бы! Четыре пропущенных приема у психотерапевта. Татуировка. Выраже-

ние ее лица, когда она увидела экран аппарата УЗИ. Ее голос, когда она попросила: «Выйди».

— А вам никогда не приходило в голову... — Он замолкает и понижает голос, делая серьезное лицо, не то чтобы извиняющееся, но озабоченное. — Послушайте, миссис... доктор Давалос. Бывали случаи возвращения пропавших — хоть и необычные, но, честно говоря, куда менее необычные, чем пропавший ребенок, появляющийся сам по себе восемь лет спустя из ниоткуда. Без выкупа, без пущенного в ход оружия вероятность возвращения...

— Я в курсе.

— Теперь полицейские самоустроятся. Девушка дома, в безопасности, и она больше не их проблема. Теперь начинается моя работа.

Я хочу возразить, но он перебивает:

— Конечно, я понимаю, как это выглядит со стороны: после стольких лет безуспешных поисков полиции какой-то парень разоблачает банду торговцев людьми. Потрясающий заголовок для газет! Но я должен сказать вам, док: судя по тому, что я читал, цепочка выглядит весьма странно: украсть ребенка в Техасе и протащить его через три штата, чтобы доставить в Мексику.

— Возможно, у похитителя не было плана, — предполагаю я.

— А возможно, он конченый психопат. Они не так уж распространены, но предположим. И он встречает Джули неизвестно где, похищает

безо всякого плана, импульсивно, а потом ему нужно быстро избавиться от нее после... ладно. И он случайно натывается на некую сеть, торгующую людьми, и возглавляет ее некий Эль Хефе, наркобарон, который живет на территории шикарного комплекса, ну прямо как в кино. И вот она оказывается в Мексике. — Алекс замолкает, скептически покачивая головой. — План отчаянный, но хитроумный.

— Что значит «хитроумный»? — недоумеваю я. — Какой такой план?

— В дело вмешалось ФБР. — Теперь он говорит скорее сам с собой, чем со мной, и тревога уступает место эмоции, которая для меня почти невыносима: смеси интереса и куража. — Есть оперативная группа, действующая по всему штату, есть полиция округа, все пытаются работать вместе. В результате процесс усложняется и замедляется. Расследование может затянуться на месяцы. А тем временем, как вы думаете, копы захотят, чтобы ее лицо появлялось в прессе, напоминая всем, как полиция лажала восемь лет подряд? По-вашему, почему пресс-конференция прошла в такой спешке? Думаете, им приятно напомнить всем, что похищенная девочка, прогремевшая на всю Америку, просто вернулась сама? — Алекс почти тараторит, затем делает многозначительную паузу. — А если предположить, что она, скорее всего, все это время была у них под носом, а они ничего не сделали, чтобы спасти ее?

«Но теперь-то она спасена», — думаю я, а детектив протягивает мне через стол большой конверт из плотной бумаги. И хотя в голове у меня звенит предупреждающий сигнал, я открываю металлическую застежку, засовываю в конверт два пальца и вытаскиваю несколько статей и фотографию. Сначала я не понимаю, что изображено на снимке, но потом различаю ключья разлагающегося тела, отчего на меня накатывает приступ тошноты.

Но это еще не самое ужасное. Я перевожу взгляд и читаю заголовок: «Хьюстон, район Ривер-Оукс. Найдены останки».

Я поспешно засовываю бумаги обратно в конверт и прижимаю клапан к застежке; волна тошноты из желудка поднимается к горлу.

— Кто вас нанял? — Голос у меня дрожит.

— Я только начинал работать в полиции, когда пропала ваша дочь, — поясняет Алекс, не отвечая на мой вопрос и не прикасаясь к конверту. У меня появляется странное впечатление, что в этом кошмарном «Вафельном домике» мы с ним на первом свидании, чувствуем себя неловко и пытаемся познакомиться поближе. — Я ненавижу эту работу и через пару лет уволился. Хотя, поверьте мне, отказаться от льгот, которые давала служба, оказалось непросто. Но если понимаешь, что это — не твое, лучше уйти сразу. — Он вдруг усмехается. — Моя жена, к счастью, со мной согласна.

— Кто вас нанял? — повторяю я.

— Никто.

— Тогда какого черта вы здесь делаете?

Подходит официантка с большим графином в руке, Алекс показывает на свой бокал и позволяет наполнить его. Потом благодарно кивает и смотрит ей вслед, после чего поворачивается ко мне. Когда он собирается что-то сказать, я слышу сигнал мобильного. Наверное, Том интересуется, где я. Интересно, который час?

— Анна, я был там. Разве вы не хотите знать, почему копы так и не нашли вашу дочь?

— Я предполагаю, что из-за их вопиющей некомпетентности.

То, как он произносит мое имя, настолько раздражает меня, что я едва сдерживаюсь. Пора заканчивать этот ни к чему не ведущий разговор.

— Мне пора. — Вставая, я чувствую, как телефон звякает в сумочке во второй раз.

— Вы хотите знать правду. Но у меня есть основания полагать, что правда... хуже, чем мы думали. Вы видели материалы в этом конверте. — Он говорит все быстрее, тыкая указательным пальцем в желтый прямоугольник, о котором я даже думать не хочу. — Полиция даже не удосужилась сравнить останки с зубными картами вашей дочери. Джули Уитакер была удалена из базы данных пропавших без вести. Я проверял.

— Потому что она дома, — шепчу я. — Лежит на диване под пледом.

Дзынь... Еще одно сообщение на телефон.

— Анна, в полиции считают, что останкам от восьми до десяти лет. Предполагается, что это тринадцатилетняя девочка. Но имя Джули вообще не всплыло.

— При чем тут она?

— А вы не допускаете, что девушка, которая живет у вас дома, — не та, за кого себя выдает?

— Девушка, которая живет у меня дома? — тупо повторяю я, как идиотка.

— Можете сделать мне одолжение? Добудьте образец ее ДНК. В идеале немного волос с расчески.

Дзынь. Дзынь. Я достаю телефон из сумочки, читаю последнее сообщение Тома и чувствую внезапное головокружение.

Но Алекс неумолимо продолжает:

— Мой друг из криминалистической лаборатории сделает анализ. Вам нужно всего лишь взять образец волос, и мы посмотрим, совпадает ли он. Мы ни к кому не станем обращаться, и никто не узнает, даже она, пока... пока у нас не будет точного ответа.

— Извините. — Я отодвигаю конверт обратно через стол, как блюдо, которое не в силах достать.

— Подумайте хорошенько. Вы уверены, что это она? Отлично. В таком случае вы получите подтверждение и обретете душевное спокойствие. — Он пронизательно смотрит на меня. Телефон снова брякает. — Но вы не уверены, правда? Или не совсем уверены.

Меркадо по-прежнему сидит, сложив руки перед собой на столе, но мне кажется, что он нависает надо мной, проникает в самые сокровенные уголки моего сознания своими цепкими пальцами. Я беззащитна перед этим насилием над моим сознанием, я не в состоянии обезопасить себя. Все равно что жить в мире, где любой может войти к вам в дом и забрать вашу дочь, угрожая ножом. В мире, где может произойти все что угодно. В мире, где так легко потерять веру в Бога и доверие к людям. В мире, где лучшее, что когда-либо случилось со мной, оборачивается самым страшным, и это самое страшное заключено в конверте из плотной бумаги, всего в двух словах заголовка: «Найдены останки».

— Нет, я уверена.

— У вас есть мой номер. — Больше он не пытается всучить мне конверт. — Позвоните, если захотите снова поговорить.

Телефон у меня теперь жужжит непрерывно. Я должна вернуться домой к Тому, где нас уже подстерегает беда, и она обязательно обрушится на нас, как наказание за мои сомнения. Я направляюсь к двери. Кажется, что я ушла из дома давным-давно: не верится, что я выскочила из кабинета Кэрол Морс всего несколько часов назад. Но воспоминание о пропущенных сеансах терапии внезапно останавливает меня. Я поворачиваюсь и быстро возвращаюсь обратно к столу.

— Мне на это наплевать, — говорю я, избегая смотреть на конверт. — Но, если вы действительно хотите помочь, выясните, где она бывает

по вторникам и четвергам. Она выходит из дома в час тридцать. Проследите за ней.

— Я думал, вы уже и не спросите.

— Не бесплатно, — продолжаю я. — Это нужно лично мне, и я заплачу.

— Ладно, — кивает он. — Но вы тоже кое-что для меня сделаете, Анна. Найдите группу под названием «Гретхен в полночь». Посмотрите видео в Интернете. И скажите мне, чье лицо вы увидите.

Ви

проснулась в семь утра с одеревеневшей челюстью и мельтешащими желтыми звездочками в глазах. Уилл лежал рядом и храпел.

Поначалу она не сообразила, почему у нее болит челюсть. А потом, войдя в ванную, увидела, что занавеска наполовину сорвана, флакончики с шампунями валяются на дне ванны; вспомнила, как его руки сжимали ее шею, а из душа, как дождь, на нее падала вода. Когда он наконец отпустил Ви, она вслепую ухватилась за занавеску, чтобы не упасть, и сорвала ее. Затем долго сидела, съежившись, прислушиваясь к звуку воды, которая стучала о занавеску, упавшую ей на голову, и ждала, когда он вернется и накричит на нее за весь этот беспорядок, но он так и не пришел.

Тогда Уилл ударил ее в первый раз, но она уже давно ожидала подобного. Он всякий раз заводил одну и ту же песню, просыпаясь после бурной ночи: как он мог доверять ей, с ее-то прошлым? Это первый куплет. Затем следовал припев, когда он просто плакал и каялся, что недостаточно хорош для нее. Второй куплет был аналогичен первому. И дальше самое главное: неужели она не понимает, сколько раз его предавали? Потом следовал

рассказ, что он был девственником до двадцати двух лет, потому что его подружка из колледжа уверяла, что не готова к близости, а потом оказалось, что она спит с другим. Уилл был ей верен, а она предала его... Ви каждый раз делала вид, что слышит его исповедь впервые. Она знала: Уилл будет плакать и умолять о прощении, но в итоге все равно виноватой останется она. А память о том, как он извинялся, пресмыкался перед ней и заново пересказывал свою унижительную историю, в следующий раз только усугубит ситуацию.

Она вернулась в спальню и посмотрела на Уилла, который был прекрасен во сне: скульптурно вылепленный овал лица, мраморная кожа. Ви представила, как кладет руку ему на шею, на то место, за которое он вчера схватил ее, чуть ниже подбородка, а потом крепко сжимает...

Его веки, почти прозрачные, затрепетали; она приложила руку к тонкой коже у себя на шее, где образовались синяки. Но их можно скрыть шарфом или высокой горловиной водолазки. Никто ничего не увидит.

Он будто знал, за какое место хвататься. Будто делал это раньше.

На уборку ванной ушло всего несколько минут. Конечно, он расплатится; конечно, начнет извиняться, но лучше, чтобы он не видел никаких последствий вчерашнего. Первым делом, когда грудь у нее еще будет скользкой от его слез, Уилл захочет заняться сексом, и она станет ласкать его нежно, с любовью. Даже сейчас она почувствовала в интимном месте ритмичное подергивание.

Ви осторожно устроилась в постели рядом с ним, накрыла их обоих простыней, закрыла глаза. Спать не хотелось. Она составляла план.

Часть плана — Сизтл. Уилл устраивал там концерты, чтобы чаще вывозить ее из города, поскольку боялся, что она снова попадет в старую компанию, в компанию Лины, хотя никто оттуда не общался с ней после разрыва. Приятельниц Лины она знала не очень хорошо, поэтому, выступая с Уиллом и встречая их время от времени, притворялась, что не узнаёт их, а они в ответ делали вид, что не узнают ее.

Впрочем, эти мимолетные встречи случались нечасто, потому что группа не играла в лесбийских барах. Уилл вызвонил пару приятелей из своей прежней группы и сказал: «У меня есть девушка-певица». Самобытный вокал Ви накладывали поверх электрогитары, и она пела соло. Тексты песен иногда казались ей скверно написанными предсмертными записками, но из зала их было не так уж хорошо слышно, поэтому смысл не имел большого значения. Уилл оказался прав: людям нравилось видеть рядом с музыкантами девушку. Казалось, зрителям безразлично, как она одета, пусть даже в рваньё; они обращали к ней лица, как цветы поворачиваются к солнцу, она будто была для них ангелом света. И временами она действительно чувствовала себя такой. Когда Ви закрывала глаза, огни сцены проникали ей под веки, и казалось, что она смотрит прямо в небеса. А когда от всполохов огней в глазах подолгу плавали темные пятна, она

думала: значит, надо меньше смотреть на мир открытыми глазами.

У группы было мрачноватое название: «Полночь». Но когда стало ясно, что публика ходит именно на Ви, то Уилл в момент вдохновения предложил сменить название на «Гретхен в полночь». Такое название навеяла сказка, которую мама читала ему в детстве. Скоро Ви уже готова была попрощаться с прежним прозвищем, поскольку люди, как она и предполагала, стали называть ее Гретхен. Ей это нравилось. Гретхен — более жизнеутверждающее имя, чем Виолетта; Гретхен могла выглядеть крепче и здоровее: не бледный ночной цветок, а яркий, утренний. Волосы у нее отросли, и она начала обесцвечивать их. Чем светлее они становились, тем лучше смотрелись с темными футболками и джинсами, которые она носила на сцене. И все складывалось более или менее хорошо.

По крайней мере, до тех пор, пока она не оплошала, неосторожно выдав себя одной фразой. Дэйв и Лен собирались после концерта сходить в стриптиз-клуб и упомянули «Черную розу». И тогда Ви отпустила дурацкую шутку о том, что в этом клубе можно снять «свежачок», а Уилл, с его редким даром проницательности, внимательно посмотрел на нее и спросил:

— А откуда ты знаешь?

Она даже не стала трудиться что-то доказывать: он целовал крошечную черную розу у нее на груди сотни раз, не подозревая, что она означает. Теперь он пристально смотрел на Ви, и она

чувствовала, как татуировка горит под футболкой. Значение черной розы внезапно прояснилось.

Все кончено, и она сразу это поняла, а он, как ни странно, не понял. Теперь, когда она стояла на сцене, сияя, он больше не видел Ви, он видел Старр, танцующую под вспышками огней, Старр, которая должна уйти. После концерта он, счастливый, входил в дверь гримерки со словами: «Каждый зритель в зале хотел тебя».

Она только пожимала плечами: разве не в этом весь смысл?

Сначала это возбуждало Уилла. Когда они добирались домой, он нетерпеливо хватал ее, задира л рубашку и тер большим пальцем татуировку, пока кожа не начинала гореть. Под левой грудью у нее вечно были синяки и ссадины, а Уилл трахал ее так яростно, будто пытался овладеть ею изнутри. Бесполезно, думала она: никому не принадлежит то, что внутри нее, даже ей самой. Но прошло совсем немного времени, прежде чем отвращение затмило желание, и просто трахать ее Уиллу уже было мало, он жаждал войти в нее другим способом. Когда он выломал стойку душа, Ви поняла: пора убираться, пока он не искалечил ее. Вот только впредь надо жить по-другому. Больше никаких Лин, никаких Уиллов. Ей надоело играть роль тряпичной куклы, независимо от того, укладывали ли ее на ночь в постель или швыряли в угол.

А тем временем группа становилась весьма популярной. Теперь почти на каждом шоу она видела несколько светящихся прямоугольников смартфонов, поднятых для записи, и ей это не нравилось.

Она знала, что придется тщательно все спланировать, чтобы двигаться дальше, и действовать быстро, потому что ее никогда не выпустят из виду надолго. Когда они все вместе были в дороге, Уилл играл роль ее ангела-хранителя, то есть они с ним снимали дешевый номер в мотеле, а остальные музыканты спали на сиденьях фургончика. Однажды Уилл заставил ее приоткрыть дверь, пока она пишет, и с тех пор она уже никогда не была одна, даже в туалете.

Она начала перед выступлением пить с группой пиво, на которое все скидывались со своего скудного заработка. Уиллу нравилось, что она участвует в предваряющем шоу ритуале; он предупреждал ее много раз, что не стоит выпендриваться и отделяться от коллектива. Конечно, рано или поздно ситуация вышла бы из-под контроля, поэтому она лишь выжидала момент, а пока время не пришло, выпивала с парнями. И вот момент настал. Она демонстративно прижималась к Уиллу, когда они вместе с Дэйвом и Леном сидели в гримерке, а затем отправилась в женский туалет, убедившись, что все это видят.

Каждый раз, когда они играли в Сиэтле, она чувствовала себя ребенком на качелях, со свистом несущихся вниз, ребенком, который ждет подходящего мгновения, чтобы спрыгнуть. Она не знала точно, кого ищет, пока не заметила в зале его: мужчину, которого она уже видела раньше, всегда одного. Просто мужчина, но в тот вечер на сцене, разглядев его темное лицо в окружении более светлых, словно черную дыру, она поняла: это он. Она

чувствовала его взгляд, чувствовала, что он наблюдает за ней, и, прикрыв глаза, зависла голосом на несколько секунд в низком альтовом регистре, а затем потянулась вверх хрустальным сопрано, пробираясь сквозь огни софитов к темному провалу его лица, будто всплывающий ныряльщик.

В ту октябрьскую ночь, когда на город спустилась пелена мороси, которая никуда не денется в ближайшие семь месяцев, она наконец решилась.

6

Вернувшись домой, я забываю и о видео, и о Гретхен Фарбер, потому что она опять ушла. Джули ушла.

Мне хочется накричать на Тома за то, что позволил ей покинуть дом. Конечно, он не знает о выкидыше, не знает, что у нее может открыться кровотечение, что ей больно. Но, так или иначе, когда я возвращаюсь, она уже пять часов как исчезла, ни словом не обмолвившись, куда направляется, и мой муж в ужасе. Мы ездим по Мемориал-драйв, останавливаемся в кафе и магазинах, спрашиваем, не видел ли ее кто-нибудь. Один бариста в «Старбаксе» говорит, что видел, как она садилась во внедорожник на улице.

Конечно, мы сразу понимаем, что это Джейн заехала за Джули в джипе Тома. Но когда телефон Джейн перенаправляет нас на голосовую почту, как обычно бывает, если человек мертв и уже не может ответить сам, вот тогда ужасные сценарии начинают раскручиваться по спирали, и мы теряем контроль над собой. Мы представляем, что какие-то люди из Мексики искали Джули и наконец нашли ее, а когда девочки были вместе, возможно, похитили их обеих. Или Джейн подобрала

Джули, но они попали в аварию на опасном перекрестке и теперь лежат в коматозном состоянии в больнице. Сцены вероятных катастроф мучают нас, хотя мы и пытаемся успокоить себя, что молния дважды не бьет в одно и то же место. Я кричу на Тома, Том — на меня, затем мы крепко обнимаемся. Он звонит в участок и обещает держать полицейских в курсе, когда, уже после наступления темноты, обе дочери вваливаются на кухню, промокшие насквозь и хохочущие, как сумасшедшие.

Их смех выводит меня из себя. Вот уже четыре часа прошло с тех пор, как я вернулась домой и обнаружила, что девочки пропали. Я сижу за кухонным столом, мне больно, я ругаю себя за то, что пошла к психотерапевту Джули и, хуже того, встретила с этим Меркадо — уродом, который выудил мой рабочий номер с сайта факультета. Все это признаки предательства, означающие, что я недостойна возвращения Джули. Когда я пролистывала список друзей Джейн — Белла, Эйприл и так далее, — друзей, с которыми она, вероятно, больше не общается, но номера их родителей у нас есть, а Том кричал в трубку детективам Харрис, Оверби и всем остальным, кто соглашался слушать, я знала в глубине души, что они ушли из-за меня.

А теперь они здесь, и они смеются.

— Где вы были? — тихо спрашиваю я.

А они все не могут оторваться друг от друга, как сиамские близнецы, две сестры — Джули и Джейни, Джейни и Джули, — как в старые

добрые времена, хотя Джули, уже заметив неладное, настораживается.

— О боже, где мы только не были! — Джейн кладет руку на плечо Джули, чтобы успокоиться.

— Ты могла бы начать с объяснения, почему ты такая мокрая.

— О... Да. Небольшой конфуз.

В голосе Джейн проскальзывает смешок, но у меня нет настроения шутить. Заметив мрачное выражение моего лица, она нервно хихикает:

— Скажи ей сама, Джули. На тебя она меньше разозлится.

— Когда мы возвращались домой, попали в жуткую пробку и остановились перекусить. А потом Джейн хотела показать мне сад скульптур, но он оказался закрыт...

— И тогда мы перелезли через стену, — подхватывает Джейн. — Я сто раз так сделала, но именно сегодня мы наткнулись на охранника! — Она снова хихикает. — А потом мы пошли к большому фонтану, такому круглому, в Германн-парке...

— Хотели загадать желание...

— И все немного вышло из-под контроля. Короче, мы пошли купаться.

— Она собирала деньги из фонтана! — заявляет Джули, снова начиная смеяться.

— У меня не было мелочи. Вряд ли желания из-за этого не исполнятся.

Они уже забыли выражение моего лица, которое насторожило их мгновение назад. Мысленно они все еще падают вместе в широкую чашу

гигантского фонтана, гоняются друг за другом по дуге брызг, а вокруг сигналият машины.

С меня хватит. Я встаю из-за кухонного стола. Даже не знаю, что собираюсь делать и к кому из них направляюсь, но Джули видит, что я приближаюсь, и пятится к двери.

Не сбавляя шага, я подхожу к Джейн и бью ее по щеке.

— Анна! — кричит Том.

— О чем ты только думала?! — взрываюсь я. — Мы оставили чуть ли не двадцать сообщений! Что, черт возьми, произошло?

Том подходит к Джули, которая жметесь к двери, и обнимает ее одной рукой. Он не встает между мной и Джейн, но, похоже, готов в любой момент заслонить от меня и младшую дочь.

Джейн ошеломленно прижимает руку к лицу:

— Ты меня ударила.

«Детка, прости», — хочу я сказать, но вместо этого выкрикиваю еще резче:

— Будь любезна извиниться перед отцом и передо мной!

— Ты меня ударила, — ошеломленно повторяет Джейн. — Вот гадина!

— Джейн! — предостерегающе говорит Том.

— У меня телефон, наверное, сдох! Госпо-ди, да я посмотрю, если хочешь. — Она роется в сумке, пока не находит мобильный, нажимает на кнопку включения и размахивает аппаратом: — Видишь? Он разрядился!

— Это твоя обязанность — всегда держать его заряженным. И ты это знаешь.

— С каких пор тебя это волнует? — Джейн бросает телефон обратно в сумочку. — Дело-то не во мне. Я и раньше опаздывала, и ты даже не замечала.

— Ты опоздала на пять часов, не на пять минут, — возражает Том. — Мы понятия не имели, где ты.

— Я все время пропускаю ужин, — продолжает Джейн, — но раньше меня ни разу не били. Черт, да ни одна моя выходка не заставила вас и глазом моргнуть. — Она зло усмехается. — Почему все по-другому, когда она со мной? Потому что ты боишься потерять ту, кто имеет для тебя значение?

— Ты можешь сама о себе позаботиться! — выпаливаю я.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Однажды ты ее уже отпустила! — Теперь я кричу в полный голос. — Ты видела, как она вышла за дверь!

Глаза у Джейн расширяются. Она подходит ко мне так близко, что я ощущаю, насколько дочь выше меня. Она поднимает руку, и на мгновение мне кажется, что она собирается дать мне пощечину. Вместо этого она указывает на Джули:

— Вيني меня, если хочешь, но не забывай: она стоит вон там. Можешь задать ей любые вопросы.

Мой взгляд следует за ее указующим перстом, и только тут я замечаю, что волосы Джули, мокрые и прилипшие к голове, как и у Джейн, но уже начинающие сохнуть, похожи на красную шапочку

из коротких перьев, которые торчат в разные стороны, и на мгновение теряю дар речи.

— Я же говорила, что она взбесится, — бросает Джейн, заметив мою реакцию, но теперь никто не обращает на нее внимания.

— Прости, — шепчет Джули.

— Зачем... — Я делаю шаг к Джули, протягиваю руку и осторожно касаюсь ее виска, где раньше были длинные светлые волосы с серебристым оттенком.

Я взъерошиваю, тяну красные пряди, проверяю, настоящие ли они. Потом начинаю плакать. Ничего не могу с собой поделать.

— Просто не верится, — говорит Джейн. — Ведь это она сегодня ушла из дома, никому не сказав, куда собралась. Это она исчезла. Не я. Не я!

На безымянном пальце ее левой руки болтается какая-то повязка. Зная, что никто не попытается ее остановить, Джейн, громко топая, бросается вверх по лестнице и хлопает дверью в свою комнату. Джули подходит ко мне, медленно, шаг за шагом пробираясь сквозь мое горе, как через стремительный поток, будто боясь потерять опору и быть унесенной волной. Вид у нее такой, словно она потеряла больше детей, чем я могу себе представить.

Однажды мама дала мне пощечину.

Летом, после пятого класса, Энджи пригласила меня провести летние каникулы с ее семьей в Нортист-Харборе. Моя мать, которая имела стойкие стереотипы насчет воспитания девочек,

неохотно согласилась. Я выросла из своего купальника, и мы отправились покупать новый. Это была пытка. Мать стояла позади меня в углу примерочной, хмуро наблюдая, как я натягиваю очередные купальные трусики на свои уже вполне сформировавшиеся бедра. Комплект, который мы наконец выбрали, был в горошек, с пышной юбочкой, которая свисала почти до колен, на вырост, хотя к тому времени я уже год как остановилась в росте.

В первый день моих каникул Энджи скорчила гримасу при виде уродства в горошек и сказала: «Вот, выбери один из моих старых купальников». Она открыла ящик, полный бикини, которые мама не разрешала мне даже снимать с магазинной стойки. Я примерила трикотажный комплект с верхом на бретельке через шею и расшитыми бисером завязками на бедрах. Завязки брякали, когда я двигалась. Энджи оценивающе посмотрела на меня и проворчала: «Теперь я вижу, как он должен выглядеть в идеале». В ее голосе звучала легкая зависть, хотя это у нее был загородный дом в Нортист-Харборе, а у меня — мать-католичка.

Целых десять дней мы играли в тетербол и пинг-понг, бегали к старенькому автомату с содовой и кока-колой, рассказывали друг другу страшные истории о привидениях, лежа под одеялом с фонариком. В конце каникул я вернула Энджи ее бикини, но не подумала о том, что загар у меня на теле повторяет линии купальника. Однажды, когда я переодевалась, вошла мать — как всегда, без стука.

Когда я заплакала от пощечины, она закричала: «Ты хоть соображаешь, о чем думали мужчины при виде тебя? Соображаешь?!»

Я ей не поверила. Что тут такого? Это же просто тело. Но когда лето закончилось, я обнаружила, что для мальчиков в школе, для мужчин на улице, для любого, кто смотрел на меня, тело представляет собой нечто большее; оно как открытая книга, полная ужасных секретов, непристойный журнал, который каждый может пролистать. Мама больше никогда меня не била, но я возненавидела ее за то, что она оказалась права.

Моя мать не дожила до того момента, когда Джули округлилась, до того, как у меня впервые замерло сердце, когда я взглянула на свою дочку по-новому и вдруг поняла, что она становится женщиной. Я вспомнила мальчишек, которые норовили засунуть мне карандаш под юбку, когда я поднималась по лестнице, вспомнила мужчин, пялившихся на меня на автобусной остановке, гудки на улице, ехидные замечания. Я вспомнила, что как-то раз в восхитительном одиночестве читала книгу — трава приятно покалывала колени, солнце грело голые плечи под спущенными бретельками сарафана, — и вдруг поняла, что уже не одна: ко мне подошел мужчина, которому я постеснялась показать свой страх, и предложил намазать мне спину солнцезащитным кремом. Когда смотришь на свою дочь, все эти воспоминания возвращаются, всплывает каждый эпизод, когда тебя захлестывала волна стыда и страха, только теперь все это происходит не с тобой, все это происходит

с телом, которое ты ощущаешь почти своей собственностью, но оно не принадлежит тебе, так что нет никакой возможности защитить его.

В тот давний момент у меня действительно замерло сердце. Я боялась за нее, боялась ее. Я затаила дыхание и подумала, что скоро моим страхам придет конец: став подростком, Джули поумнеет. Как и я.

Но она не успела.

— Как ты могла! — Том никогда еще так не злился на меня. И хотя муж наклоняется, чтобы заставить меня посмотреть ему в глаза, он все равно возвышается надо мной. — Мы так не поступаем, Анна. Мы не бьем наших детей.

— Ты испугался не меньше моего.

— Мне все равно, насколько ты испугалась, — говорит он, с каждой секундой становясь все более грозным. — Мы же договаривались: никогда в нашем доме не будет такого. Мне хватило этого в доме родителей.

— Кстати, а как поживают твои сестры, Том? — спрашиваю я, внезапно поднимая на него глаза.

— До смерти бояться отца! — огрызается он. — И, вероятно, их мужья тоже. Ты этого хочешь?

— А скольких из них похитили и продали по сходной цене? — кричу я. — И скольких из них насиловали каждый день в течение восьми лет?

— Анна...

— У твоего отца они были в безопасности, Том! И остались в безопасности!

Он тычет пальцем мне прямо в лицо и с дрожью в голосе цедит каждое слово:

— Если ты думаешь, что я чувствовал себя в безопасности, когда рос с отцом, ты ни черта не знаешь о безопасности!

Но сейчас я уже не в силах рассуждать здраво. Крик надорвал мне горло, и я не могу издать ни звука. Мне кажется, я всхлипываю, но потом понимаю, что просто задыхаюсь, хватая ртом воздух. Кружится голова, в глазах темнеет. В следующую минуту сознание возвращается. Я стою на том же месте и прижимаюсь к груди Тома. Он словно заново дарит мне возможность дышать, и что-то большое и черное, душившее меня изнутри, растворяется в обычных слезах.

— Почему она так поступила? — спрашиваю я, всхлипывая. — Ну почему?

— Ты же знаешь Джейн, — оправдывает Том дочь. — Она потеряла счет времени. А Джули, думаю, просто чувствовала себя запертой, как в ловушке, вот и обрадовалась свободе. Ты же знаешь, через что ей пришлось пройти. — Том вздрагивает и глубоко вздыхает. — Я тоже испугался, как и ты, и тоже злился. Но теперь, когда мы знаем, что все обошлось, честно говоря, я думаю, что девочкам было полезно немного побыть вместе.

— Я про ее волосы.

Том отпускает меня, делает шаг назад и недоуменно смотрит мне в лицо:

— Ты серьезно?

Я знаю, что он старался поддерживать Джейн все эти годы, преодолевал препятствия, которые

она устраивала, чтобы держать нас на расстоянии, в то время как я предпочитала верить, будто она не нуждается во мне. Но Джули — как он с ней справляется? Как у него до сих пор сохранилась связь с ней? Как Том догадался подойти к Джули и прижать ее к себе, когда я ринулась к Джейн и сделала то, что сделала?

— Они мне как чужие.

Он смотрит на меня с недоверием:

— Анна, так кажется всем матерям девочек-подростков.

Но Джули, как напомнила мне Кэрол Морс, уже взрослая. Том не знает о Кэрол Морс и о выкидыше, об Алексе Меркадо и конверте. Том не смотрит Джули в глаза и не задается вопросом, тот ли отенок голубого был у ее глаз, и не думает: «А я заметила бы разницу?»

Я могла бы рассказать все Тому, но именно я отравила наши отношения, за что нас до сих пор наказывают. Что может быть лучшим подтверждением моего кощунства, как не это ужасное чувство, что я не узнаю собственных детей, выгоняю их из гнезда, потому что у них неправильный запах, бью их, когда хочу поддержать, и все потому, что они исчезают в любое время дня и ночи, и неизвестно, как они будут выглядеть, когда вернутся?

— Ты прав, — говорю я. — Я знаю, что ты прав.

Мы с Томом можем позволить себе только одну стычку за вечер: слишком недавно мы восстановили отношения. Поэтому я разрешаю мужу уложить

себя в постель, а когда он засыпает, проскальзываю в ванную с телефоном, выключаю звук и захожу в поисковике видео под названием ««Грехен в полночь», концерт в клубе «Часовня» 2 октября 2014 года». Нажав на треугольничек, чтобы включить клип, я вижу лицо Джули. Изображение смазанное, не больше отпечатка большого пальца на экране. Она стоит на сцене, освещенная огнями рампы и беззвучно открывает рот.

Виолетта

впервые запела на заднем дворе у Лины. Она даже в мыслях не считала его своим двором, хотя прожила там почти год, достаточно долго, чтобы покрасить волосы в голубой цвет, потом обесцветить, коротко подстричь и снова отрастить, превратившись в пшеничную блондинку. Короткие волосы, разумеется, были в порядке вещей в этой компании, но она знала, что Лине больше нравятся длинные, любого цвета.

Лина позвала друзей, и все выпивали. В тот вечер уже совсем стемнело, стало прохладно, поэтому они разожгли костер на заднем дворе и подтащили к нему стулья из кухни. Лина никогда не курила травку, поэтому Виолетта обычно тоже избегала ее. Когда она все-таки взяла косяк, который появился, как по волшебству, в руке Сьюзен, это означало, что она готова к переменам.

— Ви! — воскликнула Лина, но тут же отвернулась и пожала плечами, когда Виолетта глубоко затынулась.

Виолетта наслаждалась возможностью напомнить Лине, что она не безделушка, приобретенная за бесценку в экзотическом заведении. Никто, кроме Лины, не считал, что снять Виолетту

с шеста — это то же самое, что купить и заплатить за нее, но дух неповиновения витал в воздухе, как дым от фейерверка, как возбуждающий аромат опасности, однако он рассеялся, прежде чем Виолетта успела насладиться им. Беззвучно выдохнув дым от травки, она вернула косяк Сьюзен, которая ласково улыбнулась и передала его дальше.

Избавившись от косяка, Сьюзен вытащила из-под стула гитару.

— Наступило время трубадуров? — спросила подружка Сьюзен, Бек, с другого края круга, где она сидела, закутавшись в одеяло.

Но Сьюзен не пела любовных песен. Сначала она просто бренчала на гитаре, а затем стала подбирать мелодию, которая напомнила Виолетте бегущую воду. Аккорды растворялись в отдельных брызгах нот, и она расслабилась; напряжение от статуса трофейной подруги, которую следует видеть, но не слышать, растворилось, как сливки в кофе. Пальцы Сьюзен перебирали струны, и у Виолетты пробегали мурашки по рукам, ногам, затылку.

Потом Сьюзен запела гортанным альтиком народную песню о том, как она ходит по холмам в длинной черной вуали и навещает могилу, когда завывают ночные ветры. Песня казалась странно знакомой — или дело было в действии травы. Виолетта лихорадочно пыталась вникнуть в каждую строчку, но так и не смогла уловить сюжет. Затем закругленный край гитары задел ее голое колено, отчего дрожь пробежала вверх по бедру

к интимному месту, и впервые Виолетта почувствовала влечение к женщине, настоящее влечение. Но не к Лине.

Бек выразительно посмотрела на Сьюзен; в ее взгляде смешались ожидание и паранойя — она тоже была под кайфом, а остальные болтали, смеялись и звякали бутылками о бокалы или шаркали сандалиями по бетону, наклоняясь достать еще одну бутылку.

И тогда Виолетта запела.

Сначала она пела со Сьюзен в унисон, а потом, на рифмующихся словах — «вуаль — жаль, я — твоя» — стала подниматься голосом в ноты верхнего регистра, следуя за переливами Сьюзен, как раньше пыталась подпевать Джону Дэвиду. А потом и вовсе оторвалась от голоса Сьюзен, словно сидела на спине птицы и, поймав ощущение полета, воспарила, расправив собственные крылья. После этого они со Сьюзен как будто слились в танце: вдыхали и выдыхали в одном ритме, вибрировали, как две струны на одном инструменте.

Они пели так, словно плыли в воздухе, в разреженной пустоте, за пределами которой остались пивные бутылки и бокалы с вином, замершие на полпути к полуоткрытым губам.

Когда зазвучали заключительные аккорды, Виолетта ощутила, что кайф закончился — растворился, оставив вместо себя сонную пустоту.

Женщины в кругу хлопали и восхищались Виолеттой, словно она была вундеркиндом или говорящей зверушкой. Кто-то спросил: «Лина, где ты прятала эту девочку?» Как будто Виолетта

не присутствовала на всех их поэтических ту-совках и званых обедах, не говоря уже о «Черной розе», куда она ходила с Линой, наблюдая, как подружки сожительницы танцуют с ее бывшими коллегами.

Пока Лина упивалась похвалой, Сьюзен положила руку на плечо Виолетты и спросила:

— Где ты научилась так красиво петь?

— В церкви, — честно ответила она.

Это слово для нее заключало все: Джона Дэвида и тьму в светящемся круге, вещи одновременно мерзкие и сладкие, поступки, которые она совершала, чтобы выжить. Сьюзен кивнула, и Виолетте на мгновение показалось, что та действительно все поняла. Может, и со Сьюзен случилось нечто подобное? Но потом та неожиданно предложила:

— Буду рада, если захочешь присоединиться ко мне за открытым микрофоном — и не только. — И похлопала ее по руке, подмигнув.

По легкой дрожи и взгляду Лины Виолетта поняла, что круг наполнился опасной энергией. Она представила, что становится тем самым огненным колесом Фортуны, которое сожжет любовь Сьюзен и Бек, заставив их решать, кому будут принадлежать квартира на северо-западе, ресторан, которым они владеют, и четырехлетний сынишка. Она взвесила все за и против. Плотское влечение — вещь ненадежная, оно может исчерпаться за один вечер или, самое большее, за несколько недель.

Конечно, предложение заманчивое, но она погасила уголек надежды.

— Вряд ли, — ответила она.

Сьюзен казалась ей слишком сложной.

В любом случае отказ на предложение Сьюзен имел свои плюсы. Лина была так благодарна ей за верность, что в следующий раз, когда представился шанс спеть, не возражала, как и предполагала Виолетта. И тогда она стала исполнять народную музыку в маленьких клубах, выступая тут и там с разными группами и радуясь, что стриптизерка Старр с рыжим водопадом локонов по спине превращается в новую личность, певицу Виолетту с пшенично-русыми волосами, которые становились все длиннее. Она жила от концерта к концерту, переходила от группы к группе, пока не познакомилась с талантливым барабанщиком.

Уилл был одинок, и ей оставалось лишь расстаться с Линой.

7

Когда я просыпаюсь на следующее утро, Том на улице чистит бассейн.

Я наблюдаю в окно спальни, как он стоит на рифленом бортике, медленно, как гондольер, вода по дну длинным шестом пылесоса. С каждым размеренным взмахом прошедшая ночь кажется все более далекой. Покалывание в ладони от пощечины Джейн, крики Тома и, самое главное, лицо певицы на экране мобильного телефона, который я прижимала к себе, сидя в ванной, — все это теперь исчезло, смылось утренним душем, растаяло как сон. Ошибка. Недоразумение. Блондинка на нечетком видео. Я достаю из корзины для выстиранного белья джинсы и натягиваю их. Ощущаю комок в заднем кармане и выуживаю визитку детектива Оверби, нечитаемую, размолотую в ключья в стиральной машине. Выбрасываю ее в мусорное ведро.

Беру свой кофе и сажусь в шезлонг, чтобы понаблюдать за ритмичными движениями Тома. Сегодня одно из тех редких, сверкающих, освеженных дождем утр, которые иногда радуют Хьюстон в июне, возвращая город в март, в такой день, который можно принять за обычное лето в более

умеренном климате. Тени высоких сосен отражаются в воде бассейна; ветерок, лениво колышущий их верхушки, едва достигает меня. Желтая сережка дубовой пыльцы падает мне в кружку, и я выживаю ее. У нас могут быть свои проблемы, но в конце концов мы снова семья: муж, жена и две прекрасные дочери, наконец-то вместе. Дверь открывается, и выходит Джейн, катя за собой чемодан.

— Милая! — зовет Том, пока она, не обращая на нас внимания, тащит багаж к машине.

Я слышу, как открывается и с глухим стуком закрывается дверца внедорожника. Затем Джейн проходит на террасу уже без чемодана и заявляет отцу:

— Я уезжаю. Вчера вечером купила билет. Сегодня я останусь у Эйприл, а завтра утром она отвезет меня в аэропорт.

Том выключает пылесос и прислоняет его ручку к дереву.

— Милая, мы уже говорили об этом. Может быть, тебе нужно время, чтобы...

— Я хочу уехать. — Том не спрашивает почему. И я тоже. — Отвезешь меня к Эйприл?

— Конечно-конечно, — поспешно соглашается он. Джейн идет в дом. Том поворачивается ко мне.

Это сигнал.

— Я извинюсь, — обещаю я.

Муж смотрит на свои сандалии и не поднимает на меня взгляд, когда я прохожу мимо. Я ощущаю его едва сдерживаемый гнев.

Поднимаюсь, стучу в дверь комнаты Джейн и, не получив ответа, приоткрываю ее и тихо говорю:

— Прости.

Джейн роется в шкафу. Она кидает на меня взгляд через плечо и тут же возвращается к своему занятию: набивает спортивную сумку вещами, которые, по-видимому, хватает почти наугад.

Позади, в комнате Джули, включается душ, и я вспоминаю о ее новой прическе. Интересно, сколько лишней краски сейчас смоется в канализацию и порыжеет ли ванна. Затем я вновь обращаюсь к младшей дочери, демонстративно повернувшейся ко мне спиной:

— Мне очень жаль, Джейн. Этому нет оправдания. Мы были просто... Я очень волновалась.

Она срывает с вешалки свитер и бросает его в сумку.

— Волнуйся сколько хочешь. Это можно делать и без меня.

Я решительно вхожу в комнату и закрываю за собой дверь. Джейн резко поворачивается:

— Разве я тебя приглашала?

— Джейн, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? Слушай, держись от меня подальше, живи со своей другой дочерью, настоящей дочерью, той, о которой ты так заботишься! И пусть у тебя все будет хорошо, не трать на меня свое драгоценное время, не слушай меня и не думай обо мне!

— Пожалуйста, останься. — Джейн смотрит на меня с тоской, сжатые губы дрожат, как в детстве. — Ты нужна папе.

Она опускает глаза, а когда поднимает их, губы больше не дрожат.

— Я могу позавтракать с ним по дороге к Эйприл. Надеюсь, это его порадует.

— Да, наверняка.

— Мне будет его не хватать. Я буду скучать по вам обоим... по всем вам. — Она вытирает глаза рукавом фланелевой рубашки. — Я просто... я не могу находиться здесь сейчас. Это сводит меня с ума. Ведь Джули — моя сестра. Я тоже то-сковала по ней. Мне тоже было страшно все эти годы. — Джейн оглядывает спальню, взгляд ее упирается в шкаф. — Ненавижу эту комнату. Когда я сплю здесь, мне до сих пор снятся кошмары.

— Мы не могли уехать отсюда, — говорю я. — Мы...

— Знаю-знаю, ты хотела, чтобы она могла вернуться. И она вернулась. Вот в чем дело. Я все понимаю. — Она снова начинает запихивать вещи в сумку. — Я даже не обижаюсь, что ты почти не спрашиваешь меня о делах в универе...

— Джейн...

— Не надо. Сама разберусь. Как всегда. — Дочь заканчивает сборы и, подхватив сумку с пола, швыряет на кровать. — Только не срывайся на мне из-за того, что это она нашла тебя, а не наоборот.

Раздается тихий стук в дверь, и Джейн проти-скивается мимо меня, чтобы открыть.

В коридоре стоит Джули с парой черных «конверсов» в руках. Из-за коротких мокрых волос, прилипших к голове, она выглядит старше и меньше ростом. Похожа на птицу.

— Тебе они понадобятся, — говорит она, протягивая кеды.

— Можешь оставить себе, — отзывается Джейн грубовато. — Мне в любом случае нужны новые.

— Ты уверена? — спрашивает Джули.

— Да, — говорит Джейн. — Я хочу, чтобы ты взяла их.

— Спасибо.

— У тебя ведь есть мой электронный адрес? — спрашивает Джейн.

Мне следовало бы оставить дочерей одних, чтобы они могли попрощаться, но девочки загораживают дверь, поэтому я просто стою, засунув руки в карманы джинсов, и жду.

— Ага. Классно потусовались. Спасибо. Я отлично провела время.

— Я тоже. — Джейн вдруг бросается к Джули и порывисто обнимает ее. — Я люблю тебя. И рада, что ты дома.

Затем она поворачивается, чтобы застегнуть сумку, лежащую на кровати, берет со стола стопку блокнотов и сует в рюкзак, который закидывает на плечо. Когда она оборачивается, Джули уже нет, и дверь в ее комнату закрыта.

Я протягиваю руку за спортивной сумкой, но Джейн останавливает меня жестом, хватает ее и выходит за дверь. Она быстро спускается по лестнице — тук-тук-тук, — шагает тяжело и целеустремленно, будто отправляется в дальний поход; я следую за ней более мягко и медленно. Увидев дочь, Том встает из-за кухонного стола

и подходит, протягивая руку за сумками. Она отдает ему багаж, даже рюкзак с блокнотами, и муж молча направляется к машине. Я иду за ними. Мы подходим к задней двери, через которую однажды вывели Джули, приставив ей к спине нож. Переступив тогда через порог, она сделала последний шаг из детства в ту жизнь, которая ожидала ее по другую сторону. Я держу руки в карманах, а мне так хочется дотронуться до плеча Джейн. Угадав мое желание каким-то шестым чувством, она оборачивается.

— Мам... — говорит она и на секунду утыкается головой мне в плечо, крепко меня обнимая, почти до боли.

Когда Джейн отстраняется, у меня в глазах стоят слезы, но я сдерживаюсь и, наконец вытащив руки из карманов, беру ее за локоть:

— Я люблю тебя.

Лицо у нее серьезное и немного грустное.

— Мама, — снова говорит она, — думаю, ты должна кое-что знать. У Джули есть мобильный. Она сказала мне, что одолжила телефон, чтобы позвонить мне вчера, но потом я увидела трубку у нее в сумочке. — Она лезет в карман и достает листок бумаги: — В общем, я записала ее номер.

Джейн мягко убирает мою руку со своего локтя, и последнее мое воспоминание о младшей дочери — это ее пальцы, кладущие свернутый листок мне в ладонь.

Потом она уезжает. Машина газует на подъездной дорожке. Все еще чувствуя прикосновение Джейн, я немного медлю, прежде чем сунуть

листок в карман, и снова рассеянно удивляюсь, почему у нее на пальце была повязка.

Когда я поворачиваюсь, Джули стоит у порога и смотрит на меня. Интересно, сколько она там пробыла, что слышала и что видела.

Старр

научилась врать в «Черной розе», в Портленде, штат Орегон. Не то чтобы она никогда раньше не обманывала — полицейских, приемных родителей, любого, кто, по ее ощущению, мог воспользоваться правдой ей во вред. Но тогда она обманывала только на словах, и любой внимательный наблюдатель сумел бы разглядеть ложь.

В «Черной розе» она научилась лгать телом.

Она появилась на площади Пайонир-Корт-хаус в образе Мёрси, с каштановыми волосами до плеч, и пешком двинулась на восток, через реку, пока не надоело шагать. Два клуба она пропустила, а потом ее внимание привлекло изображение розы на грязной вывеске — черной розы, окруженной колючим ореолом лепестков. Ей даже не пришлось раздеваться, чтобы получить работу, достаточно было показать Гэри, высокому тощему парню с хипстерскими усами, доказательство того, что ей больше двадцати одного. Он объяснил, что аренду времени на сцене она будет оплачивать стоимостью водянистых десяти-долларовых коктейлей, которыми ее угостят клиенты: десять коктейлей за один танец на сцене, двадцать за два и так далее. А если достаточная

сумма не наберется, остальное ей придется в конце вечера наверстывать самой за счет частных танцев, плюс еще чаевые барменам, официанткам и вышибалам.

— Короче, твоя задача, — резюмировал Гэри, — встряхнуть во время танцев на коленях как можно больше выпивки.

Она спросила, каковы здешние правила, и он ответил:

— Ну, после отмены госконтроля ограничений нет, позволено все. Никаких правил, вообще никаких, и ничего не нужно прикрывать.

Гэри указал на одно из кресел, стоявших вдоль стен, где обнаженная танцовщица оседлала клиента, раздвинув ноги. Его пальцы погрузились в ее лоно до третьего сустава, голова откинулась к стене, а танцовщица с рассеянным видом извивалась у него на коленях.

— Спасибо Верховному суду штата Орегон, — сказал Гэри вроде как в шутку, но без тени улыбки.

Конечно, ее никто не принуждал. Но при желании она могла делать все, что захочет. Да хоть поджечь себе волосы на лобке, Гэри было наплевать.

Он поставил только одно условие:

— Ты не можешь быть Мёрси. У нас уже есть одна.

Первый свой танец Старр исполнила в четверг днем. Было еще слишком рано, хотя в клубе без окон, где все затянуто туманом, с шипением выпускаемым дымовой пушкой, сложно определить, который час. Старр неумело вращалась вокруг шеста под музыку. Стринги она украла в магазине,

а кустарно перешитый сценический костюм, позаимствованный у соседки по комнате, то и дело соскальзывал. Она чувствовала себя беззащитной и ужасно боялась разоблачения. Но чем ближе подходил момент, когда пора было снять стринги, тем более одетой она себя ощущала. Танцуя на сцене полностью голой, если не считать неоновых-желтых босоножек на платформе, она была неприступна; обнаженное перед жадными взглядами посетителей тело словно защищали невидимые доспехи, которые никому не снять.

Но когда она спустилась со сцены в зал и принялась кружить среди клиентов, ощущение рассеялось: унылые дневные посетители не увидели ничего такого, чего не видели раньше, поскольку теперь в каждом квартале имелся подобный клуб. Недавно принятые законы, снисходительные к пороку, разрешали стриптизеркам использовать свои тела, чтобы с напористой агрессией добывать деньги из кошельков клиентов. Некоторые девушки заканчивали танец лежа на спине и вращая ногами, точно странными подводными растениями, вокруг обнаженных гениталий, придвинутых почти к лицу клиента. При этом их киски оставались сухими, как слишком долго открытые рты, а сами они выглядели равнодушными, как резиновые цыплята, но это не имело значения: мужчины замирали, вглядываясь в женское естество и мечтая, чтобы оно сделалось теплым, влажным, сулящим интимную близость. Старр как-то раз попробовала симитировать вращение винта вертолета, но мышцы живота у нее оказались для подобного

упражнения слишком слабыми. Она едва справлялась с самыми простыми движениями на шесте, хотя училась у своих соседок по комнате, большинство из которых тоже танцевали стриптиз.

По указанию Гэри она поселилась в полуразрушенном викторианском особняке неподалеку от Хоторна, где половина ступенек парадной лестницы сгнила, а окна, заклеенные черной лентой, мокли под нескончаемым морозящим дождем. Но она ничего не стала там оставлять: рюкзак с трофеями и постепенно растущая коллекция нарядов казались ей в большей безопасности в одном из шкафчиков клуба, а свою единственную драгоценность, золотую цепочку с маленькой подвеской в виде лошадки, Старр накручивала вокруг лодыжки, когда танцевала.

Со временем она привыкла к тому, как огни сцены обжигают потную кожу, привыкла к горькому вкусу дыма, заволакивающего зал, однако всегда отдавала себе отчет, что Старр ужасно держится на сцене. Ей больше нравились приватные танцы. Она терпеть не могла извиваться на полу под прицелом сальных ощупывающих взглядов и обычно выглядела отстраненной и мрачной. Но мрачность обладает своей привлекательностью для некоторых любителей, поэтому у нее появились личные клиенты, как и у тех девушек, которые хихикали и флиртовали. Пока все шло по заранее написанному сценарию, не требовалось особенно напрягаться. Для нее не имело значения, верят ей или нет; притворство тоже было частью сделки. Так, она научилась угадывать, кому из клиентов

сказать, что раздевается на сцене в первый или второй раз, а кому признаться, будто откладывает деньги на колледж или на новые игрушки для своего ребенка. А некоторым она вообще ничего не говорила о себе, только издавала мурлыкающие звуки, будто ей ужасно повезло, что она трется об их промежности.

И все же стриптизерок развелось слишком много, клиентов на всех не хватало. Некоторые девушки, закатывая глаза от возмущения, проклинали легализацию. Иногда за всю ночь Старр почти ничего не зарабатывала, за исключением чаевых. Кроме того, существовал миллион способов оступиться, разрушить все за долю секунды. Она видела девушек, за которыми в перерывах на перекур следовали клиенты и предлагали немного подзаработать, а потом, после бурной ночи, бедняжки возвращались с синяком под глазом или порванной бретелькой бюстгалтера, а то и вовсе без него.

Поэтому Старр не интересовалась побочными сделками. Но если говорить «нет» слишком часто, рискуешь потерять постоянных клиентов, а следовательно, и клуб потеряет постоянных клиентов, что еще хуже. Ее задача состояла в том, чтобы вообще ничего не говорить, ни «да», ни «нет», но смотреть таким манящим взглядом, как будто однажды она скажет «да», просто ждет подходящего момента. Так она постигала науку исчезновения.

Еще больше она преуспела в этом, когда одна танцовщица предложила ей пластиковый тубик

с остатками краски для волос невысказанного красного оттенка и пообещала: «Локоны будут классно блестеть при свете софитов». Нечасто здесь оказывали услугу просто так, поэтому Старр воспользовалась краской и обнаружила: чем ярче ты снаружи, тем, как ни парадоксально, легче спрятаться внутри.

За последующие восемь месяцев она поняла, что оттягивать на себя внимание могут не только волосы, но и любой акцент: странная фамилия или татуировка на затылке, ярко-синяя подводка для глаз, пара ковбойских сапог или диковинная биография, придуманная прямо на ходу, когда клиенты спрашивали, откуда она, и Старр врала про ферму, на которой выросла, или про знаменитую балерину, у которой училась. Когда выглядишь как кукла — широкоскулая, с гладкой белой кожей и большими пустыми глазами, — люди готовы поверить всему, кроме правды. Говорила ли она, что была порнозвездой или участвовала в боях без правил, ей верили куда охотнее, чем когда она врала, что заботится о вымышленной младшей сестре или копит на курсы в местном колледже. Она начала зарабатывать реальные деньги, оплачивая четыре танца на сцене за вечер и развлекая десятки клиентов, приходящих только ради нее. Кроме того, они угощали напитками и других девушек, которых Старр подводи́ла к ним, и благодаря этому коллеги становились более дружелюбными.

После одной особенно удачной смены Старр и несколько других танцовщиц сделали одинаковые татуировки с эмблемой шипастой розы, как

на вывеске клуба. Она не знала, куда еще потратить деньги, ей ничего не хотелось.

Но закон жизни, усвоенный ею, заключался в том, что надо уходить вовремя, пока сияние не погасло.

Старр часто видела группу женщин, которые посещали «Черную розу» во время ее смены.

Лина — сокращенно от Каролины, пятидесяти-пятилетняя сальвадорка с короткой седой гривой, толстой шеей и приятно округлым телом, — обычно приходила со своей подружкой Хайди, которая немного походила на Старр без макияжа. Однажды Лина заявила без Хайди, и Старр, которая уже собиралась уходить, получила предложение. После той смены она ушла вместе с Линой.

Лина жила в огромном доме Викторианской эпохи, стоящем на высоких сваях, как на ходулях. Бетонная стена ограды с бородой мха в некоторых местах настолько растрескалась, что грозила вот-вот обрушиться на улицу. От тротуара к парадной двери вела каменная лестница, сквозь трещины которой проросли стебельки крошечных фиалок. Старр взобралась по лестнице первой, мимо ко-рявых японских кленов с похожими на пауков листьями, мимо кустов, чьи ярко-розовые цветы напоминали кровоточащие сердца, застывшие в момент разрыва. Грубые ступени показались ей бесконечными, поскольку Старр еле держалась на ногах после долгой смены, но, добравшись до верха лестницы, она поняла, что дело того стоит. Овальное витражное стекло входной двери как раз отражало первые лучи солнца.

Лина открыла дверь ипустила гостью. Пол дома был выложен прохладным шелковистым паркетом и покрыт большим мягким ковром из светло-желтого меха.

— Альпака, — пояснила Лина, наблюдая за лицом Старр, пока та шевелила пальцами уставших ног. — С родины. Там такие ковры очень дешевы. Я купила его всего за триста баксов.

Старр не показалось, что это дешево, но она сказала:

— Отлично.

На стене гостиной со сводчатым потолком висела большая абстрактная картина, изображавшая нечто похожее на фрукт, упавший с большой высоты.

— Это ты нарисовала? — спросила Старр.

— Вообще-то да, — ответила Лина.

Старр вскользь оглядела комнату.

— Нравится?

— Я будто пьяная, — призналась гостья. — Можно мне прилечь?

— Конечно, — кивнула хозяйка и повела ее из сводчатой гостиной в боковую спальню, отделанную натуральным деревом, где стояла высокая кровать, покрытая переливающимся красновато-оранжевым покрывалом, расшитым бисером.

Деревянные ставни были закрыты, так что стоял полумрак. Не раздумывая, Старр скинула туфли и забралась на кровать. Матрас приятно спружинил под ее телом. Она перевернулась на спину и растянулась поверх покрывала, глядя на неподвижный потолочный вентилятор из темного дерева.

Интересно, о чем думала Хайди, когда смотрела на этот вентилятор? Где она работала до встречи с Линой? И неужели Хайди была влюблена в Лину?

— Может, скажешь свое настоящее имя? Вряд ли тебя зовут Старр.

Она чувствовала, как крошечные бусинки, нашитые на покрывало, впиваются в спину — ну прямо принцесса на горошине.

— Виолетта, — ответила она, вспомнив лиловые фиалки на ступенях крутой лестницы.

Не самое убедительное имя из выдуманных ею, но ей хотелось чего-то столь же благозвучного, как Хайди, которая наверняка тоже придумала себе имя, прежде чем ее аккуратно, как зуб, извлекли из постели Лины, чтобы Старр смогла занять нагретое место. Может, проще было бы назваться Хайди? Она представила, как говорит: «Хайди», а Лина удивляется: «Какое совпадение!»

Но кровать оказалась самой мягкой из тех, на которых Старр случалось спать за последние месяцы, и она случайно произнесла последнюю фразу вслух. Как раз в тот момент, когда Лина спросила: «Что за совпадение?», Старр оторвала взгляд от потолочного вентилятора и провалилась в сон.

8

Дверца машины захлопывается, и атмосфера фальшивого оживления, привнесенного Джейн, сменяется тревогой, связанной с секретами Джули.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — спрашиваю я.

— Хорошо. — Она кладет руку на живот. — Хотя сейчас, пожалуй, не самый удачный период моей жизни.

Я киваю, вспоминая свой выкидыш.

— Ты рассказала об этом Джейн?

Она качает головой:

— Нет. Нам было так хорошо. Не хотела портить ей настроение.

— Знаешь, ты могла бы позвонить мне, чтобы я подвезла тебя. Если захочешь выбраться из дома... — Она молчит. — Можем пообедать вместе или еще что-нибудь. Походить по магазинам.

— Опять по магазинам? — спрашивает она с коротким смешком. Затем, как бы спохватившись, изображает благодарность: — Ой, спасибо, но мне просто хотелось пообщаться с сестрой.

...Которой уже нет. Она не говорит этого, и не произнесенная фраза повисает, как призрак.

— Я рада, что вам, девочки, удалось побыть вдвоем. И мне очень жаль, что я так себя повела. Но лучше бы мы знали, где вы.

Я тщательно подбираю слова, давая Джули время подумать над ответом, как будто она олень, который прячется от меня за деревом, а не девушка, похищенная насильником и вернувшаяся домой.

— Прости, что так получилось, — говорит она. — Наверное, я начала чувствовать себя слегка... в ловушке.

Я даже не могу представить, что это слово значит для нее. У нее оно звучит совсем по-другому, чем у Тома, который произнес такую же фразу вчера вечером. Я тоже чувствую себя в ловушке, задыхаюсь от горя, словно заперта в темной комнате. Я не хочу принимать доказательство ее лжи, эту скомканную бумагу в кармане джинсов, и так боюсь предъявить улику Джули, что говорю:

— Думаю, пора купить тебе сотовый. — Смотрит и даже не моргнет. После паузы я продолжаю: — Это нужно для нас с Томом, чтобы мы всегда могли связаться с тобой. И чтобы ты могла связаться с нами, если понадобится.

Может, лучше было подождать еще немного? Вдруг она как раз собиралась сказать мне правду? «У меня уже есть один, он у меня в сумке, а вот правдоподобное объяснение того, как он у меня появился, а также вот очень веские причины не упоминать о нем...»

Вместо этого Джули говорит:

— Спасибо, мама.

И я чувствую странное облегчение оттого, что не приходится выслушивать правдоподобные объяснения и очень веские причины.

— Меня кое-что беспокоит, — продолжает Джули, — и я хотела бы обсудить это.

— Конечно. — Может, она все-таки расскажет, вот прямо сейчас.

— Я немного беспокоюсь из-за... денег.

Это так неожиданно, так непохоже на то, что сказала бы та же Джейн, что я просто тупо повторяю:

— Из-за денег?

— Ну, рано или поздно мне придется найти работу.

— Ох, дорогая, не нужно даже думать об этом...

— Как это не нужно! Нужно! — настаивает она. — Мы еще не говорили о том, каково вам пришлось после случившегося, но я понимаю, что вы потратили много... В смысле, поиски ведь обходятся недешево. Я... видела билборды.

— Видела?

— Я нашла кое-что о своем деле в Интернете, — поясняет она.

Каким образом? Залезла в компьютер Тома? Или воспользовалась своим секретным телефоном?

— Просто... я знаю, что папа ушел с работы. А Джейн еще учится.

— У папы все в порядке, и у меня тоже. У нас все хорошо, Джули.

— А теперь еще и я свалилась вам на голову.

— Это самое лучшее и самое чудесное событие, которое могло с нами произойти!

— Я знаю, знаю. Но... — Она беспомощно всплескивает руками. — Мне надо решить, как жить дальше. — И затем, уже немного другим тоном: — Я собираюсь устроиться на работу.

Я застигнута врасплох:

— На какую работу?

— Да какую угодно, — уклончиво отвечает она. — Бариста, кассир... Вчера я даже зашла в бар по соседству... забыла название. Спрашивала, не нужна ли им посудомойка.

Я не сразу соображаю, о каком баре она говорит. Та убогая, унылая забегаловка со стриптизом? «У Билли», «У Бобби» или что-то в этом роде. Она ходила туда? Джули наблюдает за моим лицом, внимательно следя, как меняется его выражение, поэтому я стараюсь сделать вид, будто просто жду, когда она закончит, без всякого осуждения.

— А еще я заглянула в «Старбакс», — быстро продолжает она, — но в итоге никуда не устроилась. Я слишком устала, мне стало нехорошо, наверное, от болеутоляющих. Тогда-то я и позвонила Джейн.

— По одолженному телефону, — добавляю я. Не надо бы, но ничего не могу с собой поделать.

— Ага. Не знаю, почему я не позвонила папе, но я знала, что внедорожник у Джейн и что ему придется идти пешком по жаре, чтобы забрать меня. Я не хотела доставлять слишком много хлопот. И вроде как... не слишком ясно соображала.

Все, что она говорит, — ложь.

— А еще я хотела тебе сказать... мне очень стыдно, но я хочу, чтобы ты знала. — Она делает глубокий вдох, готовясь к великому откровению. — Последние несколько недель я не ходила на терапию.

Я беру себя в руки. Значит, она все-таки собирается признаться. И все рассказать. Наверняка найдется простое объяснение.

— Я просто каталась по городу, — продолжает она, и я принимаю это за очередную ложь, но сразу же начинаю сомневаться. — Мне невыносимо думать, сколько денег вы тратите на психотерапевта, поэтому я каждый раз отменяю сеанс, а потом езжу вокруг и размышляю, как жить дальше. Если я найду работу, например, официанткой или кем-нибудь в этом роде, я сумею по вечерам готовиться к экзаменам, а потом... может быть, когда-нибудь тоже поступлю в колледж. Как Джейн.

Последнюю фразу она произносит с такой несуразной и наивной надеждой, что я опять начинаю верить ей. Уловка срабатывает: мысль обо всех тех возможностях, которые есть у Джейн и которые упустила и уже никогда не наверстает Джули, парализует меня. Голова трещит от попыток отделить правду от выдумки.

— Хорошо... хорошо, что ты думаешь о своем будущем, — выдавливаю я. — Я имею в виду, что мне нравится идея с работой и учебой, если это то, чего ты хочешь. Но сейчас тебе нужно посещать психотерапевта. Пусть будет другой врач, если

нынешняя тебе не нравится. О деньгах не думай. Мы справимся.

— Ты и так уже столько на меня потратила, — настаивает она. — Вся эта одежда, новая мебель, а теперь еще и телефон. И если я когда-нибудь сумею подтянуть учебу, чтобы поступить в колледж... Не знаю, сколько стоит обучение, но вряд ли существуют специальные стипендии для похищенных девочек.

Слово «стипендии» заставляет меня кое о чем задуматься.

— Фонд Джули, — говорю я.

— Что это?

— Общественный фонд пожертвований на твое имя. Благодаря ему у нас были деньги на билбордин, на возможный выкуп и... на все остальное. — У нас? Том, бухгалтер по профессии, сам основал этот фонд, он и платил. Он улаживал все вопросы, пока я занималась бог знает чем. Я едва помню те дни, недели, месяцы. — Там была сумма, отложенная для выкупа. В случае, если его не потребуют, мы собирались создать на эти деньги стипендию твоего имени, если...

— А можно воспользоваться этой суммой сейчас? — спрашивает она. — Я же вернулась.

— Там другие правила, — возражаю я, пытаюсь выудить детали смутных воспоминаний. — Общественные пожертвования можно использовать только для определенных целей, и за них отвечает человек со стороны, не член семьи. Мы с Томом даже не можем снять деньги, не связавшись с администратором фонда.

Как только я понимаю, что не знаю ответа на следующий вопрос, который она собирается задать, Джули спрашивает:

— И кто администратор фонда?

— Боюсь, придется спросить у папы, — неуверенно отвечаю я. — Но ты единственный получатель. — Я поднимаю глаза, встречаюсь с ее взглядом и почти вижу, как у нее на губах формируется следующий вопрос, поэтому, прежде чем она успевает задать его, говорю: — Где-то около пятидесяти тысяч долларов.

Джули даже не пытается скрыть, насколько поражена суммой; видимо, это гораздо больше, чем она ожидала.

— Ого! — восклицает она. А потом в ее голубых глазах появляются слезы, подбородок начинает дрожать. — Вы, наверное, действительно очень хотели меня найти.

Только когда она поднимается, чтобы принять ванну, и я слышу ее сдавленный плач, я удивляюсь, что она видела в Интернете билборды, но не наткнулась при этом на упоминания о фонде Джули.

Новенькая

размышляла, какое имя ей выбрать. Она наблюдала, как Мерседес одной рукой туго натягивает простыню, другой — приподнимает угол матраса, заправляет под него белую ткань и разглаживает складки. Прежде чем новенькая успела проследить, как это делается, Мерседес уже закончила и перешла к другой кровати. Опытной наставнице потребовалось всего пятнадцать секунд, чтобы снять грязную простыню и застелить свежую.

— Как будто надеваете на матрас подгузник, — пошутила новенькая.

Мерседес в это время ползала на коленях, заправляя нижний край простыни, и, обернувшись, посмотрела в необычные голубые глаза девушки:

— Ручаюсь, ты раньше ни разу не надевала подгузники, а?

Новенькая почувствовала, что краснеет.

Позже, когда они вместе грузили в кладовку рулоны туалетной бумаги, Мерседес спросила:

— Или у тебя все-таки есть ребенок? — Поскольку новенькая замялась, она добавила: — Извини, не стоило мне лезть.

Новенькая пожала плечами и провела ладонью по крышкам бутылок, прикрепленных к тележке, ища пустые.

— А у вас есть дети? — спросила она.

— Двое, и пока что мне хватит, — ответила Мерседес, со смехом перекрестившись. — Я с этими-то едва справляюсь.

— Я бы даже с одним не справилась.

— Ты еще слишком молода, — возразила Мерседес. — Подожди, пока не дорастешь до моих лет.

— А сколько вам?

— Двадцать четыре.

Новенькая подумала, какая же Мерседес взрослая, и позавидовала. Ей самой пришлось несладко, когда в Юджине не хватило денег на автобус, а в первом же стриптиз-клубе, куда она попыталась устроиться, ей сообщили, что берут только совершеннолетних. Ее фальшивые документы выглядели достаточно правдоподобно, чтобы помахать ими перед носом у бармена, но она знала, что они не выдержат тщательного изучения в конторе клуба, торгующего алкоголем. Тем не менее во втором клубе она решилась предъявить документ на имя Джессики Моргенштерн, двадцатидвухлетней блондинки из Техаса.

Парень едва взглянул в полутьме бара на документ и швырнул его обратно.

— Попробуй обратиться в мотель около парковки, — посоветовал он. — Там нанимают нелегалов.

Она схватила фальшивое удостоверение и направилась в мотель под вывеской «Бюджетный отдых в апартаментах». Горничным ведь дают чаевые, не так ли? Она не была уверена, что хочет работать здесь, но персонал мотеля как раз в то утро находился под впечатлением из-за какого-то футбольного матча. В итоге не успела она сообразить, стоит ли вообще сюда соваться, не говоря уже о том, чтобы предъявить фальшивку, как дежурный, удерживая плечом телефонную трубку, сунул ей униформу и указал на тележку Мерседес в конце коридора.

— Просто делай то, что она тебе говорит, *comprendes?*⁷ — спросил он, прикрыв рукой трубку и едва взглянув на новенькую.

В задней части мотеля, в большой кладовой, полной сломанной мебели, собранной из люксовых номеров, ютились рабочие, не имеющие регистрации и родни в городе. Молодая женщина, с которой она делила пружинный матрас, без конца бормотала во сне, но, по крайней мере, у новенькой была кровать. Поначалу работа тоже показалась неплохой, и она поздравила себя с тем, что у нее крепкие ноги и спина благодаря навыкам верховой езды, полученным в Ред-Блафф.

Гораздо больше ее беспокоили толпы сопровождаемых родителями подростков в зелено-желтых футболках с эмблемой в виде утки⁸. Они вели себя

---

⁷ Понятно? (исп.)

⁸ Униформа футбольной команды Орегонского университета, который находится в Юджине.

шумно и высокомерно и вечно злились, когда приходилось переходить на другую сторону холла, уступая дорогу ее скрипучей хозяйственной тележке. Новенькая с завистью смотрела на хорошеньких блондинок с высокими хвостами на затылках. Входя в их номера, она с трепетом прикасалась к изящным браслетам, небрежно оставленным на комод, дорогим на вид флаконам кондиционера в душе, фирменным рюкзачкам, брошенным на пол сандалиям и розовым пижамам.

На третий день у новенькой начались жгучие боли в плечах, пояснице, шее и предплечьях. Она едва могла заставить себя подняться с кровати, а от пылесоса, ревущего, как ракета, в голове начались стреляющие боли. В то утро, пока Мерседес мыла ванную, новенькая улучила момент, чтобы размять усталые плечи, пока пылесос работал на холостом ходу. Она заметила на комод длинную желто-зеленую ленту, взяла ее и завязала вокруг собственного хвостика, морщась от боли в мышцах, затем посмотрела на себя в зеркало и поджала губы в кокетливой улыбочке, напоминающей розовый бутон. Услышав, как смывается вода в туалете, она сдернула ленту. Мерседес вышла из ванной с использованным рулоном туалетной бумаги в руках:

— Пора пополнить запасы.

Когда они закончили в кладовке, наставница заявила:

— Я знаю, на чем ты спишь, девочка. Так ты угробишь спину. Пойдем сегодня ко мне домой.

У нас есть свободная кровать, поскольку мой двоюродный брат переехал.

Новенькая кивнула, и Мерседес, улыбнувшись, выкатила тележку, чтобы постучать в следующую дверь.

Наставница жила на втором этаже многоквартирного дома из красного кирпича, который находился примерно в часе езды на автобусе, включая пятнадцать минут ожидания на остановке под туманом мелкой мороси. Новенькой было обидно платить за проезд из своих скудных чаевых, но когда они с Мерседес уже в сумерках поднимались по лестнице, по долетевшему из дома запаху она поняла, что их ждет ужин. Мерседес открыла дверь, и обеих встретили звуки телерекламы и журчание крана; повеяло теплом и домашним уютом. Старший из двух мальчуганов, лежавших перед телевизором, оглянулся через плечо и крикнул: «Привет, мама!», а затем вновь устался на экран — как раз начинался мультфильм.

Пока новенькая замешкалась в прихожей, Мерседес уже прошла на кухню, и до девушки донесся разговор хозяйки с какой-то женщиной, которая, по-видимому, пересказывала по-испански события дня. Мерседес прервала ее, тоже по-испански, и жестом указала на новенькую, которая закрыла за собой дверь и почувствовала себя дома в этой шумной и душной квартире. Женщина стояла у раковины, она выглядела лет на десять старше Мерседес, но точный возраст сложно было определить из-за густого макияжа.

— Это моя сестра Лючия. Садись! — командовала Мерседес, указывая на стол, а затем снова заговорила по-испански, обращаясь к сестре и указывая на единственную тарелку, стоявшую на кухонном столе. Женщина неприветливо взглянула на новенькую и, пожав плечами, молча достала из кухонного шкафа еще одну тарелку и приборы, после чего, по-прежнему молча, поставила посуду на стойку, отделявшую кухню от столовой. Затем, подхватив со стола журнал, Лючия вышла из кухни, прошествовала мимо детей, не отрывающихся от телевизора, и скрылась в дальней комнате.

— Она сердится? — прошептала новенькая, когда Мерседес обошла стойку и начала накладывать на тарелку курицу с рисом из кастрюли, стоящей на плите.

— Да нет, все нормально. Она присматривает за детьми, пока я на работе, а потом ложится спать, чтобы пораньше встать и открыть свой отдел в универмаге.

К тому времени, как Мерседес закончила раскладывать еду по тарелкам и отнесла их на стол, в глубине квартиры включился еще один телевизор. Через тонкие стены отчетливо слышались испанские голоса, которые сливались с репликами англоязычных мультфильмов.

— Налетай!

Новенькая повиновалась. Еда ей очень понравилась, о чем она и сказала.

— Давненько не пробовала домашней пищи, да? Лючия у нас хорошо готовит. Не разрешает

мне приносить обеды из «Макдоналдса»: говорит, что мальчики должны есть только свежее. — Она взмахнула вилкой с кусочком курицы. — Мне некогда готовить из-за длинного рабочего дня в мотеле, но сестра попытается пристроить меня к себе в магазин, когда закрепится там.

Гостья почувствовала, как приятное тепло от сытости разливается по телу. Куриная ножка получилась такой нежной, что мясо отваливалось от кости при легчайшем прикосновении вилки. Она представила, как здорово иметь напарницу, с которой можно поболтать на остановке в ожидании автобуса. Представила, как они с Мерседес, обе в униформе, сидят рядом в транспорте, едут на работу и смеются над... чем?

— Теперь моя очередь!

— Нет, моя!

Шли титры мультсериала, и мальчики боролись за пульт. Когда они уж слишком расшумелись, Мерседес резко повернула голову, и улыбка сползла с ее лица, как маска.

— Мальчики! — прикрикнула она. — Пора в постель. Через пять минут я приду вас укладывать, так что начинайте чистить зубы. — Она смущенно взглянула на новенькую. — Пойду проверю, есть ли чистые простыни, и уложу мальчиков спать. Возьми себе добавки или посмотри телевизор. — Мерседес неопределенно махнула рукой, встала и прошла через комнату, наклоняясь по пути, чтобы подобрать игрушки с пола. А затем скрылась где-то в глубине квартиры.

До новенькой донеслось хлопанье дверей шкафа, мальчики из-за чего-то спорили — «отдай!» — и тут она заметила расстегнутую сумочку хозяйки, лежащую на кухонном столе. В мыслях одна часть ее личности все еще ехала на работу в автобусе, а другая, более практичная, уже вычитала ежедневную стоимость проезда из чаевых и прикидывала, хватит ли на каштановую краску для волос. Она не собиралась красть деньги; от возможности зарабатывать по-настоящему ее отделял лишь маленький пластиковый прямоугольник в расстегнутой сумочке, на котором было написано: «Мерседес Родригес, Калифорния, каштановые волосы, голубые глаза, 24 года». Если Вселенная раздает милости, их надо принимать.

9

Том не вернулся домой после завтрака с Джейн, и к обеду его тоже нет.

Мне впервые приходит в голову, что после возвращения дочери муж ни разу не упомянул о фонде Джули. Разумеется, он думал о том, что мы можем или должны сделать с деньгами: продолжать сбор на стипендию имени Джули или, как намекнула дочь, использовать средства фонда в качестве стипендии для нее самой. Ведь теперь, когда Джули двадцать один, деньги принадлежат ей, а там уж пусть сама решает: она единственный получатель. А как насчет попечителей, администратора? Том так долго в одиночку вел дела со всеми, даже с нашим адвокатом, что я совершенно не знаю, с чего начать. Его письменный стол находится в комнате, где спит Джули. После того как она, распаренная и довольная, вышла из ванной, я дала ей валиум, она безропотно проглотила его, скинула халат, скользнула под одеяло и сразу же заснула.

Я тихонько иду по коридору к комнате Джули, на мгновение приостанавливаюсь, прислушиваюсь к ее тихому дыханию и осторожно открываю дверь. Дочь лежит в прежней позе, даже

не перевернулась; все так же укрыта одеялом, которое я ей подоткнула; рыжие волосы торчат в разные стороны, как бывает с короткими прядями, когда ложишься спать с мокрой головой. Я замечаю бледное розоватое пятно от краски, просочившейся с волос на подушку.

Я сажусь за стол Тома, офисное кресло реагирует громким скрипом. Я резко оборачиваюсь: кажется, Джули пошевелилась. Но нет, она лежит все так же неподвижно, лицом к стене.

На столе Тома — педантичный порядок, письменные принадлежности аккуратно расставлены в секционном органайзере, блокноты и бумага рассортированы по сетчатым лоткам. Крошечный кактус сохнет на подоконнике, пытаясь уловить лучи света через плотно закрытые жалюзи. В одном углу стола — студийный портрет нашей семьи, где мы еще вчетвером, а перед ним — снимок Джули. Не тот, который мы предоставили полиции и прессе, неоднократно показанный во всех новостях. Нет, это фото Джули с Большого каньона, где мы в последний раз отдыхали всей семьей, — постановочный кадр. От той поездки сохранилось бесчисленное множество снимков нашей младшей дочери: вот она подпрыгнула, и камера запечатлела ее в полете, как бы оседлавшую пустоту; вот она стоит на двух огромных валунах — ноги широко расставлены, руки на бедрах, задрала подбородок и подбоченилась. А Джули, которая тогда только что миновала скачок роста и еще не привыкла к длинным рукам и ногам, чувствовала

себя неуверенно, поскальзывалась и спотыкалась, когда мы карабкались по скалам, и старалась держаться подальше от края пропасти. Вот и на этой фотографии она неуклюже, в неестественной позе сидит на камне: одна нога вытянута, другая — поджата, локоть на колене, рука подпирает подбородок.

Я шевелю мышью и с облегчением вижу, что монитор оживает без запроса пароля. Фотография на рабочем столе — пейзаж, какой-то тропический остров на закате, на его фоне с кропотливой аккуратностью размещены папки. Я делаю поиск по файлам, вводя ключевые слова одно за другим — «Джули», «фонд», «попечители», «пожертвование», «вознаграждение», — рассчитывая, что где-то есть электронная таблица, в которой зафиксированы все приходы и расходы, связанные с поиском. Или, по крайней мере, файл с контактной информацией попечителей. Ничего не выходит, и я задаюсь вопросом: не занималась ли Джули в последнее время такими же поисками? Если так, то ей повезло не больше моего. Я открываю веб-браузер и проверяю историю: пусто. А учитывая недавнее признание дочери, что она искала свое дело в Интернете, напрашивается неприятная догадка: не сама ли она почистила историю браузера?

Отбросив эту мысль, я начинаю выдвигать ящики стола, но натыкаюсь только на мусор: засохшие маркеры, резинки, скрепки. В боковом ящике лежат стопки пустых налоговых бланков, от одного взгляда на которые у меня кружится голова.

Я задвигаю этот ящик как можно тише и дергаю за ручку другого. Заперт.

Вот черт.

Зачем нужен пароль на компьютере, если вся информация хранится под замком в бумажном виде? Наверняка там лежат банковские файлы его клиентов — строго конфиденциальные. Каким-то шестым чувством я ощущаю уверенность, что документы фонда Джули тоже находятся именно в этом ящике. Мне кажется, я видела у Тома на цепочке ключ от него, но, вероятно, где-то есть запасной. Я выдвигаю другие ящики, чтобы убедиться, что среди ластиков и скрепок нет миниатюрного ключа, но ничего не нахожу. Нетерпеливо поднимаю перегородки разделителей и заглядываю под формованный пластик, где много пыли, но ключа тоже нет. Как можно что-то найти, если в столе почти пусто?

Шорох позади заставляет меня резко обернуться и тут же вздрогнуть от громкого скрипа кресла. Джули перевернулась на другой бок, лицом ко мне, но глаза у нее по-прежнему закрыты, и после бесвязного шепота и вздоха она снова затихает. Или только притворяется? Может, она исподтишка наблюдала за мной? И закрыла глаза, когда я обернулась? Я замираю, руки и ноги немеют в ожидании следующего движения дочери. И сразу же до меня доходит, что теперь конспирация не имеет смысла. Если Джули меня засекала, я вполне могу взять то, за чем пришла. А если не засекала, то тем более. Я еще раз напрягаюсь, чтобы сообразить, где может быть тайник с ключом.

Я никогда не считала себя великим шпионом. Если вы думаете, что после исчезновения Джули я стала следить за Джейн как ястреб, пролистывать контакты у нее в телефоне, читать историю эсэмэсок и ее дневник, то нет, это не так. Хотя и дневник Джули, который вдоль и поперек изучила полиция, не содержал ничего более интересного, чем расписание тренировок по бегу и запись домашних заданий, а еще был разрисован сердечками. Я всегда считала, что, сопротивляясь желанию следить за Джейн, уважаю ее частную жизнь. Теперь я понимаю, что такого желания у меня никогда и не было; я просто ничего не хотела знать про нее. Бунтарство Джейн меня не беспокоило. Здоровое проявление пропорционально развивающейся личности — постоянно перекрашиваемые волосы, пирсинг. Все напояз, даже шпионить не надо. Я считала разумным позвонить дочери иметь собственный мир, хлопать дверью и слушать любимую музыку, и тогда она однажды все поймет и поблагодарит меня за то, что я не нарушала ее личное пространство. Теперь, когда Джейн покинула дом, город и штат, я понимаю: она отчаянно хотела, чтобы я вмешалась. Я вспоминаю стопку блокнотов, которые она выносила сегодня утром. Это же ее дневники! Она нарочно оставила дома старые дневники, когда уехала в университет. Оставила их для меня, чтобы я нашла. И вот теперь, когда я знаю, насколько Джейн нуждалась в матери, уже слишком поздно.

Тут я вдруг понимаю, где находится ключ, догадываюсь, где Том прячет его не только от целого

мира, но и конкретно от меня. Он положил его в самое последнее место, куда мне захотелось бы заглянуть.

Я тянусь к снимку Джули, поворачиваю рамку и с обратной стороны нахожу ключ, засунутый под один из металлических зажимов, которые держат фотографию. Я вытаскиваю его — и открываю ящик, в глубине которого, за стопкой финансовых бумаг, обнаруживаю немаркированную папку. Вытаскиваю ее. Передвигаю оставшиеся папки так, чтобы замаскировать пропажу одной из них, запираю ящик, кладу ключ на место и выхожу вместе со своей находкой, быстро и бесшумно, закрыв за собой дверь в комнату, наполненную теплым, сонным дыханием Джули.

Что я надеюсь найти в этой пыльной папке? Газетные вырезки, нашу переписку с родительским комитетом, СМИ и правоохранительными органами? Вместо этого я вижу несколько скрепленных вместе бланков, сложенных, потому что они больше размера письма: это банковские документы для создания фонда. Я просматриваю их, но текст написан профессиональным языком, который мало мне понятен. Есть и другие бумаги, развернув которые я обнаруживаю нотариально заверенную подпись администратора фонда: Альма Жозефина Руис. Понятия не имею, кто это, знаю только, что она держит в руках финансовые нити фонда. Цифры меня впечатляют: двести сорок тысяч долларов пожертвований, собранных в 2008 году. Кто знает, что теперь осталось от этой суммы? Но, возможно, денег хватит, чтобы оплатить заявку

в университет или даже несколько лет учебы, если Джули удастся поступить?

Я не помню Альму. Но я почти ничего не помню из того периода. Я много пила, спала целыми днями, принимала снотворное, чтобы спать и по ночам, после того как проспала весь день. А главное, я не желала знать никаких подробностей. Мне хотелось одного: чтобы меня оставили в покое.

Теперь, впервые столкнувшись с тем, от чего я отстранилась, выраженным в долларовом эквиваленте, я понимаю, что заслужила нынешнее одиночество.

Смотрю на часы и гадаю, когда Том вернется домой. Раньше он ходил по воскресеньям в группу поддержки родителей пропавших детей. Но неужели он до сих пор ее посещает, раз Джули нашлась? Да и пустят ли его туда? Каково тому, чьи молитвы услышаны, сидеть среди людей, дети которых пропали без вести и не нашлись?

И тут я вспоминаю.

«Обратитесь к Альме, если вы видели этого ребенка» — вот что было написано на билбордах. В тот вечер я пошла с Томом в группу поддержки в первый и последний раз. Другие родители набросились на нас, на меня, из-за этих рекламных щитов.

— Твоя девочка повсюду! — выкрикнула женщина, которую, кажется, звали Конни. — Каждый раз, выбежав в магазин на углу, я натываюсь на плакаты с ее фотографией. А когда в последний раз видели мою дочку Шонну? Вы хоть помните,

как она выглядит? — Она обернулась к собравшимся, словно ища у них поддержки. — Вот именно. Все знают, что она черная, только и всего. Четырнадцатилетняя чернокожая девочка; наверняка она просто сбежала, да? Всем насрать. Кто обратится к Альме из-за моей дочки? Ведь никто не знает, как она выглядит.

Помню, как Альма потупила глаза с длинными темными ресницами; помню, что волосы у нее были туго заплетены во французскую косу.

Руководитель группы предложил не выплескивать свои чувства на других, а Конни процедила сквозь зубы:

— Просто накипело.

Однако люди, сидевшие в кругу, продолжали возмущаться. Тут собрались родители детей, которых похитили более стандартным способом: забрал из школы и переправил через границу штата отец, как случилось с дочерью Альмы, или уговорил прокатиться в грузовике взрослый приятель-дальнобойщик. Лица таких потеряшек — бедняков, темнокожих, трудных подростков — мелькали в вечерних новостях всего несколько недель, в лучшем случае — несколько месяцев после исчезновения.

Но наивное личико Джули с широко раскрытыми глазами, казалось, было создано для телевидения, с экранов которого оно не сходило не то что месяцы — годы. Телевизионщиков привлекала ее внешность: дочка выглядела как юная героиня криминального комикса, такая розовощекая золотоволосая дочь Америки, выслеженная маньяком

и украденная под угрозой ножа из родительского дома. Круглое личико с приоткрытой верхней губой, придававшей ей детский вид, какой тщетно пытаются изобразить взрослые женщины, надеясь выглядеть моложе и наивнее; светлые голубые глаза, белокурые волосы, ниспадающие поникшим флагом. Я смотрела на ее ресницы, темные возле век и бесцветные ближе к кончикам, и думала: «Когда дочка начнет краситься, мы пропали». Негативной реакции не пришлось долго ждать. Все члены группы уставились на нас с завистью, даже с ненавистью. Словно самый страшный кошмар нашей жизни специально срежиссирован, чтобы оттянуть внимание от их пропавших детей. Словно нам повезло, что Джули украл настоящий маньяк.

Я говорю «мы», но матерью была я. Все смотрели на меня, и я почувствовала, что каменею.

— Я рад, что вы не держите гнев в себе, — вещал руководитель группы. — Мы разделяем ваши чувства.

Мне хотелось крикнуть: «Она так же мертва, как и ваши дети!» Но я просто ушла, предоставив Тому произносить примирительные речи. И никогда не спрашивала, как он тогда, поздно ночью, добрался домой.

А сейчас вдруг догадалась, кто его подвез.

Карен

отмечала семнадцатый день рождения вместе с Мелиндой и Бобом Макгинти.

— Поздравляем! — сказала Мелинда, протягивая ей картонную коробочку.

Шапка ее седых волос была гладко и аккуратно причесана, как всегда, но в ушах покачивались нарядные серьги, а напряженная улыбка обнажила крупные зубы. Даже у Боба был довольный вид.

Карен открыла коробочку, в которой лежал подарок: цепочка с подвеской в виде лошади.

Карен считала, что выжила в школе калифорнийского городка Ред-Блафф только благодаря лошадям. Иначе тяжело пришлось бы ей среди одержимых бейсболом хулиганов, которые предпочитали девочек с кислыми, как вчерашнее молоко, лицами. Однако Карен ездила верхом и оттого пользовалась у ребят уважением, не зависящим от ее внешнего вида. Что было весьма кстати: юбки и свитеры, которые ей покупали Макгинти или отдавала их племянница, окончившая колледж лет пятнадцать назад, не имели ничего общего с модой. Мелинда и Боб всегда мечтали о дочери, а их единственный сын уехал из дома, как

только ему исполнилось восемнадцать. Чем бы он ни занимался в Нью-Йорке или где-то еще, с родителями он этим делиться не желал. Раз в год они получали от него открытки. Об этом рассказала ей Мелинда, добавив ледяным тоном: «Благодаря этому мы знаем, что он все еще жив», и Карен догадалась, что родители после его ухода пролили море слез.

Но к тому времени она уже была знакома со множеством подобных историй и ничему не удивлялась. Приемные родители менялись у нее так часто, что она почти всегда точно знала, кого им заменяет: дочь, которая так и не появилась на свет, несмотря на все молитвы; умершего ребенка; пропавшего ребенка; старшего брата или сестру, уехавших на мотоцикле сорок лет назад и не вернувшихся. Она научилась не доверять большим семьям, где родные дети выступали против нее единым фронтом, перед родителями делая вид, будто приняли ее, а у них за спиной устраивая ей травлю. («Не трудись запоминать наши имена, ты здесь надолго не удержишься».) А их родители, напротив, вели себя так, словно у них переизбыток любви, которой они жаждут одарить Карен, хотя дело, разумеется, было только в деньгах за опеку. Она их не осуждала, но и благодарить не собиралась.

Какую бы роль Карен ни играла для своих приемных родителей, она не особенно старалась играть ее хорошо. Она знала, что просто убивает время, пока не станет взрослой. Воспитание в семье сопряжено с риском, но обычно

там безопаснее, чем на улице. А когда в семье становилось небезопасно — когда «отец» заглядывал к ней в комнату, пока Карен переодевалась, и не спешил закрыть дверь; когда «брат» слишком тесно прижимался к ней во время семейного барбекю, — она научилась точно определять момент, после которого ценность ее тела перевешивала кормежку и кров. В такие моменты она убегала, прихватив с собой сувенир на память.

Ничего ценного она не брала: не хватало еще угодить в тюрьму. Карен предпочитала вещи, имеющие не материальную, а эмоциональную ценность для семьи. Такой вещицы не сразу хватятся, но будут проливать слезы, когда обнаружат пропажу. После двух лет в приемных семьях у нее набралась небольшая коллекция незамысловатых трофеев: фигурка из серии «Драгоценные моменты» с головой-луковицей и слезливыми глазками; плюшевый мишка с оторванным ухом; сувенир с Ниагарского водопада, который Карен нашла в ящике прикроватной тумбочки приемной матери; пожелтевшая от времени картинка, в уголке которой почерком детсадовской воспитательницы была выведена надпись: «Дикон, 4 года». Карен сначала колебалась, брать или не брать рисунок, все-таки память о больном ребенке, но потом вспомнила, что сделал с ней старший брат этого малыша и какой оплеухой наградила ее приемная мать, когда она на него пожаловалась. Рисунок болтался в рюкзаке, сложенный вчетверо, и краски на нем со временем размазались.

Но Макгинти были совсем другими. Они предоставили ей много свободы, потому что и сами любили свободу. Оба были на пенсии, но Мелинда подрабатывала в библиотеке и по утрам с радостью шла на работу, словно непрерывное взбивание подушек и протираание стола не давали достаточного выхода ее энергии. Поначалу Карен решила, что ее взяли в семью нянчиться с Бобом во время библиотечных смен Мелинды. Каждое утро после отъезда хозяйки Карен ждала, что старик начнет приставать к ней, но Боб выпивал чашку кофе и отправлялся в свою столярную мастерскую, где и коротал весь день. А она поднималась к себе, закрывала дверь и часами лежала на кровати, уставившись на люстру. Ей казалось, что ее схватили за горло и потихоньку душат. Давненько Карен не было так скучно.

Верховая езда спасла ее от отчаянного шага, который она уже начала обдумывать. Мелинда устроила свою подопечную на восемь недель на ранчо, которым управлял ее старый друг. Карен предположила, что тот сделал Мелинде одолжение, поскольку, хотя два месяца занятий верховой ездой стоили недешево, Мелинде, казалось, было безразлично, поедет Карен на ранчо или нет.

— Если хочешь, Боб тебя отвезет, — предложила она. — Или можете пройти полчаса пешком по трассе, она ведет как раз туда. Начало по будням в десять утра.

Карен поначалу с настороженностью отнеслась к этой затее, но однажды, когда Мелинда ушла в библиотеку, а Боб, как обычно, сложил

газету и побрел в столярную мастерскую, она вдруг поняла, что никто не собирается ее принуждать, и решила, что лучше прогуляться, чем снова все утро таращиться в потолок. Кроме того, она с детства любила лошадей. Даже фантазировала, что у нее есть серебристо-белый конь, невидимый для всех, кроме нее, и он бесшумно, как облако, летит над горизонтом, издалека поглядывая на Карен.

Когда она впервые вошла в конюшню, реальность оказалась далека от мечты: потные, вонючие, дрожащие от холода лошади разочаровали ее. Даже испугали: под атласной кожей у них ходуном ходили могучие мышцы, глаза устрашающе закатывались, а копыта били о землю с такой силой, что Карен чувствовала дрожь сквозь кроссовки. Но она приучилась показывать страх только в тех случаях, когда это помогало минимизировать ущерб. А пресмыкаться перед этими сильными животными было абсолютно бесполезно. Кроме того, полдюжины других ребят в конном лагере, многие из которых уже стали опытными наездниками, были на несколько лет младше ее. Так, одной девочке исполнилось всего девять. Когда Карен гладила гнедую кобылу по гигантской голове во время своего первого визита в конюшню, она старалась, чтобы и инструктор, и эта девятилетняя девочка, как и все остальные, видели, что рука у нее не дрожит.

На следующий день Карен вернулась на ранчо, и на следующий тоже, и так на протяжении восьми недель. Она довольно хорошо научилась

обращаться с лошадьми — ездить на них верхом, ухаживать за ними, убирать стойла. В конце лета Мелинда стала уходить из библиотеки пораньше, чтобы посмотреть на успехи своей воспитанницы. И если Карен очень нравилось восседать на спине сильного, быстрого животного, Мелинде, казалось, еще больше нравилось наблюдать за ней.

Однако именно подвеска в виде лошадки заставила Карен понять, как много она значит для этой женщины. Глядя на хрупкое украшение, она подумала, что самой Мелинде наверняка никто не дарил ничего подобного, а она, возможно, мечтала именно о таком подарке и, возможно, даже от какого-то конкретного человека. Вручая ей подвеску, приемная мать сказала:

— В этом году финансы нам не позволяют, но однажды мы купим тебе настоящую лошадь. Обязательно купим. — Макгинти иногда упоминали о далеком, более благополучном прошлом, когда имели своих лошадей, но именно в тот момент они впервые заговорили о покупке.

— Ого, спасибо! — воскликнула Карен.

— В этом году у тебя хорошие оценки, — продолжала Мелинда. — Мы гордимся тобой. — Боб согласно кивнул. — Так или иначе, мы хотим обсудить следующий этап. Мы намерены удочерить тебя, Карен.

«Меня зовут не Карен», — такой была первая мысль, промелькнувшая у нее в голове.

— Мне очень нравится украшение, — произнесла она вслух. — Огромное вам спасибо!

Она говорила искренне. Подвеска на тонкой золотой цепочке выглядела простенькой, маленькая лошадка была выпуклой только с одной стороны, чтобы создать иллюзию трехмерной фигурки, и плоской с изнанки. Но она скакала во весь опор.

— Мы не требуем от тебя решения прямо сейчас, — сказала Мелинда. — Мы просто хотим дать понять, что считаем тебя своей дочерью.

Карен невольно услышала в ее словах тревогу по поводу приближающейся одинокой старости. В приюте часто рассказывали такие истории. С содроганием вспомнив обо всяких Питах, Карен попыталась примерить эти воспоминания к длинному волевому лицу Мелинды, простому и почти некрасивому. Глубокие горькие морщины прорезали путь от уголков рта к подбородку — переживания из-за сына, — но улыбка смягчила черты, а в повлажневших серых глазах светилась доброта. Будущее Карен с Мелиндой и Бобом, наверное, будет связано с лошадьми, но также оно включало и колледж, работу в Ред-Блафф, Реддинге или даже Сакраменто. И более того: возможно, у нее появится ухажер из числа одержимых бейсболом хулиганов, и однажды она пойдет по церковному проходу, украшенному лентами и самодельными колокольчиками из папиросной бумаги. А дальше в один прекрасный день этот дом с дощатой островерхой крышей перейдет в ее владение. Она будет спать в хозяйской спальне, выходящей окнами на поросшие лесом горы, и раз в год возить своих детей

на побережье. Уютное существование, как у вилки в ящике кухонного стола.

— Это мой самый лучший день рождения в жизни! — воскликнула Карен и почти не лукавила, хотя на самом деле тогда был не настоящий день ее рождения, а случайная дата, которую она выбрала наугад.

Она представляла, как погонит могучего коня сначала рысью, потом галопом, чтобы походить на подаренную подвеску — силуэт скачущей лошади. Перепрыгнув через низкую деревянную ограду, они пронесутся через пастбища и леса, поднимутся в горы. Конечно, это снова фантазия, подобная той, детской, про серебристо-белого коня, который однажды примчится за ней и увезет в неведомую прекрасную страну. Карен не умела преодолевать барьеры и наверняка угробила бы и себя, и лошадь. Да и горы не годятся для верховой езды. И вообще, далеко ли уедешь на лошади?

Нет, все-таки на автобусе куда надежнее. И она начала собирать информацию об автобусных маршрутах. Пора было отправляться в Портленд, где, как она слышала, на душу населения приходится больше стриптиз-клубов, чем в любом другом городе США. Когда Мелинда в очередной раз ушла в библиотеку, а Боб, сложив газету, отправился в столярную мастерскую, Карен поступила как всегда: сбежала. Это оказалось несложно — она просто повернула в другую сторону на трассе, испытав облегчение и удивление от того, насколько

просто ей дался побег. Она дважды обернула цепочку с лошадкой вокруг лодыжки, и самодельный браслет ритмично шлепал по ноге в такт шагам, примерно на каждом восьмом соскальзывая в туфлю, а затем выскакивая и снова скользя вниз. Она шла и представляла, что крошечная золотая лошадка спрыгнула с цепочки и Карен теперь едет верхом на ней вместо автобуса.

10

— Думаете, муж обманывает вас? — спрашивает Алекс Меркадо небрежно, но с интересом, как человек, обсуждающий шансы в гонке, где не делает ставок.

— Нет. Не знаю. Я просто...

Кто-то проходит за дверью моего кабинета, я замечаю силуэт в матовом застекленном дверном проеме и подношу телефон к другому уху. В университете всегда кто-нибудь есть, даже по выходным.

— Вы хотите, чтобы я выяснил, не обманывает ли он вас, — уточняет детектив. — Я с удовольствием прослежу за ним и узнаю, куда он ездит. — Его реплика подразумевает: «Не бесплатно, конечно».

Я не даю ему развить эту тему и, понизив голос, спрашиваю:

— А вы не могли бы разузнать про другого человека? Ее зовут Альма Жозефина Руис.

— Собрать основные сведения? Или проследить?

— Основные сведения, — торопливо отвечаю я. — Она попечитель нашего благотворительного фонда. Точнее, его администратор.

— Ясно, — говорит Алекс. — То-то имя показалось мне знакомым. Нетрудно будет выяснить ее подноготную. — В том числе встречается ли она с моим мужем. — Да, и продолжать ли мне следить за Джули? Я узнал, где она бывает. — Прежде чем я успеваю спросить, он сообщает: — Она ездит в церковь.

— Что? В какую еще церковь?

— «Врата».

Я теряю дар речи. «Врата рая» — это мегацерковь, чей рекламный щит я вижу каждый день, проезжая по развязке 610 на работу. Службы проходят в огромном молельном доме с куполом.

— Внутри она не заходит. Просто сидит в своей машине. В машине вашего мужа, — поправляет он себя. — На стоянке.

— И что она делает?

— Не знаю. Там ведь целый комплекс, где много чего происходит: три группы по изучению Библии, лига боулинга для холостяков и нечто под названием «Круг исцеления». — Похоже, перечисление вариантов досуга прихожан его забавляет. — Вы никогда там не были?

— Мы вообще не ходим в церковь. Вернее, Джули иногда ходила с подругой. Просто из любопытства, как все дети. — Я вспоминаю увеличенное изображение телевизионного проповедника на билборде. «Не теряй веру в повседневной суете». — Не верится, чтобы сейчас ей захотелось отправиться в такое место.

Некоторое время Алекс задумчиво молчит.

— Анна, вы посмотрели видео?

— Да, посмотрела. Гретхен Фарбер. Группа из... Портленда, так?

— И?..

— Да, певица и впрямь похожа на Джули. Вроде бы. Но изображение настолько нечеткое, что нельзя сказать наверняка.

Я даже не очень лукавлю, поскольку смотрела видео всего один раз, посреди ночи, с выключенным звуком. А еще в последнее время я почти ни в чем не уверена.

— Запись с мобильного телефона, — соглашается Меркадо, но у меня возникает неприятное чувство, что он издевается надо мной. — Не очень качественное изображение.

— Вот именно, — говорю я.

— И Портленд находится не в Мексике, — заканчивает он.

Наступает пауза, и я перехожу в наступление:

— Можно узнать, с чего вы решили искать ее именно в Портленде?

— А я и не искал. Проверял полицейские отчеты, составленные примерно в то время, когда вернулась Джули, просматривал всю информацию о девушках ее возраста в надежде, что подвернется нечто интересное. Эту Гретхен Фарбер объявили в розыск, но не в Портленде, а в Сизтле. Через пару дней после того, как появилась Джули.

— После того, как она вернулась домой.

— Да. По закону нужно ждать три дня, чтобы подать заявление о пропаже взрослого, особенно когда в полицию обращается муж или бойфренд — на тот случай, если исчезновение

произошло в результате ссоры любовников. Заявление об исчезновении Гретхен подал мужчина, какой-то Кэлвин. Во всяком случае, мне повезло («Еще как повезло», — думаю я), что нашлось видео. Не волнуйтесь, я ищу концы, обзваниваю бары, пытаюсь установить ее личность. — Он замолкает, и я слышу, как на другом конце линии шуршат бумаги. — Есть еще одна зацепка, которую я изучаю.

— Чтобы разоблачить самозванку? — спрашиваю я, пытаюсь придать голосу саркастический оттенок, но Алекс делает вид, что не замечает моей интонации.

— Шарлотта Уиллард, — продолжает он, — ровесница Джули, сбежала из дома в Луизиане вскоре после того, как Джули... э-э... исчезла. Может быть, это и ерунда, но есть еще некая Шарлотта семилетней давности, под другой фамилией конечно, которую подобрали в Сан-Франциско. Она какое-то время находилась в приемной семье, а потом пропала. Сменила имя или что-то в этом роде.

— И что?

— Пока я не уверен, — признается он, — но, возможно, эта Шарлотта и есть Гретхен. А Гретхен... теперь называет себя Джули.

— И с чего эта Шарлотта, или Гретхен, или кто она там выдает себя за мою дочь? — Голос у меня срывается на крик, и я безуспешно пытаюсь взять себя в руки. — Что ей могло понадобиться?

Я уже забыла про фонд Джули, хотя Алекс, конечно, помнит, зачем я изначально ему позвонила.

— Честно говоря, Анна, я пока не знаю. Я дам вам знать, когда выясню факты.

Его деликатность раздражает меня.

— Скажите прямо сейчас, что вы думаете! Какая у вас версия? По-вашему, дело в деньгах, да? Деньгах фонда?

— У меня нет версии, и она не появится, пока вы не принесете мне образец ДНК девушки.

Я вешаю трубку не прощаясь и открываю браузер на рабочем столе компьютера.

На сайте «Врат» есть тщательно подобранная серия видеороликов, которые я нетерпеливо пролистываю, пока не нахожу «Круг исцеления». Когда я нажимаю на ссылку, анимированная капля воды падает в середину словосочетания, выталкивая буквы в концентрические круги, расползающиеся по всему экрану. Когда анимация исчезает, появляется описание: «Приглашаем в “Круг исцеления” всех тех, кто чувствует себя разбитым, несчастным, потерянным. Приходите к нам, и Бог исцелит вас».

В нижней части экрана появляется и исчезает ряд лиц. Каждый делится своим опытом. Пожилая женщина была ослеплена катарактой, а «Круг исцеления» вернул ей зрение. Афроамериканского подростка «Круг исцеления» спас от отчисления из школы. Бывший бомж открыл через «Круг исцеления» путь к финансовому благополучию. «Божественный план предполагает всеобщее изобилие, — говорится в цитате. — Господь ведет свое царство к величию!»

Я нацарапываю на бумажке время встреч «Круга исцеления» и возвращаюсь к поисковику, где нахожу ссылку на сайт преподобного Чака Максвелла — человека, чье лицо маячит на билбордах над нашим местным городским пейзажем.

Там я натыкаюсь на биографическую статью под названием «Это не просто удача, Чак: как преподобный Чак Максвелл стал самым влиятельным проповедником в Техасе».

В реальности Чак Максвелл представительнее, чем на рекламных щитах своего хьюстонского мегахрама «Врата рая»: сорокадвухлетний пастор с седой бородой и пронзительным взглядом, ростом шесть футов два дюйма, удивительно хорош собой. Понятно, как этот человек построил духовно-финансовую империю.

Ага, значит, ему будут петь дифирамбы.

Максвелл никогда не был рукоположен в какой-либо конфессии, не имеет степеней в области религии или философии; более того, он даже не окончил колледж. Тем не менее каждую неделю он читает в хьюстонском храме проповедь для тридцати тысяч прихожан, и еще десять миллионов зрителей внимают ему через мониторы своих компьютеров.

Я пропускаю несколько абзацев.

Бросив Техасский христианский университет, он устроился продюсером яростного хьюстонского телепроповедника Джима Уилтона. Именно там, по словам Максвелла, у него появилось уникальное видение Божьего напутствия, которое он считал своим долгом донести до верующих.

— Я бы не сказал, что разошелся с официальной баптистской церковью, — говорит Максвелл, — однако она трактует ситуацию в негативном ключе: «Все вы грешники! Обратитесь к Господу и покайтесь!» — Проповедник улыбается. — Но Бог вовсе не хочет, чтобы люди фокусировались на своих прошлых грехах! Бог призывает к обновлению!

Мой взгляд профессора английского языка цепляется за слово «обновление». Сразу вспоминается модернистский лозунг Эзры Паунда — «твори, обновляя», — и я с удовольствием представляю, как этот сноб, этот старый антисемит вертится в гробу. А Максвелл продолжает проповедь переосмысления, пропагандируя теорию, что значение имеет лишь настоящий момент. Может, именно это сейчас и нужно Джули? Апологетическая статья тянется еще три страницы, на которых упоминаются солидные пожертвования Максвелла некоммерческой организации по поиску пропавших детей. Это, конечно, сразу бросается мне в глаза, но я не могу спокойно дочитать до конца. Меня пугает мысль, что Джули вдохновляется призывом Максвелла: «Сотрите прошлое и живите

в настоящем!» В конце концов, Джейн, Том и я — это прошлое Джули. Или должны стать им.

Что наконец подводит меня к последнему на сегодня телефонному звонку.

Я достаю из кармана скомканный листок бумаги, который дала мне Джейн, и рассматриваю его. Код города кажется знакомым, но я не могу определить его, пока поиск не приводит меня к открытию: Сизтл.

Джейн, наверное, решила подшутить надо мной. Наверняка это номер телефона ее подруги или соседки по комнате, которую она подговорила на розыгрыш. Меня обжигает прилив гнева, за которым следует чувство вины. Я пренебрегала Джейн, иногда умышленно игнорировала ее, и это продолжалось в течение последних восьми лет. Глядя на нее, я думала лишь о том, что тогда, съездившись в шкафу среди платьев и туфель, вся в слезах и соплях, размазанных по лицу, за три часа она ни разу не крикнула. А тем временем Джули... Я знала, что Джейн не виновата, но ничего не могла с собой поделать. Попытка посеять во мне сомнение, что Джули — та, за кого себя выдает, могла быть способом отомстить мне, крайне жестоким и весьма эффективным. У меня дрожат руки.

Я набираю номер и жду. Гудки идут с полдюжины раз, как будто человек на другом конце линии смотрит на определитель номера, решая, брать или не брать трубку. И все-таки берет.

— Прекрати, — говорит Джули.

Я потрясенно молчу.

— Ну скажи что-нибудь, Кэл, — продолжает она усталым голосом. — Я наконец-то ответила на один из твоих звонков с загадочных номеров, так что давай, говори. Я же знаю, что это ты. Звонишь с одной из многочисленных остановок в грандиозном турне по моей жизни, не так ли? — Она делает паузу. — Ну что ж, ты нашел меня. Ты здесь. Так что же ты хочешь мне сказать?

Я задерживаю дыхание.

— Какой мой грязный секрет ты выведал? Гарантирую: что бы ты ни разнюхал, в моей биографии были и вещи похуже, о которых ты не знаешь.

Я ничего не знаю, абсолютно ничего.

А Джули на другом конце провода говорит:

— Да пошел ты, Кэл. Я свалила от тебя. Все кончено. Езжай домой.

Отбой. Короткие гудки.

Шарлотта

сидела в грязной комнате вместе с социальной работницей и бородатым дядькой, который по-прежнему пытался заставить ее назвать имя сутенера. Офицер Пит тоже употреблял слово «сутенер», но она не знала, что оно означает. Наверное, что-то постыдное, вроде прыщей. Но спрашивать бородатого она не решилась.

— У меня ничего этого нет, — выдавила она, не в силах произнести гадкое слово.

— Ну, чего он тебе наплел? — продолжал допытываться бородач. — Говорил, что ты особенная, что он будет хорошо обращаться с тобой?

Единственным человеком, который говорил ей такое, был Джон Дэвид. Значит, он сутенер? Ее сутенер? Однако бородач никак не мог знать о Джоне Дэвиде. Или мог? Эта мысль напоминала глубокий черный колодец, который только и ждал, когда она поскользнется и свалится в него.

Она молча покачала головой.

— Он убедил тебя торговать своим телом, верно? Но все деньги забирал себе, так?

Теперь она все поняла, и шею обдало жаром до самого подбородка.

— Я делала это только раз или два, — пробормотала она.

— Ладно, только раз или два, — согласился бородач вкрадчиво. — Просто чтобы помочь ему. Итак, ты защищаешь его, потому что он защищает тебя, верно? Ты думаешь, он твой друг? Может, твой парень?

— У меня нет парня, — прошептала она, и жар распространился от шеи по лицу, даже глазам стало горячо. Она выплеснула взглядом всю свою ненависть прямо в его густую каштановую бороду. В конце концов офицер Пит ей тогда поверил. Она открыла рот, чтобы сказать это бородачу, но тут же сообразила, что не знает настоящего имени офицера Пита.

— Сначала он покупал тебе вещи? — продолжал допытываться бородач. — Может, и маникюр тебе делал?

Она смущенно убрала руки со стола. Под обломанными ногтями застряла грязь, а на одном пальце краснела припухлость, где уголок ногтя треснул. Она заметила, что социальная работница, темнокожая женщина с очками на цепочке вокруг шеи, покачала головой и отвела взгляд.

Но бородач не унимался еще минут пять — десять, затем, привстав, бросил на стол перед ней визитку:

— Если что-нибудь вспомнишь, позвони мне по этому номеру. И помни: он хищник, а ты жертва.

Когда он убрал руку, отпечаток его потного пальца остался на уголке визитной карточки. Она

тупо уставилась на это пятно, чтобы не читать имя бородатого. Когда она подняла глаза, мужчина уже исчез, а социальная работница с явным облегчением заняла свое место за столом напротив нее.

— Меня зовут Ванда, Шарлотта.

Она чуть не подпрыгнула. Хотя в анкете она указала именно это имя — первое, какое пришло в голову, — ее еще ни разу так не называли: полицейские, которые таскали ее из комнаты в комнату, говорили «вы», или «юная леди», или, когда думали, что она не слышит, — «малолетка». Впервые услышав чужое имя, произнесенное вслух, она осознала, какой слабой и глупой была, назвавшись Шарлоттой, чтобы доказать собственную храбрость. Теперь имя звучало как обвинение.

— Шарлотта, — продолжала Ванда, словно решив доконать ее этим именем, — мне сказали, что ты хотела бы пожить в приемной семье. Сегодня это называется уходом за детьми вне дома. У тебя вообще есть дом?

Она попыталась подумать о доме, но видела только пару пустых, мутных глаз, уставившихся вверх.

— Нет.

— У тебя нет дома? — уточнила Ванда. — Или ты считаешь, что тебе там небезопасно?

Прозвучало как вопрос с подвохом. Эта Ванда не походила на офицера Пита, болтающего без умолку, или на мудака с бородой, сверлящего ее взглядом в надежде выискать какую-нибудь зацепку. Нет дома — или дома небезопасно?.. Она смотрела на уголки рта Ванды, ожидая, что

та подскажет, какой ответ хотела бы услышать, но лицо социальной работницы ничего не выражало.

— Я... ну... — С чего начать? — Небезопасно. Это была почти правда.

Ванда кивнула. Ее кивок выражал не столько одобрение, сколько удовлетворение.

— А ты, Шарлотта, хотела бы пожить в приемной семье несколько дней или подольше?

Опять выбор. Когда-то она хорошо угадывала ответы на контрольных.

— Мне нужно убежище, — сказала она, вспомнив, что так велел говорить офицер Пит.

— Я понимаю, Шарлотта, — кивнула социальная работница. — Но, к сожалению, в данный момент у нас нет для тебя вариантов. Служба защиты детей, конечно, подберет что-нибудь в ближайшее время, я дам соответствующее распоряжение. Но должна предупредить: тебе придется пожить в приюте, пока не найдется подходящее место.

Она кивнула. Ее поместят в учреждение. Ясно.

— Это временно, но я хочу подготовить тебя к такому варианту. Ты уверена, что у тебя нет друга или родственника, у которого ты могла бы остановиться? Того, с кем ты будешь в безопасности. Подумай.

На этот раз Шарлотта крепко задумалась. Везде, где ее приняли бы, пришлось бы вести себя по-детски, а она больше не была ребенком. Дети не ночуют в грязных гостиничных номерах. Из детей не выскребают младенцев. Дети не делают с Питами того, что она делала с Питами. Дети

не делают с другими детьми того, что она сделала с той девочкой в подвале.

Шарлотта не знала, кто она: ребенок или нет. И сказала:

— Я согласна на приют.

Когда они вышли из полицейского участка, Шарлотта спросила:

— А где же мои вещи?

Но еще до того, как Ванда открыла рот, Шарлотта догадалась, что украденный нож пропал навсегда. Ну что ж, в приютах только самые старшие дети владели такими вещами. Они прятали ножи в матрасах или приклеивали скотчем на дно ящиков стола. Никто не крал их имущество и никому не рассказывал, что они его прячут. Один худенький маленький мальчик попытался сделать лезвие из пластикового столового ножика для масла, сломав его пополам. Он хвастался перед всеми своей поделкой, пока кто-то из старших не украл ее ночью, избив при этом самого малыша.

Такие привычные правила упрощали жизнь в приюте. Их просто надо было соблюдать. Мысленно она называла старших ребят вышибалами, а сама старалась быть невидимой, так безопаснее.

Ее соседка по комнате Бет оказалась из подхалимов. Такие ребята подыгрывали воспитателям, добровольно участвовали в групповых занятиях и зарабатывали за хорошее поведение золотые звездочки, блестящие зубные щетки и яркие наклейки. Звездочки и наклейки были совершенно бесполезны, вдобавок они оставляли на одежде липкие следы, которые приходилось отскабливать

жесткой мочалкой. Изнанка сидений стульев и стены за кроватями тоже были заляпаны пятнами от наклеек.

Другое дело зубные щетки. Хрупкая пластиковая дешевка, которую ей вручили при поступлении в приют, конечно, была лучше, чем ничего, но ее жесткая щетина царапала десны. Однажды Шарлотта взяла зубную щетку соседки и залюбовалась розовым полупрозрачным перламутром, застывшими в нем пузырьками и сияющими гранями, мерцающими на свету.

— Эй, положи на место. Это моя, — возмутилась Бет, появляясь на пороге ванной.

— Красивая, — сказала Шарлотта, но зубную щетку не положила. Она ждала следующего шага Бет, которой было всего одиннадцать, однако та неловко топталась на месте. — Очень красивая, — ободряюще добавила Шарлотта.

— Спасибо, — неуверенно пробормотала Бет. После короткой внутренней борьбы глаза у нее наполнились слезами, и она нехотя выдавила: — Можешь взять.

Шарлотта отшвырнула щетку, и та упала на пол с глухим стуком.

— Мерзость какая! Не нужна мне твоя использованная зубная щетка.

Но позже все-таки забрала ее.

11

В понедельник днем я сажусь в машину и направляюсь к «Вратам». Ирония судьбы, не правда ли? Я уже две недели говорю Тому, что езжу на работу, а Джули говорит нам, что ездит на терапию, и теперь мы обе vrem, чтобы отправиться в одно и то же место. Я сворачиваю на стоянку перед новым корпусом, отделяющим здание бывшего планетария, где сейчас располагается мегацерковь «Врата рая», от соседнего стадиона. Словно по сигналу, вспыхивает светящаяся надпись: «С Богом возможно все!» — и я усмехаюсь, хотя на душе у меня тревожно.

У входа теснятся около сотни автомобилей. Сегодня у Джули нет сеанса психотерапии, поэтому я знаю, что она без машины, но все еще опасаясь наткнуться на дочь. Территория парковки обширна и включает в себя пятиуровневый гараж, который отсюда выглядит пустым. Я паркую внедорожник и подхожу к современному каменному фасаду, увенчанному шпилем, который пристроили к гигантской перевернутой чаше планетария позже, когда храм науки преобразовали в модельный дом. Открываю гигантскую стеклянную дверь и вхожу в вестибюль, просторный и чистый,

как VIP-зал аэропорта. Через равные промежутки к потолку прикреплены экраны со светящимся логотипом церкви. Сине-зеленый и безбрежный, как море, ковер пестрит островками безупречно белых половичков, на которых парами расставлены стулья лицом друг к другу, расположенные в чинной последовательности на благопристойном расстоянии. Из невидимых динамиков льется тихая музыка, а в углу огромного вестибюля гудит пылесос. Видимо, в понедельник публики здесь негусто.

Справа от входа висит схема внутренних помещений. Изучив ее, я сворачиваю в крыло, над дверью которого значится: «Вера». Буквы отлиты из матовой стали. Номер комнаты, которую я ищу, — 19В, и мне приходит в голову мысль: интересно, если это крыло «Веры», то, наверное, есть и крыло «Любви», где номера комнат идут под буквой «Л». Пылесос выключается, и, обернувшись, я вижу на сине-зеленом ковре свои следы в виде чуть более темных отпечатков цвета морской волны. Надеюсь, Бог привел меня в нужное место. Я никогда не воспринимала религию всерьез, но это заведение и вовсе напоминает цирк.

Тяжелая деревянная дверь комнаты 19В закрыта, и после недолгого колебания я толкаю ее и попадаю в помещение размером со школьный спортзал. Около сотни человек стоят, взявшись за руки и выстроившись в неровный овал во всю длину зала. Глаза у них закрыты, головы опущены; некоторые ритмично раскачиваются взад-вперед, другие неподвижны. Я вхожу и тихо

закрываю за собой дверь. Монотонное бормотание обволакивает меня. Я представляла себе стулья или другие сидячие места, откуда можно понаблюдать за прихожанами, но в зале без окон нет ничего, кроме гудящего, как пчелиный улей, круга. Не открывая глаз, двое посетителей, стоящих ближе всех к двери, размыкают руки и протягивают их мне. От неловкости у меня сжимается желудок. Происходящее выглядит слишком реальным и одновременно до смешного фальшивым. Я делаю шаг вперед и хватаю руки по обе стороны от себя: сухую, грубую, с распухшими суставами — старика, неприятно влажную и податливую — подростка. Теперь я официально стала самозванкой.

Сначала я не могу понять, откуда доносится бормотание. Оно исходит будто не из какого-то одного места, а раздается со всех сторон, в разных тональностях. Я не считаю нужным закрывать глаза и откровенно разглядываю стоящих в круге, пытаюсь определить руководителя. Вроде бы источник звука должен быть где-то напротив меня; возможно, он скрыт за спинами людей. Оглядываясь по сторонам, я вижу бесконечную вереницу стариков в толстовках, прыщавых подростков и женщин в трикотажных штанах и с небрежными прическами. Все они повторяют друг за другом слова молитвы. Я закрываю глаза, и тогда один голос отделяется от смутного гула, взлетает над ним: обычный мужской голос с хьюстонским акцентом. Я различаю слова кристально ясно, как будто кто-то говорит их прямо мне в ухо.

— Найдено. — Слово камнем падает в омут бормотания. — То, что потеряно, найдено. Более того, оно никогда не терялось.

— Более того, оно никогда не терялось, — эхом отзывается круг.

— Отец Небесный предлагает вам изобилие благодати, а вы просите его об одном маленьком одолжении? Если на свадьбе вам дают тарелку, полную яств, разве вы будете просить кусочек? То, что вам нужно, находится прямо перед вами. Склоняются ли полевые лилии в мольбе? Взывают ли птицы к небесам? Нет. Лилии тянутся к Господу в благоговении и восторге. Птицы поют хвалебные гимны. Они, Божественные творения, славят своего Создателя. Разве благодарная дочь одевается в лохмотья? Нет, она наряжается, показывая всему миру, что отец любит ее. Она признательна ему за любовь. То, что потеряно, найдено. И оно никогда не терялось. То, что потеряно, найдено. Оно никогда не терялось. То, что потеряно, найдено. Оно никогда не терялось.

— То, что потеряно, найдено. Оно никогда не терялось.

Одни поют эту фразу в унисон с мужским голосом, другие повторяют слова с задержкой в несколько секунд — так мокрый песок на пляже повторяет очертания набегающих на него волн.

— То, что вам нужно, уже есть в вашей жизни, — продолжает оратор. — Христос получил вечные раны, чтобы мы остались целы.

Некоторые из молящихся начинают громко плакать.

— У нашего Господа — прободенная копьем дыра в теле, чтобы наше тело оставалось целым.

При этой отвратительно глупой игре слов я чуть не начинаю хихикать, но, когда фраза прокатывается по кругу, подхваченная хором голосов, подавленный смешок подвергается некой эмоциональной алхимии у меня в животе. Невероятно, но у меня начинает щипать в глазах.

— Мы цельны во всех аспектах нашей жизни. Хотите новую работу? Она уже у вас есть. Супругу? Вы уже женаты, но пока не знаете об этом. Освобождение от долга? Он оплачен раз и навсегда. Освобождение от боли? Нет никакой боли, кроме как в вашем уме.

Кто-то плачет, судорожно вздыхая между всхлипами. Рыдания сменяются бормотанием. Но вот опять вступает поставленный мужской голос, который доносится словно с другой планеты:

— Возрадуйтесь! То, что потеряно, найдено. Оно никогда не терялось. Это вы были потеряны. Сын, который умер, — жив, но он никогда и не был мертв; тот, кто потерян, — найден, но он никогда и не терялся.

Я больше не могу выносить этот бред и резко открываю глаза. Никто не обращает ни на кого внимания. Напротив меня сидит в инвалидном кресле пожилая женщина, одетая в толстовку с Микки-Маусом.

Я выдергиваю руки и кидаюсь к двери, вспотевшие пальцы скользят по ручке, когда я открываю ее. Выскакиваю в коридор и бегу, бегу отсюда

по сине-зеленому, как море, ковру, где пылесос уже стер мои следы.

Я снова приезжаю к себе в кабинет и набираю номер. Телефон звонит и звонит, но Алекс Меркадо не берет трубку, а значит, придется самостоятельно искать нужную информацию. Я забиваю страшные фразы в поисковик и жду, когда откроются свежие результаты: «Останки в бомбоубежище принадлежат девочке в возрасте около 13 лет, утверждают эксперты».

На главной фотографии изображен одноэтажный кирпичный дом в Ривер-Оукс, старом центральном районе, затененном массивными деревьями. Поскольку в наши дни кондоминиумы теснятся на слишком маленьких участках, старое здание решили снести, чтобы освободить место для очередной многоэтажки. И во время расчистки территории бульдозерами обнаружили трубопровод, ведущий к подземному бетонному бомбоубежищу, обустроенному на заднем дворе. На следующей фотографии как раз изображены искривленные трубы, тянущиеся к полуразрушенной бетонной оболочке. Но нет фотографий того, что нашли внутри. Я продолжаю искать: дом был изъят в 2008 году за просрочку уплаты налога на имущество. Бывшая его хозяйка, Надин Рейнольдс, проживает в доме престарелых. Проданный на аукционе иногороднему инвестору, который арендовал его в течение многих лет, дом несколько раз переходил из рук в руки, прежде чем

в 2015 году его купил застройщик, решивший извлечь прибыль из участка.

Но меня не интересует дом. Я перехожу на сайт техасской полиции, где есть база данных пропавших без вести по всему штату. В списке более трехсот фамилий. Столько исчезнувших людей, столько неопознанных тел, каждое из которых может оказаться чьей-то потерянной дочерью, или мужем, или женой, или сыном. Словно гигантская головоломка с фрагментами, разбросанными по всему земному шару.

Я дохожу до свежих отчетов округа Харрис и прокручиваю списки фамилий, возле которых размещены миниатюрные изображения мужских лиц с закрытыми глазами; их черты, скованные смертью, величественны и печальны. Затем я натыкаюсь на контур в форме головы с вопросительным знаком внутри. Дата смерти не определена, 2008 или 2009 год — как раз то время, когда наша жизнь рухнула. Задержав дыхание, я щелкаю на иконку, и всплывает та самая фотография, преследующая меня. Изображение увеличено, ужасающие детали обрезаны, чтобы сфокусировать взгляд на истлевшем клочке выцветшей ткани с рисунком в форме двух черных кругов, соединенных размытым перешейком полинявшего черного цвета.

Теперь я понимаю, почему сначала не узнала ее. В бывшее бомбоубежище на протяжении восьми лет поступал воздух, способствующий разложению тела и гниению ткани. Никто не узнал бы ее сразу, даже тот, кто все восемь лет помнил

о ночной рубашке своей дочери. От нее осталась только пара ушей Микки-Мауса. «Я лишь хочу ее похоронить», — сказала я в группе поддержки, прежде чем уйти навсегда. У меня одно желание, простое и жуткое: получить тело, хоть что-то материальное. Гул голосов полицейских, в который вплетались заключения терапевтов и комментарии журналистов — «важны первые три часа», «важны первые трое суток», — сбивали с мысли, затрудняли понимание того, что происходит в мире, где жила моя дочь. Теперь же меня охватывает странное оцепенение при мысли, что ее тогда уже не было. Что ее вообще нет на свете. Я не сразу узнала ее, потому что не хотела. Не хотела верить Меркадо, что Джули мертва. Не хотела, чтобы он оказался прав во всем насчет моей дочери. Мне было необходимо думать, что я знаю Джули лучше всех. Дребезжит сотовый: мне перезванивает Алекс. Я нажимаю на зеленую иконку, готовая сдаться и признать, что он был прав. Но не успеваю.

— У меня плохие новости, — говорит Алекс.

Питы

так она их называла, даже тех, кто всего лишь покупал у нее таблетки и травку, которую она таскала из магазинной тележки под мостом, и при этом не просил ее пососать член и не пытался ей вставить. Впрочем, она выработала свои приемы, например наловчилась украдкой плевать в ладонь и быстро ее сжимать; тогда оставался шанс, что обойдется без проникновения.

Добравшись до Сан-Франциско, она рассталась с мужчинами, которые доставили ее туда, но запомнила их имена. Их звали Питами. Два Пита на автобусной станции. Потом Пит в туалете бензоколонки «Алмазный клевер». Еще один Пит в автобусе; от него она сначала попыталась отбиться ножом, но потом сдалась и уступила, взамен стащив его бумажник. Он сидел рядом с ней всю дорогу до Сакраменто, держа грязными пальцами за руку, словно они влюбленная парочка. Где-то в промежутке между Питами ей исполнилось четырнадцать, хотя точную дату она не смогла бы назвать. Впрочем, для Питов ей было шестнадцать, а для полиции — восемнадцать. Она запомнила год, в который родилась бы, будь ей сейчас восемнадцать, и в ответ

на расспросы копов — «Сколько вам лет, юная леди, разве вы не должны быть дома в такой час? Неужели вам уже восемнадцать? И когда же у вас день рождения?» — называла разные дни этого года, причем однажды нечаянно назвала сегодняшнюю дату.

— С днем рождения, — буркнул тот коп и скорчил гримасу.

Последний Пит тоже был из полиции. Когда она села к нему в машину и он поинтересовался датой ее рождения, она пробормотала очередную ложь, а он только посмотрел на нее и покачал головой.

— Тебе точно восемнадцать? — переспросил он. — Ты же знаешь, тебя могут осудить как взрослую.

Он нажал на какую-то кнопку, завывла сирена, и тут она заметила, что дверцы изнутри не открываются, а с ее стороны нет даже ручки.

— Одиннадцатое января тысяча девятьсот семьдесят девятого года, — поспешно сообщила она. И день, и год были не те, но уже на два года ближе к ее настоящему возрасту.

— Вот так больше похоже на правду. Мы найдем тебе социального работника и заведем дело, прежде чем ты влипнешь в историю, из которой не сможешь выбраться.

«Такое уже было, — подумала она. — Но я все-таки выбралась».

— Знаю, ты считаешь себя крутой и все такое, — продолжал он, бросив на нее быстрый косой взгляд. — Но кто-то должен забрать тебя с улицы и уберечь от неприятностей. Этим

кварталом владеет Хуарес. А тот парень в майке, которого я сейчас спугнул, — один из его подручных.

Несколько минут назад покрытая пятнами ржавчины «хонда» притормозила возле них, водитель опустил стекло, но затем быстро поднял его, и автомобиль умчался.

— Они сбежали, когда увидели меня. Они знают, что я полицейский в штатском, — объяснил Пит. — Это только к лучшему, потому что иначе тебя уделали бы до полусмерти. А потом бросили бы где-нибудь поблизости от дома Хуареса — кстати, это не настоящее его имя, он только прикидывается большой шишкой из Мексики, — он подобрал бы тебя и уговорил на своего рода сделку: ты остаешься и работаешь на него, а он позаботится, чтобы никто не приставал к тебе на улице и чтобы тебя не обижали. А через неделю ты увидишь в гостях у Хуареса того, кто изнасиловал и избил тебя, он будет сидеть в гостиной на диване и жрать клубничное печенье, и тогда ты все поймешь, но будет уже поздно.

Во время этой лекции она сидела молча. В голосе офицера Пита, как она начала его про себя называть, слышалась усталость, и он без конца шмыгал носом. В очередной раз прочистив нос, он заключил:

— Итак, добро пожаловать. Сейчас мы познакомимся с милой дамой, социальным инспектором, она заведет на тебя дело и отправит в приемную семью.

Она резко выпрямилась:

— Меня не надо определять в приемную семью. Мне восемнадцать.

— Ты каждый раз говоришь по-разному. Повтори-ка, когда у тебя день рождения? — Он рассмеялся. — Держу пари, ты не вспомнишь ни одной даты из тех, которые называла.

— Я не хочу в приемную семью.

— А я не хочу, чтобы тебя зарезал на улице какой-нибудь сутенер. Ты ведь совсем недавно сама о себе заботишься, я угадал?

Она задумалась над вопросом. А Джон Дэвид о ней заботился? Она не была уверена, но все равно кивнула.

— Я так и думал. Ты в городе меньше недели?

— Два дня.

— Тебе ведь не нравится то, чем ты занимаешься, правда? Ты работаешь не по своей воле?

Она снова кивнула.

— Ладно. Тогда тебе нужно место, где можно жить, причем бесплатно. На крайний случай ненадолго отправишься в приют.

Приют. Она была наслышана о подобных заведениях. Правда, подробностей не знала, но только потому, что беспризорные дети, сбегавшие из приюта, упоминали о нем не для того, чтобы поделиться впечатлениями. Они упоминали о приюте, чтобы напугать до чертиков.

Полицейский заметил выражение ее лица.

— Расслабься, я не повезу тебя прямо туда, — сказал он. — Для начала побеседуешь с Вандой, и она решит, что с тобой делать. Если так боишься приюта, скажи Ванде, что тебе нужно убежище,

а затем попросись в хорошую семью, где тебя не будут бить, или что там с тобой делали в родном доме. — Он снова шмыгнул носом и украдкой бросил на нее взгляд. — Жаль, что тебе пришлось сбежать оттуда. Наверное, все было очень плохо. И все же на улице чертовски опасно. Так ты категорически против возвращения домой?

Она долго думала о доме. Возвращение туда казалось еще менее реальным, чем то, что она совершила — и не только с Питами, ради выживания, но и в тот раз. Она вспомнила маленькое лезвие, вспомнила, как на четвереньках выползала из подвала, а колени скользили от крови. Вспомнила тело, лежащее на полу бункера, и засыхающую вокруг кровь.

— Меня не... — начала она, запнулась и снова попыталась объяснить: — Мне просто нужно было...

— Знаю. — Офицер глубоко вздохнул, и она возненавидела его всеми фибрами своей души, этого глупого Пита. — Ты не виновата.

Она и без него это знала. Виноваты Питы. Виновата Дженис. Виноват Джон Дэвид.

12

Когда я прихожу домой, Том доедает разогретую готовую еду за кухонным столом. Джули нигде не видно.

— Где деньги? — спрашиваю я.

Слова кажутся грубыми и выпуклыми, будто их разглядывают сквозь рифленое стекло.

Муж опускает вилку.

— Анна, — начинает он отчаянным тоном, и я сразу понимаю, что не ошиблась в своих подозрениях.

— Где деньги из фонда Джули? — уточняю я. — И еще: ты трахаешь Альму?

— Нет.

— Врешь. — Я понимаю, что нелепо с моей стороны злиться на Тома за ложь. Я тоже лгала, и Джули лгала. Даже Джейн лгала — хотя бы на счет учебы. Но что касается Тома — как ни странно, я даже не подозревала, что все еще нуждаюсь в его честности, в его безупречности, однако так и есть. Мне хотелось направить весь негатив только на себя, чтобы смириться со смертью Джули — да, повторяю я себе, со смертью Джули, — самым деструктивным способом разрушив собственную жизнь. И муж допустил, чтобы я медленно убивала

себя — алкоголем, депрессией. Это настоящее предательство. Дело не в том, что он обманывал меня все это время, а в том, что он позволил мне считать себя единственной виноватой.

— Анна, послушай, ты так много пила. Не разговаривала со мной, не слушала меня. И мне было очень одиноко. Ты даже не стала ходить со мной в группу поддержки.

Мне хочется крикнуть, что я не стала ходить в группу поддержки, потому что там мне было еще хуже. Глядя на этих несчастных людей, которые годами искали своих пропавших детей, я теряла надежду. Я не могла видеть чужую боль — мне и своей было достаточно.

— Не перекладывай свою вину на меня.

— Ты отдалилась, а мне нужен был кто-то рядом. Я любил Джули не меньше твоего. Я тосковал по ней не меньше твоего.

— Это ты управлял фондом, — возражаю я. — Это ты обновлял информацию на доске объявлений и раздавал листовки. Ты заказывал проклятые рекламные щиты. Ты общался с попечителями. И ты назначил Альму ответственной за деньги.

— Да, — соглашается он.

— Где деньги, Том?

— Я не могу с тобой разговаривать, когда ты в таком состоянии.

— Да что ты! Ты украл деньги Джули и отдал их своей шлюхе!

— Анна!

— Будешь отрицать, что ты отдал их Альме Руис? — выплевываю я ненавистное имя.

Он обхватывает голову руками.

— Да, я отдал их Альме. Какие-то подонки, работавшие на ее бывшего мужа, потребовали выкуп за их дочь: видимо, муж разошелся с новой подружкой и понял, что растить ребенка в одиночку не так уж легко. Я назначил Альму администратором, чтобы она могла снять деньги со счета фонда и уплатить выкуп. И в итоге она вернула себе дочь.

— А теперь еще скажи, что не спал с ней.

Наступает долгая пауза.

— Ну же, скажи. Хочу послушать.

— Один раз, — говорит он несчастным голосом. — После этого наши пути разошлись.

— Думаю, ты попросту получил желаемое.

Он встает, внезапно разозлившись.

— Не смей так говорить.

— Сейчас я имею право говорить все, что захочу! — кричу я, но Том перебивает меня:

— Думаешь, я сам не понимаю? Да, возможно, она была со мной только из-за денег, а я был чертовски одинок и совсем запутался, но, так или иначе, у нас были деньги, а у нее нет. Я не осуждаю Альму: я бы сделал то же самое ради Джули. Будь я уверен, что пятьдесят тысяч долларов помогут вернуть дочь, я переспал бы с кем угодно. Я убил бы за это. — Он дрожит. — И ты бы тоже так поступила.

Мысли у меня путаются, но я стараюсь держать себя в руках.

— А если бы деньги понадобились нам для выкупа Джули?

— Но они не понадобились. — Том сглатывает, смотрит в пол, потом снова на меня: — Хочешь честно? Я думал, что она погибла, Анна. Мне легче было поверить в ее смерть, чем продолжать надеяться.

Признание добивает его: он склоняет голову и содрогается с сухими глазами. Плачет без слез. Это ужасно.

— Ты можешь простить меня?

Видимо, самое время подойти к мужу, обнять его и тоже заплакать, признаться, что и сама ждала худшего. А потом выложить ужасную правду: я оказалась права. А значит, прав был и Том. Прав, когда трахнул Альму, когда спас ее дочь, вместо того чтобы надеяться на спасение нашей. Потому что в то время, когда он отдал Альме деньги, Джули уже была мертва. Мертва, мертва, мертва.

Но я не могу подойти к нему и утешить: я ненавижу его за мысли о смерти Джули. Если я и надеялась все эти годы, то только благодаря его надежде. Мысль о том, что мы, замкнутые каждый в своей скорлупе, год за годом оплакивали Джули в одиночестве, скрывая это друг от друга, угнетает меня и приводит в ярость. Все эти годы я завидовала вере мужа. Если бы я знала, что он сомневается, тогда надеяться стала бы я. Ходила бы на эти встречи, вела бы поиски, пока не кончатся деньги. Всем этим занималась бы я.

— Анна, пожалуйста, — шепчет он, поднимая глаза.

Я молча ухожу с кухни. Мне пора на встречу, которую я назначила Алексу после того, как он

рассказал мне о фонде Джули, но сначала надо найти кое-что в тумбочке. Кафе, где мы договорились увидеться, находится слишком близко от дома, но я хочу побыстрее разобраться с этим, пока не передумала.

Конверт из плотной бумаги стал толще, будто он постоянно ел с тех пор, как я видела его в последний раз. Он больше не закрывается, лежит с разинутой пастью на липком столе; его содержимое частично скрыто загнутым клапаном. Интересно, какие сведения Меркадо собрал в этом конверте обо мне и Томе, об Альме Руис, о Гретхен Фарбер? Здесь вся моя жизнь, на которую слой за слоем накладывается ложь, но на самом дне я вижу глянцевый уголок правды: фотографию. Большим пальцем я прижимаю клапан конверта к столу и вытаскиваю снимок, держу его в руках и заставляю себя не отводить взгляд. Оригинал намного больше обрезанной картинки на мониторе и намного ужаснее: кости от вспышки фотокамеры выглядят грязно-желтыми, череп свесился набок, в каждой пустой глазнице — полумесяц отраженного света. В черных разводах на клочке ткани, прилипшем к грудной клетке, я вижу кошмарную пародию на персонажа детского мультфильма. Но мне нужно тело, чтобы его похоронить.

Я пытаюсь нарисовать лицо дочери поверх ужасной пустоты черепа: наращиваю мягкие щеки, заполняю глазницы голубыми глазами, представляю белокурые волосы, рассыпавшиеся

по полу. А потом ловлю себя на том, что думаю о Джули — вернее, о не-Джули. О девушке, живущей в моем доме, которая уверяет, что она моя дочь, — ради денег, ради развлечения или по какой-то другой причине, слишком страшной, чтобы представить. Ее лицо вторгается в мои фантазии даже в такой момент. Фотография расплывается в глазах, но я продолжаю смотреть, а по лицу катятся слезы.

— Мне очень жаль, Анна, — мягко произносит Алекс и кладет руку мне на предплечье, держит не дольше, чем позволяют приличия, затем отстраняется.

Я опускаю фотографию на стол так осторожно, как положила бы ребенка в кроватку.

— Теперь вы уверены? — спрашивает Алекс тихо, но в голосе чувствуется беспокойство. — Почему?

Я лезу в сумочку, достаю свою фотографию, кладу ее на стол и поворачиваю обе картинки к Алексу. Он резко втягивает воздух и выдыхает:

— Ночная рубашка. Как же я сам не догадался...

— Достаточно увидеть обе фотографии вместе, чтобы убедиться окончательно.

Наш снимок сделан на Рождество, за девять месяцев до беды. Джули сидит на полу перед нашей последней елкой, держа в одной руке свой новый дневник, а в другой — слишком большую коробку, в которую мы нарочно его запаковали, чтобы разыграть ее. На фотографии она улыбается с тем выражением непосредственного, неосознанного

счастья ребенка, который еще настолько мал, что верит в рождественские чудеса.

— Почему у полиции этого не было? — бормочет Алекс, продолжая рассматривать фотографию.

— Они попросили последние снимки, — объясняю я. — Я даже не подумала об этой фотографии. Я хочу сказать... только посмотрите на нее. Здесь она еще совсем ребенок.

Между счастливым праздничным вечером, когда была сделана фотография, и той страшной ночью, когда исчезла Джули, прошло всего девять месяцев. Как она могла так сильно измениться за это время? Думаю, все дело в улыбке. Это последняя фотография Джули, где она улыбается до ушей, как все маленькие дети, обнажая в улыбке все зубы. Вскоре она превратится в молчаливого подростка. А потом исчезнет.

— Нет-нет, — говорит Алекс. — Я вот о чем: в материалах дела нет ни одной ее фотографии в этой ночной рубашке, только описание. Я полагал, у вас просто не нашлось таких снимков. Недосмотра не случилось бы, будь у нас... — Он замолкает, качает головой, снова смотрит на две фотографии и вздыхает. — Так или иначе, это опровергает мою теорию.

— Какую теорию?

— Что Джули сама сбежала из дома.

Я смотрю на него во все глаза.

— Да ладно, Анна. А то вы не предполагали такую возможность? Случившееся не похоже на похищение, — качает головой детектив.

— Но Джейн видела...

— Свидетельские показания десятилетнего ребенка? Под таким углом, из глубины шкафа, в темном доме? Не очень-то надежно, — скептически улыбается он. — Честно говоря, Анна, у меня были веские основания полагать, что ваша дочь Джейн все это выдумала или ее уговорили солгать. Или если она что-то и видела, то не понимала, что именно.

— Но... — «Ей дали леденец, чтобы она выдержала долгий сеанс с полицейским художником-портретистом», — хочу сказать я, но сама понимаю глупость этого замечания. — А как же расследование?

— Конечно, дело было большое и громкое, искали по всем направлениям. Но за неимением других зацепок следователи готовы были принять рассказ Джейн всерьез — во всяком случае, на публике. Хотя за закрытыми дверями — поверьте мне, я был там и знаю, куда направлялся ход их мыслей. Я сам слышал.

— Не может быть, — говорю я. Мне необходимо возражать, потому что версия Алекса хуже любого из моих кошмаров. Вот уж чего я совсем не допускала. Не допускала, потому что даже не думала об этом. Хотя сейчас, когда в ушах звучит слово «сбежала», а не «похищена», я вдруг начинаю колебаться.

Словно прочитав мои мысли, детектив, загибая пальцы, начинает перечислять:

— Во-первых, нет серьезных признаков взлома: как будто кто-то просто покрутил отмычкой,

а потом открыл дверь ключом. Даже сигнализация не сработала.

— Мы иногда...

— Знаю, вы включали сигнализацию не каждую ночь, — кивает он. — Может быть. А может, Джули сама ее отключила. Во-вторых, никакого оружия.

— Нож...

— Ваш нож, который он забирает из кухни, когда проникает в дом. То есть он приходит к вам посреди ночи совершенно безоружным. И идет прямо вверх по лестнице, словно точно знает, в какой комнате...

— Мы все это обсуждали с полицией. Там сказали, что он, вероятно, следил за домом.

— Я не говорю, что он не следил, — замечает Алекс. — Я лишь повторяю слова полицейских. Я был там, помните? И видел материалы дела.

Я сдаюсь: у меня нет возражений.

— В-третьих, следователи не верили, что там был мужчина. А даже если и был — Джули почти наверняка знала его, Анна.

Я изо всех сил стараюсь не повышать голос, поэтому говорю сдавленно:

— Послушайте, мне все равно, знала она его раньше или нет. Ей было всего тринадцать. Произошло похищение ребенка.

— Совершенно верно, это все равно преступление. Но расследование в таких случаях приобретает совсем иной характер. Беглецов гораздо труднее найти, потому что они не хотят, чтобы их нашли. — Он выжидает секунду, словно взвешивая,

стоит ли говорить, затем решительно высказывается: — Не знаю, как объяснить, но если бы подобное случилось в моем районе, я бы не сомневался, что девушка сбежала.

— Но Джули было всего тринадцать.

— Как и Стефани Варгас. Она села в машину с другом семьи в две тысячи пятом году. Моя младшая сестра училась в средней школе вместе с ее братом. Мы и пальцем не пошевелили ради семьи Варгас. Они с братом жили у дяди, а мама навещала родственников в Мексике. — Он вздыхает. — Стефани была отличницей. Играла на кларнете. Репетировала каждый день. — Алекс смотрит мне прямо в глаза. — Ее тело нашли менее чем в миле от дома. Сбросили в дренажную канаву.

Я сжимаю губы. Теперь лицо Меркадо кажется мне гораздо старше, и я замечаю на нем шрамы. Меня распирает ярость.

— Значит, вы знали, — говорю я. — Вы знали об этом, знали, что полиция на самом деле не искала Джули, не искала ту, другую девочку. Но вместо того, чтобы продолжать расследование, бороться за всех пропавших, — «и за Джули, Джули, Джули», — вы просто, мать вашу, свалили?!

— Я не свалил. Меня выгнали.

— Раньше вы говорили другое.

— Врал.

«Не ты один, — думаю я. — Тут все врут».

— Тогда почему же вы не пришли к нам? — неумолимо спрашиваю я. — Если вы такой

благородный рыцарь, то почему решили встретиться со мной только сейчас? Где вы были восемь лет назад?

— Точно не скажу, но рискну предположить, что валялся пьяным в общественном туалете. Или на стоянке, или за мусорным контейнером. Надо хорошенько постараться, чтобы из полиции выгнали за пьянство. Требуется много времени и сил. — Он вздыхает. — Послушайте, честно говоря, даже протрезвев, я был не слишком уверен в своих догадках. — Он наклоняется вперед. — Но я пытался найти ее. Поверьте мне, Анна, я пытался.

— А почему вас вообще так волнует наше дело?

Меркадо неловко пожимает плечами:

— Некоторые случаи не забываются. Западают в душу. Видишь, что облажался, а доказательств нет.

Мы оба смотрим на фотографии на столе.

— То есть до сих пор не было, — поправляет себя Алекс. — Теперь мне не нужен образец ДНК, достаточно снимков. С этим уже можно идти в полицию. А вам даже не обязательно участвовать. Они сравнят заключение судебно-медицинской экспертизы по останкам с данными Джули. И мы услышим то, что уже знаем. — Он смотрит мне в глаза. — Только скажите.

Но я ничего не могу сказать.

— Итак, вы разрешаете мне действовать от вашего имени?

Я отвожу взгляд и киваю.

— Знаю, уже слишком поздно, Анна. И я никогда не исправлю того, что сделал или не сделал, пока пил. Но это все, что у меня есть. — Он делает паузу. — Только так я и могу принести свои извинения.

— Мне не нужны ваши извинения.

Мне нужна моя малышка.

Малышка

проснулась, но глаз не открывала. Внутри нее все разрывалось от боли, словно живот превратился в гигантский сжатый кулак. Словно она заснула с резинкой в мокрых волосах и попыталась утром выдрать ее. Словно нутро пыталось удержать то, чего больше не было. Она согнулась пополам и сжалась в надежде заполнить вакуум, образовавшийся в животе, но тело не слушалось, и когда она попыталась обхватить колени руками, запястья будто прижало к земле мощными магнитами.

Она так и осталась лежать на боку, с онемевшими руками, прижав колени к подбородку. Тело двигалось вяло, но разум просыпался быстро. Низ живота так болел, что по спине пробегала дрожь, звенело в ушах, как будто тревожно били в колокол, который звонил все громче и громче. Зато она победила. Эсфирь вытекала из нее вместе с кровью на толстый жгут полотенца, зажатого между ног. Наконец-то она избавится от Эсфири, а вместе с ней — и от последних частичек Джона Дэвида.

Она попыталась вызвать в воспоминаниях его образ, каким он представлялся ей раньше,

в колеблющемся сияющем ореоле. Но ореол превратился в светящийся шар лампы над кухонным столом, где она лежала, широко раздвинув ноги, и силуэт в окружении света был не Джоном Дэвидом, а человеком в хирургической маске и перчатках, который дал ей сладкую пиллюлю, чтобы размазать ее по столу, пока она не провалилась прямиком сквозь него. Тогда ее дух устремился вверх, туда, к сияющему ореолу, который оказался просто светильником, в котором пыльной кучкой валялись дохлые насекомые с выжженным нутром. Собрав последние остатки воли, она влетела в этот шар света и сгорела там, как и эти несчастные создания. От нее осталась лишь оболочка, которую она могла заполнить чем хотела.

Когда она снова очнулась, боль была совершенно непереносимой. Матрас нещадно давил на кости. Да что же это за кровать такая? Поскольку вокруг было темно, девочка не сразу поняла, что никакой кровати нет. Она лежала на бетонной плите под мостом; в нос били запахи бензина и чего-то кислого. Дженис сидела в нескольких футах от нее, ее голова и плечи выглядывали из-под груды одеял. Девочка пошевелилась, и Дженис повернулась к ней.

— Эй, малышка, тебе лучше? — Дженис наклонилась вперед и поправила несколько одеял, не покидая гнезда. — Навела ты тут шороху.

Она открыла рот, чтобы пожаловаться на боль, но сумела лишь застонать, как будто кулак в животе сжал и легкие.

Дженис кивнула:

— Понимаю, у тебя спазмы. Жуткое дело. У меня тоже были дикие спазмы после операции.

Девочка моргнула, представив Дженис с ребенком в животе.

— Мне нечего дать тебе, малышка, чтобы полегчало. Ой, не смотри на меня так! Доктор Смит не отправляет домой как есть. Он вкалывает двойную дозу, которая даже ишака с ног свалит, но потом говорит: «Больше ничего не получишь, иначе продашь», или «Ты все снюхаешь».

Теперь женщина говорила больше сама с собой, но громко, словно под мостом собралась аудитория, хотя там никого не было, кроме голубей, похожих на вереницу чучел, выстроенных под бетонной опорой, заляпанной пометом.

Девочка вновь открыла рот, чтобы заговорить, но у нее опять перехватило дыхание.

— В чем дело, малышка?

— Перестань называть меня малышкой.

Дженис равнодушно взглянула на нее:

— Ну да, ты уже не та девочка в парике. Как тебя зовут?

Она на минуту задумалась, но промолчала.

— Вот именно, — кивнула Дженис. — Не переломишься, если я пока буду звать тебя малышкой.

Женщина снова наклонилась и протянула руку. Пальцы коснулись волос девочки, и та вопреки своей воле расслабилась. Пальцы были теплыми, с шероховатой кожей, которая цеплялась за волосы.

Девочка всю ночь пролежала на боку, но не спала. Боль внизу живота затмевала все остальные чувства.

— Тебе нужно поесть, — сказала Дженис. — Подожди, вот придет Пит, тогда чего-нибудь достанем.

Девочка решила не спрашивать, кто такой Пит, просто кивнула.

И они стали ждать Пита. Временами мимо проносились машины, иногда одна за другой, иногда с интервалом в полминуты или по одной каждые десять секунд. Девочка считала их, но со своего места не могла разглядеть, какого они цвета, какой марки. Дженис пристально глядела на автостраду, неподвижная, как голуби.

Когда Пит наконец пришел, бетонный пандус завибрировал под его тяжелыми шагами, и хотя эта вибрация была едва заметна, она отдалась в теле девочки острой болью. Казалось, внутренности у нее дребезжат, как колеса тележки для покупок, которую Пит толкал перед собой. Подойдя ближе, он привязал тележку к опоре моста, чтобы она не скатилась по бетонному склону.

— Где ты шляется? — проворчала Дженис. — Я уж думала, мы так здесь и подохнем. Слушай, Пит, пригляди за ней, чтобы я могла пойти перекусить. Умираю с голоду. Проторчала с малышкой весь день и всю ночь.

— Что нужно, Джей? — спросил он, даже не взглянув на девочку.

— А у тебя есть обезболивающие? Опиаты?

— Ишь чего захотела! — усмехнулся Пит. — Конечно, я могу достать, но тебе придется меня хорошенько ублажить, поняла?

— Тайленол?

— Нет уж, извини.

— На что, черт возьми, ты годишься, Пит?! Какого хрена мы сидели здесь всю ночь и ждали твою жалкую задницу?

— Ищи сама тайленол, если хочешь.

— Только не с ней, — возразила женщина, кивая на девочку. — Она даже стоять не может.

— Обратись в клинику.

— Никаких клиник, — произнесла Дженис охрипшим голосом.

— Ну как хочешь, — пожал плечами Пит. — Что у меня есть, так это немного травмы.

— Я знала, что от тебя будет прок, — улыбнулась женщина. — Давай ее сюда. Малышка, у меня есть кое-что для тебя. Это поможет, поверь.

Девочка заставила себя подняться, но передвигаться по неровному бетону оказалось труднее, чем она думала.

— Ну же, ты идешь или нет? Травка снимает спазмы. А потом я принесу нам чего-нибудь поесть.

Девочка попыталась выпрямиться и увидела, что Пит впервые посмотрел на нее. А потом воздух наполнился странным ароматом, отдаленно напоминающим запах внутри обуви и одновременно пара над чашкой горячего чая. Противным он не был.

— Вот, милая, — сказала Дженис, тыча косяком ей в лицо.

Как-то раз один мальчик принес такую штуку в школу, и другие ребята говорили, что это душица. Когда Дженис протянула девочке теплую самокрутку, она вспомнила тот запах.

— Да ты издеваешься, — скривилась Дженис, видя ее смущение. — Ты действительно не знаешь, как с этим обращаться? Сейчас покажу. Вот так, малышка... — Она взяла кончик косяка потрескавшимися, сморщенными губами, затянулась, задержала дым в легких и выдохнула его с кашлем. — Ты и впрямь совсем малышка. — Она снова протянула косяк девочке.

Та осторожно сжала губами влажный кончик и втянула дым. Ощущение в груди удивило ее: как будто что-то тяжелое и острое надавило на ребра. Она попыталась удержать дым в легких, но судорожно закашлялась, отплевываясь.

— Ничего страшного. Для первого раза нормально, — успокоила Дженис. — Затянись еще. Обо мне не беспокойся, детка, сама докури. Это все для тебя. Я просто показала. Мне ничего не нужно.

— Ага! — поддел ее Пит. — Ничего не нужно, как же. Никогда не видел, чтобы ты отказывалась от своей очереди.

— Я просто показала ребенку, как это делается! — возмутилась Дженис.

Тем временем девочка снова закашлялась. Вскоре она почувствовала, будто изнутри ее

приятно обволакивает густой сироп, кашель прекратился, а в животе появилось сладостное ощущение, что кулак разжался. Или он все еще был там, по-прежнему крепко стиснутый, но ей уже стало все равно, потому что мышцы начали расслабляться и превращаться в эластичную субстанцию, как жвачка, которая может растягиваться до бесконечности. По коже пробежал озноб, волоски на руках превратились в чувствительные антенны, и над ними замелькали светящиеся точки, похожие на пузырьки, как в лимонаде. Она чувствовала себя такой счастливой, такой защищенной. Даже бетонный пандус превратился в таинственную пещеру с сокровищами. Девочка и была этим сокровищем, спрятанным в темной глубине, где ее никто не найдет.

— Тебе лучше, малышка? — спросила Дженис, и девочка кивнула. Губы у нее разомкнулись будто сами по себе, и из них вырвалось:

— Да, спасибо.

— Какая вежливая! Это хорошо. Очень хорошо. Продолжай курить. Только скоро ты проголодаешься. Пойду раздобуду немного еды. Вот Пит, он посидит с тобой.

Девочка кивнула и проводила женщину взглядом. Какая Дженис, оказывается, искусница, точно акробат в цирке: держится на ногах и не падает, хотя весь мир наклонен, а она ловко балансирует на самом краю. Девочка попыталась нагнуть голову, чтобы мир встал на место, но он снова накренился. Тогда она вспомнила,

что пандус и был наклонным, и это открытие показалось таким забавным, что она рассмееялась. Теперь живот у нее болел от смеха, а не от спазмов. Девочка уже забыла, из-за чего возникло ощущение вакуума внутри нее. Ведь там ничего нет. Она сама — ничто. К этому времени Дженис уже скрылась из виду, а потом девочка поняла, что происходит. Конечно, уже поздно было сопротивляться, ее пригвоздило к бетону, точно куклу с широко раскрытыми стеклянными глазами, которые не закрылись, даже когда Пит, источая невыносимую вонь, залез к ней в спальный мешок и принялся шарить у нее под одеждой. «Ну и ладно», — сказала она себе, отчетливо понимая, что звать Дженис или кого-то другого бесполезно. Девочка подавила приступ паники, готовый захлестнуть ее. Разве не она сама ступила на этот путь еще тогда? Впредь только ей позволено выбирать, куда идти и чем себя наполнить. А прямо сейчас ее наполнял Пит, и она делала с ним то, что должна была сделать, в обмен на теплую патоку ароматного дыма, обволакивающего блаженством израненные внутренности.

Время тянулось так медленно, что девочка успела придумать, как быть дальше. Она лежала в спальном мешке, словно в пузыре, с человеком по имени Пит. За пределами мешка были голуби, машины, чьи фары освещали место за опорой моста лишь на четверть секунды, но за эти краткие мгновения она успела разглядеть, что у мужчины

крепкие кулаки, а из кармана торчит рукоятка ножа. Почему бы и нет? Это будет не первый украденный ею нож.

Девочка лежала неподвижно, дожидаясь, когда все закончится, и под углом глядела в пустоту, в ничто.

13

Я выжидающе наблюдаю за ней всю неделю.

Теперь я благодарна за короткие рыжие волосы, которые одновременно и открывают, и скрывают ее лицо. Я изучаю ее черты, но не с сокровенной материнской любовью, а с любопытством постороннего. Я стараюсь не связывать настоящую Джули с фальшивой, не сравнивать забытые милые черты с чертами этого нового лица, а заново изучить каждый изгиб и каждую ямочку. Подбородок у нее изящный и заостренный, а челюсти шире, чем кажутся с первого взгляда; высокий лоб испещрен первыми морщинами, которые уже ничто не разгладит. Я пытаюсь вспомнить, такой ли угол был у Джули между переносицей и кончиком носа, рассматриваю линию ноздрей.

Я слежу за Джули украдкой, стараясь не встречаться с ней взглядом. Слишком опасно. Если она посмотрит прямо на меня, воображение у меня снова разыграется.

Так или иначе, ей со мной явно неловко. В среду утром она роняет в раковину стакан, и тот разбивается; Тому приходится взять ее за плечи и отодвинуть в сторону, чтобы собрать осколки.

Она бежит к себе комнату и закрывает дверь резко, но почти бесшумно, будто играет роль в неом фильме. Она способна подниматься и спускаться по лестнице без единого скрипа или шороха. Интересно, расхаживает ли она по своей спальне. Внизу ничего не слышно.

С Томом я ничего не обсуждаю. Мы не разговариваем с понедельника, он спит в пустой комнате Джейн, куда перенес свой компьютерный стол. Полагаю, он работает там днем. Может быть, Джули заходит к нему, а он смотрит на экран и старается ничего не замечать.

Что касается меня, то я тоже хожу на работу. Как только я оказываюсь в своем кабинете, дверь которого запирается на ключ, уже ничто не может мне помешать. Я не обращаю внимания на преподавателей и студентов, проходящих по коридорам. Я опускаю голову на стол, рядом с мобильным телефоном, и жду звонка от Алекса, жду известий об экспертизе ДНК.

Иногда я начинаю терять терпение и представляю, как сама звоню в полицию и рассказываю о своих сомнениях относительно девушки, которая поселилась в моем доме. Тогда все пойдет гораздо быстрее. Но я выбросила номер Оверби, и, чтобы найти его снова, потребуется больше силы воли, чем у меня есть.

Кроме того, как сказал Алекс, мне лучше держаться в стороне. Эта девушка никогда не узнает, что именно я была инициатором проверки. В этом и состоит прелесть опознания трупа, а не живой девушки.

И что будет, когда они получают результаты? Я представляю, как полиция врывается в дом, готовая надеть на нее наручники и утащить прочь. Она сидит на диване под пледом, смотрит фильм, оборачивается на шум. Я пытаюсь представить ее реакцию на появление полиции. Ужас? Ярость? Но вместо этого перед глазами появляется ее лицо, когда она смотрела на светящийся экран аппарата УЗИ: бездонное горе и безнадежное отчаяние.

А вдруг я все-таки ошибаюсь?

Но я борюсь с привычной надеждой. Когда она снова закрадывается в сердце, я заставляю себя думать о фотографии.

Отсюда до мыслей о пистолете Тома рукой подать. Когда это мой муж посещал занятия по стрельбе, когда он получил разрешение на владение оружием? Еще одно дело, которое он провернул сам, без меня. Впрочем, оно не заняло у него много времени. Я и сама когда-то собиралась купить пистолет, ходила на стрельбище и тренировалась, чтобы получить лицензию. Я стреляла в бумажный силуэт человека из чисто прагматических соображений, убеждая себя, что хочу быть готовой, если подобное повторится. Я лгала самой себе, притворяясь, будто учусь стрелять для самообороны. На самом же деле я хотела убить похитителя. Каждый раз, когда пистолет стрелял и меня пронзала отдача, я испытывала радостное возбуждение при мысли, что, даже если промахнусь мимо сердца, зато попаду в плечо, колено или в пах, и тогда смогу стрелять в него снова и снова. Я жаждала убивать его целую вечность.

Однажды по дороге на стрельбище я осознала, кого на самом деле хочу убить: не похитителя Джули, а другого человека, того, кто действительно виноват в ее смерти, даже если никто не обвиняет его. Единственный человек, которого я могла привлечь к ответственности, — это я сама. На стрельбище застрелиться легче легкого. Даже не нужно владеть оружием, чтобы выстрелить из него. В тот день шел такой ливень, словно хляби небесные вывернулись наизнанку, и я чуть не разбила машину, добираясь до стрельбища. Но была настолько пьяна, что не смогла написать свое имя на листе регистрации, и меня прогнали.

Больше я туда не возвращалась. Долгий период моего пьянства подошел к концу, и когда я окончательно протрезвела, то решила не покупать пистолет. Но в нашей жизни действуют законы неизбежности. Пока я лила в машине пьяные слезы в попытке отшатнуться от края пропасти, где-то на другом конце города Том принял другое решение.

И теперь у нас в доме есть оружие. Наверное, так и было суждено. Теперь, когда я снова потеряла дочь, я могу воспользоваться им.

В пятницу вечером, после ужина, Том поднимается в комнату Джейн и закрывает дверь, а я сижу на диване и лениво щелкаю пультом, пролистывая кабельные каналы. Что-то должно произойти, что-то должно измениться. Почему-то я уверена, что это случится сегодня.

На середине повтора очередного эпизода сериала «Розанна» Джули подтверждает мое предположение. Она быстро проходит мимо меня. Я слышу, как открывается дверь гаража, вижу через кухонное окно отъезжающую машину Тома. Оставив телевизор включенным, выжидаю несколько минут и следую за Джули в своей машине.

Вечером автострада гораздо свободнее, и ее огни быстро мелькают мимо, а не медленно прокручиваются, как днем, когда из-за пробок еле ползешь. Выцветшие вывески, новостройки и многоквартирные дома выглядят ночью плоскими и скучными. Я едва различаю их. «Ренджровер» впереди меня ловко объезжает другие машины, лавируя по полосам. «Слишком уж хорошо она водит для новичка», — думаю я с некоторым сарказмом. Хотя на дороге полно машин, я не упускаю внедорожник из виду. Он возвышается над другими машинами и хорошо виден даже из моего приземистого маленького «приуса». Я понимаю, куда мы направляемся, еще до того, как она включает сигнал поворота.

Ночью «Врата» напоминают гладкий холм под сияющим куполом. Наземная стоянка переполнена. Очевидно, начинается одна из вечерних служб, самых посещаемых. Я сворачиваю на крытую парковку, где одетые в униформу сотрудники направляют шеренгу ползущих машин дальше вверх, а нескончаемый поток людей стекает по центральной лестнице. Я еду туда, куда мне указывают, поднимаясь мимо тысяч машин на самый верхний уровень парковки.

Проезжая лестницу, я каждый раз бросаю взгляд на вереницу прихожан, но, только свернув на верхний уровень и направляясь к свободным местам, наконец замечаю Джули, идущую вниз вместе с остальной толпой. На ней длинная юбка и кардиган, который я купила ей лишь несколько недель назад, когда все было по-другому.

Припарковавшись, спускаюсь по лестнице вместе с отстающими: худощавой пожилой парой в одинаковых джинсовых рубашках и с блестящими пряжками на ремнях; дамой с кожаной сумочкой, на которой болтаются массивные серебряные амулеты; чернокожей женщиной примерно моего возраста, в джинсах и блузке с оборками, толкающей перед собой двух детей; старушкой с тростью; высоким латиноамериканцем с пузом и грушевидной головой, который нетерпеливо расталкивает идущих впереди. Мы выходим на наземную стоянку, затем в вестибюль, который кишит людьми. Вечером мониторы, проекторы, монотонный гул, который не могут заглушить ни толстый ковер, ни мягкие половички, создают ощущение, что мы на стадионе. От всеобщего напряжения и возбуждения воздух кажется наэлектризованным, так что становится ясно: вся обстановка изначально рассчитана на то, чтобы взвинтить, взволновать людей.

Эскалаторы, разделяющие вестибюль пополам, заполнены людьми, но Джули нигде не видно. Я торопливо прохожу мимо информационной стойки и ступаю на эскалатор, чтобы приподняться над гудящей толпой и осмотреться. На верхней

ступеньке нас встречает худошавая женщина. Она смотрит на меня большими ясными глазами за стеклами огромных очков:

— Программку?

Я беру у нее из рук глянцевого буклет, все еще осматривая переполненное помещение в поисках Джули, и женщина замечает мою нерешительность.

— Первый раз здесь? — спрашивает она с сильным хьюстонским акцентом, растягивая гласные и проглатывая согласные.

— Да, — киваю я, и она кладет руку мне на плечо:

— Послушайте, милочка, вот что вам надо сделать. Спуститесь по эскалатору, и... видите информационную стойку справа? Ну, обычно Шина стоит здесь вместе со мной, но сейчас она там, внизу, вы увидите...

Я начинаю паниковать. А вдруг Джули меня заметит?

— Можно мне просто сесть?

— Конечно, дорогая, — говорит она и кричит мне вслед: — Но, поскольку вы новенькая, нам хотелось найти вам место получше!

Для меня лучшее место там, где можно видеть всех, не привлекая внимания. Я следую за потоком людей мимо комнаты с табличкой «Причастие», мимо видеозэкранов и пустого киоска, где раньше, когда тут был планетарий, наверное, торговали напитками или билетами. А затем попадаю в святыхище.

Оно чудовищных размеров. В лучах множества прожекторов на высоте сотен футов танцуют пылинки под куполом синевато-черного свода, имитирующего ночное небо. Замысловатый узор, похожий на созвездия, видимо, тоже остался от планетария. Вместо прежнего искусственного газона вокруг простираются сотни квадратных метров бежевого ковра. Складные сиденья амфитеатра обиты темно-синей тканью. Высокий помост в центре устлан красным ковром, по бокам импровизированной сцены — экраны. Телевизионная камера на подъемном кране проносится у нас над головами. Создается впечатление, что идут последние приготовления к шоу. Я нахожу свободное место в середине верхней секции, ближе к проходу, и усаживаюсь.

Через несколько минут свет гаснет, и огромный зал взрывается аплодисментами. Зрители встают, по рядам проходят волны, все кричат: «Иисус жив!» и «Хвала Господу!». Оркестр играет драматическое вступление — аккомпанемент пульсирует в ритме сердца. На помост выходят семеро певцов в сценических костюмах и с беспроводными микрофонами в руках. Внезапно оркестр разражается бравурными аккордами, тяжелый ритм гулко отдается в груди. Музыка грохочет, как на рок-концерте, баскетбольном матче или ралли грузовиков. Начинается лазерное световое шоу. Яркие лучи зеленого и синего света проносятся по амфитеатру. Один из них скользит по моему лицу всего лишь долю секунды, однако и этого достаточно,

чтобы я почувствовала резкий прилив адреналина: химическая реакция организма на поток мощного света. На память приходит строка из стихотворения Вордсворта: «Займется сердце...» Мне всегда было интересно, на что это похоже. Музыка оглушает, хотя религиозный гимн больше напоминает сентиментальную песню на титрах фильма о влюбленных подростках. На экранах стремительно сменяются изображения: искаженные лица семерых солистов, вспотевшие музыканты, закаты и рассветы, распускающиеся в ускоренной съемке цветы. Молодые люди мчатся на джипе по дюнам; красивая блондинка лежит у костра; чернокожий ребенок с пухлыми ножками бежит, спотыкаясь, к белой женщине, которая стоит на коленях с протянутыми руками; парусник скользит по гигантскому озеру, а над ним быстро летят облака.

Через несколько минут солисты расступаются — и в круг входит одинокая фигура, движущаяся к передней части сцены. Люди начинают размахивать руками, крики «Хвала Господу!» звучат все громче.

— Я здесь ради вас, — говорит человек. — И Господь тоже.

Я узнаю голос, который звучал в «Круге исцеления», но самого Чака Максвелла вижу впервые. Он напоминает популярного исполнителя песен в стиле кантри на хьюстонском празднике урожая или героя мыльной оперы. Экран показывает самые добрые голубые глаза, какие я когда-либо видела, окруженные сеточкой морщин.

— Я здесь, чтобы сказать вам: у Господа есть великие дела для вас, его детей! — вещает Максвелл под крики и аплодисменты. — И здесь вы по одной причине: чтобы славить его святое имя. Потому что ничто не происходит случайно в этой великой Вселенной, созданной Господом. Господь сильнее твоих бед. Воздай ему славу, и они уйдут!

— Аминь! — вопит кто-то за моей спиной.

Максвелл делает паузу, позволяя зрителям покричать, и улыбка топорщит его бороду. Затем он продолжает:

— Слушайте!

Еще одна драматическая пауза. Музыка нарастает, люди переминаются с ноги на ногу, раскачиваясь взад-вперед.

— Говори, Чак! — раздается чей-то голос.

— Скажу! Обязательно скажу! — восклицает проповедник. — Почему вы сегодня здесь, люди? Позвольте спросить, почему вы здесь?

Он протягивает микрофон в зал, а другую ладонь прикладывает к уху, как бы прислушиваясь, а зрители в один голос кричат:

— Потому что мы хотим счастья, Чак!

Он подносит микрофон обратно к бороде:

— Верно, вы здесь из-за этого. Но не бывает ни счастья, ни несчастья в этой вселенной, которую Господь создал для нас. Он любит каждого, мы все его избранники, и он уготовил нам такое, чего мы и представить не можем. И что бы ни дал нам Господь, — проповедник снова делает паузу, — оно того стоит!

Крики и аплодисменты раздаются снова, солисты проходят вперед, затягивая новый гимн, и скрывают Максвелла от моего взгляда. Мужчина, сидящий слева, хлопает меня по плечу и протягивает синее пластиковое ведро, наполненное конвертами и наличными; на самом верху лежит хрустящая стодолларовая купюра. Я передаю ведро служителю в конце прохода, который блаженно улыбается мне, хотя я ничего не положила.

— Вы, все вы, знайте: его благодать прольется на нас дождем, — доверительно говорит Максвелл, когда музыка стихает. — Я знаю, что вам страшно. Знаю, что у вас изнурительная работа, или больной ребенок, или коллекторы, донимающие вас просроченными счетами; я знаю, что ваш зять еще не пришел к Иисусу. Вы включаете новости, и вам кажется, что мир становится все темнее, все больше отворачивается от Бога. Я здесь, чтобы сообщить вам отличную новость: не надо тревожиться! Пусть Господь позаботится о вашем соседе и о вашем ребенке, о вашем домовладельце и о вашем начальнике. Счастье, которого вы так ждете, придет, и если оно пока не пришло, то по единственной причине: ваша вера еще недостаточно сильна!

Снова звучит музыка, но в более спокойном темпе, теперь она и правда похожа на религиозное песнопение.

— Пока звучит следующий гимн нашему Господу, мы с помощниками сойдем с этой сцены, и любой, кто захочет, сможет подняться сюда

и помолиться вместе со всеми. Просто подойдите к главе своей секции, и вас выслушают и помогут вместе с вами, чтобы вам достало мудрости увидеть, сколько счастья Господь уже дает вам. А остальные могут остаться на местах и послушать наших замечательных вокалистов, которые споют нам о любви Господа.

Толпа в едином порыве поднимается и устремляется к помосту, и тогда я начинаю понимать, для чего нужны «места получше». Людская река лавиной течет по проходам, в то время как Максвелл и горстка его подручных тихо переговариваются с первыми зрителями, попавшими на сцену. Я смотрю по сторонам, выискивая рыжеволосую девушку, но устремленная к сцене толпа превращается в хаотическую массу, несущуюся вперед и готовую смести любого на своем пути, лишь бы высказать проповеднику свою личную молитву.

Именно в тот момент, когда я решаю, что найти Джули не удастся, она вдруг появляется на экране: крупным планом высвечены черты ее лица, которые я так тщательно изучала, а сейчас они увеличены в сотни раз и парят над головами зрителей. Я замороженно смотрю, как Максвелл подходит к ней и наклоняется, брови у него сострадательно изогнуты, он кладет руку ей на плечо. Рыжеволосая девушка поднимает к нему лицо, встает на цыпочки и придвигается так близко, что кажется, будто она собирается поцеловать его. Она прижимается губами к уху проповедника и что-то шепчет. Выражение лица Максвелла резко меняется. Глаза у него внезапно расширяются, брови взлетают

вверх, а рот открывается в судорожном вздохе, будто Чака ударили коленом в пах.

Камера поспешно переключается на другого прихожанина.

Я перевожу взгляд с экрана на сцену, отчаянно пытаюсь не потерять девушку из виду, пока она не растворилась в толпе. Вот она, одной рукой держится за плечо Максвелла, все еще стоя на цыпочках, чтобы быть вровень с ним, а пальцем другой руки тычет ему в грудь. Он отшатывается, а девушка поворачивается, чтобы уйти. Двое мужчин в костюмах, выскользнув из толпы, направляются к ней, но Максвеллу удается их опередить: он делает выпад, хватает ее за плечо и наклоняется вперед. Тело у него напряжено, он пытается удержать Джули, прижимает ее к себе крепче, чем позволяют приличия, но она вырывается из его объятий, отталкивает проповедника и скрывается в толпе, прежде чем два телохранителя успевают остановить ее.

Когда я снова перевожу взгляд на Максвелла, он уже разговаривает со следующей зрительницей из очереди, их лбы так близко, что почти соприкасаются, но даже мне понятно, что думает он не о женщине, которой отпускает грехи. Он думает о Джули, а Джули больше нет.

Я поднимаюсь со своего места, чтобы последовать за ней, но потом сажусь обратно. Она на первом этаже, а я наверху; к тому времени, как я доберусь до выхода, она будет уже на полпути к машине Тома, а я припарковалась гораздо дальше нее. В любом случае я понятия не имею, что

я видела минуту назад, и даже не представляю, о чем говорить, если мне удастся ее догнать. Ясно одно: судя по встревоженному выражению лица Максвелла и той интимности, с которой они обнялись, они знают друг друга. Что же она прошептала ему на ухо? Угрозу? И что может быть общего у Джули с Максвеллом?

Она не Джули, напоминаю я себе.

Когда служба подходит к концу, музыка нарастает и оглушительно гремит, экраны в последний раз вспыхивают и темнеют, логотип храма над выходами загорается красным, двери открываются. Финал шоу грандиозен. Солисты покидают сцену, люди вокруг меня выглядят счастливыми и немного утомленными ураганом благодати. Я выхожу, спотыкаясь и чувствуя себя опустошенной. Оказавшись на свежем ночном воздухе, проверяю телефон: там новое голосовое сообщение двадцатиминутной давности. Сигнал, должно быть, плохо проникает внутрь бетонного каркаса здания, потому что я не почувствовала вибрации. Но тут я вижу номер и торопливо подношу трубку к уху, чтобы прослушать сообщение.

— Привет, Кэл. Это Гретхен.

Тот же голос кричал: «Мама, папа!», когда она обнимала нас в приемном покое; тот же голос прошептал: «Вы, наверное, действительно очень хотели меня найти», прежде чем она разрыдалась. И теперь этот голос признается, что девушка, живущая в моем доме, — не моя дочь. После всего, что я узнала, казалось бы, глупо удивляться. Но ее прямое признание страшнее нечеткого видео

с концерта, даже страшнее фотографии с места преступления, потому что только теперь я понимаю: до сих пор у меня была тонкая нить надежды, за которую я держалась. А со словами «Это Гретхен» нить лопнула.

Однако сообщение продолжается.

— Мне нужна твоя помощь, Кэл. Мне страшно. — Она плачет. — Если ты все еще на этом номере, значит, в Хьюстоне. И если ты нашел меня, то, может быть, ты все уже знаешь? Может быть, даже знаешь самое худшее? — Она хрипло всхлипывает. — Если ты останешься со мной даже после того, как узнаешь самое худшее, я пойму, что ты все еще любишь меня. Я иду к фонтану «Водяная стена», чтобы встретиться лицом к лицу с человеком, который сделал это со мной. Он будет там в полночь. Пожалуйста, приезжай. Я не хочу идти одна. — Голосовое сообщение прерывается гудком клаксона, за которым следует грохот, будто она уронила трубку. — Кэл, я не знаю, имеет ли это какое-то значение, но в течение нескольких недель я... у нас... думаю, это была девочка.

Синтезированный голос командует: «Нажмите семь, чтобы повторить сообщение. Нажмите восемь, чтобы удалить это сообщение. Нажмите девять, чтобы сохранить...»

Я нажимаю девятку. Когда мы встретимся, пусть ее голос будет у меня в кармане в качестве доказательства. До своей машины я добираться за полчаса до полуночи. Надо найти эту девушку сегодня, прямо сейчас, пока не прошел запал.

И тогда я потребую от нее отчета, какого черта она тут делает и почему мучает мою семью.

Теперь, когда я знаю, что Джули — всего лишь Гретхен, расплывчатое лицо на видео, второсортная певичка, самозванка, фальшивка, у меня нет выбора. Все это время с нами была Гретхен. А полночь уже близко.

Она

не почувствовала удара, а просто погрузилась во тьму, как в омут, словно она тонула и черная вода заполняла ее. Наверху маячило красное пятно, и чем ближе она оказывалась к нему, тем становилось больнее. Темнота была мягкой и сияющей, как ночные облака, как иссиня-черные крылья взлетающих птиц, как дно океана, как черная бархатная подушечка, на которой лежит бриллиантовое кольцо. Темнота была такой же черной, как ее спящее сознание.

Она тянулась к зыбкому, колеблющемуся красному свечению, она стремилась выплыть, боролась с темнотой, а та пыталась поглотить ее, как тонущий алмаз, обвивалась слепыми щупальцами вокруг ног и мягко тянула вниз, окружала тихим карканьем черных птиц и уносила в иссиня-черное небо. Но каждый раз, когда она готова была раствориться в этой обманчивой мягкой тьме, она слышала крики Шарлотты. Затем звук удара — и крики прекратились.

Потом еще один звук — стон; не похоже, чтобы стонала Шарлотта или кто-то другой. Значит, это она сама? Во рту ворочался мертвый язык,

словно дохлая птица с иссиня-черными крыльями. Шум продолжался, перейдя в бульканье, затем еще один глухой удар, от которого у нее дрогнули веки. Она попыталась сконцентрироваться и ощутила кончиками пальцев бетонный пол. Он был скользкий, горячий и красный. Она физически ощущала красноту, которая жалила кончики пальцев. А может, она ощущала запах, острый запах, чистый и грязный одновременно. Запах выбитого зуба и вкус, теплый вкус назлектризованного металла.

Она попыталась отдернуть пальцы, но всех птиц сбили в воздухе, и теперь она состояла из птичьих трупиков, ее мертвые птичьи пальцы неподвижно лежали в назлектризованной красной луже, пахнущей выбитыми зубами. А потом она услышала слова молебна, молитвы. Их произносил голос, который она хорошо знала, голос Джона Дэвида, только слова были злые. Может, их говорил сам Бог; может, именно Бог и злился.

— Маленькая засранка. Проклятая маленькая засранка. — Слова повторялись снова и снова.

Мертвая птица у нее во рту дернулась, и она поняла, что до сих пор жива. Ей хотелось кричать, но она крепко сжала зубы.

— Что же делать? Что же делать? Что же делать?

Шаги по лестнице — отступают вверх, удаляются, стихают. Он вознесся на небо: откатил камень от входа в пещеру и теперь поднимается по подвальной лестнице прямо в небеса.

Она открыла глаза.

В четырех футах перед ней вверх ногами лежала Шарлота; ее глаза были полны крови.

Она посмотрела в перевернутые глаза Шарлотты. В них застыло неведомое ей знание.

Шарлотта пыталась ей что-то сказать. Шарлотта была храброй, была умной. Она даже стащила маленькое зловещее лезвие из мусорного ведра Джона Дэвида, чтобы разрезать скотч, которым ее обмотали.

Нет, лезвие украла Джули.

Шарлотта не смотрела ей в глаза. Ее взгляд застыл на правой руке Джули, скрюченной в дюйме от лица. Шарлотта смотрела на вещь, лежащую у Джули под ладонью и впившуюся в палец острой гранью. Маленькое зловещее лезвие. Когда она пошевелила рукой, оно выпало на пол. Но вот в лицо повеяла струя прохладного воздуха. Ощущение нечеткое, размытое, но, безусловно, ветерок проник сюда снаружи. Кончики пальцев скользили в крови, которая уже остыла и сейчас была едва ли теплее воздуха. Окровавленные пальцы сомкнулись на лезвии.

На лестнице появились ноги, потом показался топор, болтающийся в опущенной руке.

На мгновение она снова зажмурилась. Просто чтобы вспомнить, как жила раньше, когда не знала, что Шарлотта умрет, а она будет следующей.

Из угла неожиданно донесся звук рвоты. Она открыла глаза и увидела, что Джон Дэвид стоит

на коленях, отвернувшись от нее и Шарлотты, но не молится. Рвотные массы медленно текли от колен Джона Дэвида к тому месту, где была кровь, где лежала она.

Прежде чем вонючая лужа достигла ее, она вскочила на ноги, не понимая, как ей это удалось: она словно собрала себя по кирпичикам, голову водрузила на туловище, а туловище — на ноги. И вот она уже стоит, возвышаясь над Шарлоттой, похожей на сломанную куклу, и сгорбленной фигурой Джона Дэвида, стонущего в углу. Он сплюнул, снова застонал и охнул, тяжело дыша. Внезапно ее накрыла волна головокружения, зрение затуманилось красным маревом, испещренным плавающими сине-черными точками и грозящим подняться и заполнить ее, как дым. Она выставила босую ногу, чтобы удержать равновесие, и шорох заставил растерявшегося Джона Дэвида крутануться на коленях, одна его рука все еще лежала на рукояти топора, а нога уже оперлась на пол, помогая встать. Но когда он поднял другую ногу, каблук ботинка угодил в змеящийся след рвоты; нога вывернулась, как у русского танцора, и Джон Дэвид тяжело приземлился на руку, все еще державшую топор, да так сильно, что его крупное тело зажало пальцы между рукояткой топора и полом, и он взвыл от боли.

Она стояла, держа лезвие бритвы перед собой, но, когда Джон Дэвид пополз к ней по скользкому от крови и рвоты полу, вскрикнула и ринулась вверх по узкой лестнице — не совсем на четвереньках,

потому что все еще сжимала бритву в левой руке, но почти, используя руки, как в то далекое время, когда она ползала на четвереньках, держа нечто более безобидное и приятное, чем лезвие бритвы, хотя та была бесполезна против равнодушной жестокости топора. Ее колени, все ее тело были скользкими от крови.

— Эсфирь! Эсфирь! — кричал он сзади и снизу, но насколько далеко? — Эсфирь, вернись! Я не причиню тебе вреда!

Она была уже на середине лестницы, а он — еще в самом низу. Она сверху посмотрела на него, такого маленького и незначительного, и увидела, что на макушке у него начинает появляться лысина. Раньше она ни разу не смотрела на него сверху.

— Эсфирь! — снова закричал он, но рука его все еще сжимала топор, который он теперь поднял на уровень головы. Голос стал вкрадчивым. — Я не хотел сделать тебе больно, Эсфирь. Шарлотта была плохая. Я только вырубил тебя, чтобы ты не видела.

— Меня зовут не Эсфирь! — крикнула она, но крик прозвучал как шепот.

— Нет, — согласился он.

Это ее потрясло.

— Ты — Руфь, ибо ты многое пережила.

Она замерла.

— Руфь, — сказал он, — ты прошла испытание. Принесла кровавую жертву. — Его голос утратил исступленность и стал успокаивающим, медовым. — Ты поступила правильно, Руфь. Она

пыталась убежать, но ты остановила ее. Теперь мы снова можем быть счастливой семьей, только ты и я. Ты звала на помощь. Она пыталась одолеть тебя, и ты позвала на помощь. И вот я пришел.

Хотя у нее сильно кружилась голова, она знала, что все происходило не так.

Она тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения.

— Меня зовут Джули.

Имя — единственное, что у нее осталось, но оно заставило его руки крепче сжать рукоять топора. Она развернулась и с удвоенной силой стала взбираться по лестнице. Однако ноги у него были длиннее, чем у нее, и он нагнал ее в тот момент, когда она уже почти выбралась наружу. Джон Дэвид протянул руку, чтобы схватить ее, но зацепился рукояткой топора о ступеньки. Вырвавшись из подвала, она очутилась в кухне, он вылез следом за ней. Когда Джон Дэвид появился в дверном проеме, Джули уже обогнула кухонный стол, но уперлась в стену. Он остановился, перекидывая топор из одной руки в другую, как будто наслаждаясь ощущением его веса.

— Не заставляй меня убивать тебя, Эсфирь.

— Я думала, теперь меня зовут Руфь. — Она старалась говорить громко и твердо.

— Да какая разница! — взвизгнул он. — Не заставляй меня убивать тебя, потому что я сделаю это, если придется, хотя Бог не хочет твоей смерти.

— Дерьмо твой Бог, — бросила Джули.

— Бог — это любовь, а вот ты — дерьмо, — возразил он. — Никогда не забывай об этом!

Он ударил топором в середину стола, и столешница треснула по центру, лезвие застряло в ней. Она со всей силы толкнула стол, и этого оказалось достаточно, чтобы Джон Дэвид упал на задницу. Топор все еще торчал в столешнице, и она почти смеялась над тем, как нелепо Джон Дэвид копошится на полу. Он полз за ней, стараясь ухватить за ноги, отшвырнул брошенный ею стул, но она уже была у двери.

Джули успела поставить одну ногу на бетонную ступеньку крыльца, но Джон Дэвид схватил край простыни, в которую она завернулась. Она попыталась захлопнуть за собой внутреннюю дверь с противомоскитной сеткой. Но он придержал створку, и тогда Джули навалилась на нее всем телом. Его рука на мгновение ослабла, однако затем пальцы схватили ее за плечо и крепко сжали.

— Попалась, — выдохнул он, и его горячее дыхание обдало жаром ее щеку через сетку. — Попалась!

Джон Дэвид наклонился, и Джули почувствовала сквозь сетку его тело, такое мягкое и знакомое. Самое время вспомнить, как он лежал на ней, самое время вспомнить те кошмарные «приключения», вспомнить его власть над ней — вот сейчас, когда свобода почти рядом, но по-прежнему недостижима.

— Это ты во всем виновата, — выдохнул он сквозь сетку. — Ты не Руфь. Ты не Эсфирь. Ты ничто.

Но в ее окровавленных руках все еще оставалось кое-что острое и злое. Она вслепую полоснула лезвием ему по пальцам, а когда он разжал их, побежала.

Ничто... Ничто... Ничто...

Ничто... Ничто... Ничто... Ничто...

Ничто.

Она бежала в такт словам, стучащим в голове.

Нечто новое, прежде спящее, просыпалось в самой глубине, и каждый стук голых пяток о землю пронзал все тело, призывая принять это новое, поприветствовать его.

— Прощай, — сказала она ему. — Мне все равно. Ты ничто.

Но она знала, что обманывает саму себя. Потом она вспомнила давнее обещание помощи — персики в сиропе, консервированная кукуруза — и побежала в ту сторону. Все силы уходили на то, чтобы не споткнуться на неровном тротуаре, увернуться от низко свисающих веток и не запутаться в простыне, которая волочилась следом. У нее не было времени оглянуться и посмотреть, отстает ли Джон Дэвид на двадцать шагов, на десять или не отстает ни на один; достаточно оступить — и его руки сомкнутся вокруг ее горла, окровавленные руки, порезанные острым лезвием, тем же самым, которым она совершила грех,

непростительный грех. О, Шарлотта! Бедная, бедная Шарлотта...

Она бежала по старому району мимо тесных рядов кривых кирпичных домов, скрывающих бог знает сколько раздробленных черепов и изуродованных маленьких девочек, домов с бездной секретов, похороненных на заднем дворе. Причудливые, словно в сказке, старые фасады, увитые пышными виноградными лозами, вызывали у нее тошноту, и она бежала мимо них в поисках больших улиц, которые означали бы цивилизацию и, возможно, помощь. Но улицы были пугающе пусты — видимо, слишком рано для утренних прогулок.

Джули выбежала из жуткого старого квартала на перекресток со светофором и остановилась перевести дух. Справа от нее, рядом с длинным зданием, раскинулся небольшой парк, в который вела крытая галерея. Она узнала скульптуру на лужайке, канал в ржавой металлической окантовке, извивающийся в траве бессмысленным узором, похожим на спутавшуюся оброненную ленту, и смутно припомнила, как однажды они ездили сюда с классом. Оглядевшись, она поняла, что утро еще не наступило: хотя сумрак рассеивался и она пережила долгую ночь, краски неба не походили на рассветные. Тусклый серый свет над головой создавал впечатление, словно она все еще в доме, только в большой комнате. Деревья казались огромными, изумрудный оттенок словно сочился из листьев. Насыщенный

цвет и абсолютная бездвижность в мертвом воздухе превращали их в подобие театральных декораций или фантасмагорий из сна. Перебежав пустую улицу и повернув вправо, Джули увидела автостраду.

И огромный билборд, выше деревьев, выше фонарных столбов. «Пропала девочка, белокурая, красивая, розовощекая».

Это не она. Ничего общего. Джули посмотрела на рекламный щит, а потом на себя, босую, грязную, не мывшуюся несколько месяцев, проведенных в темноте, где он творил с ней страшные вещи. И теперь нечто, которое она считала ничем, угнездилось у нее в животе, чтобы напомнить о тех вещах. И напомнить о том, что она сделала с Шарлоттой. Девочка, глядевшая на нее с рекламного щита, ничего об этом не знала. Она была идеальна. И тут, словно кто-то сорвал с неба пластырь, на Джули обрушилась стена дождя. Через несколько секунд вода собралась в реку, которая потекла мимо ее босых ног, и пелена ливня почти полностью скрыла рекламный щит. И Джули снова пустилась бежать.

К тому времени, как она добралась до благотворительного склада, дождь перешел в морось, будто кто-то на небе выжимал белье, и солнце выглянуло из-за мокрых облаков, отчего мельчайшие капли заискрились в воздухе. Становилось жарко, но Джули дрожала перед тонкой фанерной стенкой склада. Дверь была заперта на висячий замок.

«Если что-нибудь понадобится...» — сказала ей тогда женщина с персиками. Сейчас ей было нужно много всего.

Ее тошнило. Тошнота могла напасть в любое время дня, особенно когда Джули подолгу не ела. От рвоты ее удерживал лишь стыд. Она принялась кружить вокруг склада.

Какая-то женщина курила сигарету, прислонившись к тонкой фанерной стене. Она заметила девочку и медленно, со скучающим видом, повернула голову в ее сторону, окинула с головы до ног долгим взглядом, выдохнула сигаретный дым и снова застыла. Похоже, она привыкла к долгому ожиданию.

Внезапно женщина встрепенулась и, быстро заткнувшись, махнула рукой в сторону Джули.

— Девочка в парике! — воскликнула она. — Я тебя знаю. Ты та малышка в парике. Только где же ты потеряла парик?

Джули открыла было рот, чтобы ответить, но тут до нее долетел запах сигаретного дыма. От приступа тошноты она упала на колени, в грязь, и ее вырвало в мокрую траву под фанерной стеной склада, но, поскольку она давно ничего не ела, наружу выходила только обжигающая горло кислота. В глазах замелькали зеленые и желтые пятна, а потом их скрыла тьма. Очнувшись, Джули почувствовала теплую ладонь на затылке.

— Девочка в парике, ты не очень-то хорошо выглядишь, — заметила женщина, помогая ей сесть на бетонный бортик. Пятна перед глазами

рассеялись, и Джули увидела лицо женщины более отчетливо. Легкий ветерок топорщил ее короткие черные волосы. — Меня зовут Дженис. А тебя, наверное, будущая мама, если я хоть что-то понимаю.

Девочка вдохнула и выдохнула, жадно ловя ртом воздух, уже не пахнувший дымом.

— Я сбежала, — сказала Джули и замолчала. Она не могла подобрать слов, чтобы описать случившееся. Она солгала. Убила. Старалась быть хорошей. И не смогла.

— Да я уж догадалась. У тебя есть к кому пойти? Джули покачала головой.

— Тебе нужна одежда? Нужно где-то приткнуться?

Девочка кивнула.

— Хочешь избавиться от этого? — Дженис указала на ее живот.

На мгновение Джули растерялась.

— Чей это ребенок, милая? — спросила женщина чуть тише.

На этот раз рвота исходила из такой глубины ее существа, что, казалось, ее разорвет на куски. Но ведь это невозможно: чтобы состоять из кусков, надо быть чем-то, а она ничто.

Дженис следила за ней, пока она не разогнулась, вытирая рот.

— Ладно, забыли. В любом случае тебе надо поесть.

Девочка молча посмотрела в сторону склада позади них.

— Ох, черт возьми, нет, — замотала головой Дженис. — Ронда милая женщина, но один взгляд на твой четырехмесячный живот — и тебе от нее не вырваться. У них есть специальное заведение.

— Заведение?

— Смотрите-ка, она умеет разговаривать! Да, у них есть специальное заведение, где показывают специальные фильмы. Они католики, понимаешь? Ты же не хочешь связываться с католиками в твоём положении?

— Если понадобится... — пролепетала Джули.

— Разве только понадобится лекция о том, как не раздвигать ноги. Хотя я не говорю, что ты это делала по своей воле.

— Мне нужно... — Каждое слово поднималось как из бездонного колодца. Иногда ведро лишь шлепало о воду, а иногда даже не достигало воды и болталось в пространстве.

— Я знаю, что тебе нужно, и могу сказать прямо сейчас, что ничего не выйдет без кучи бумаг, подписанных твоими родными. Черт возьми, возможно, кто-то из них тебя и попортил.

Родные.

«Ты ничто».

— Ну да ладно, пойдем со мной. — Дженис помогла ей подняться и вздохнула. — Кто бы это ни сделал, надеюсь, он сгниет в преисподней, потому что выскоблить тебя будет нелегко. Да и деньги понадобятся. — Косой взгляд. — Ну, об этом мы поговорим позже.

Джули подумала о преисподней. О небесах. О том, что зародилось внутри нее, о новой жизни,

биении сердца. Потом она подумала о Джоне Дэвиде, о том, как он снова и снова давил на нее своим увесистым телом. Она так и не выползла из подвала. Его частичка осталась у нее внутри. И эту частичку зовут Эсфирь.

14

В 2002 году скалолаз по имени Райан Хартли взобрался на башню «Транско» с помощью небольшой кирки. Добравшись до тридцатого этажа — почти до середины, — он прыгнул.

В записке, найденной на его изуродованном теле, выражался протест против войны в Ираке. Вероятно, Хартли выбрал башню «Транско» потому, что она служила символом хьюстонского нефтяного бума: шестьдесят четыре этажа серебристо-черного стекла, устремленные ввысь. Одинокое возвышающаяся посреди торговых и жилых кварталов, эта башня — самый большой небоскреб за пределами центрального делового района. Она олицетворяет энергию, бьющую из центра Земли: словно нефтяной гейзер поймали, очистили и преобразовали в призму слепящего света. Напротив башни, через прямоугольный газон, — «Водяная стена», искусственный водопад в форме подковы высотой ровно шестьдесят четыре фута; каждый фут соответствует этажу башни «Транско». Однажды, купив в «Галерее» подарков к Рождеству, мы повели девочек смотреть на этот величественный фонтан.

Трехлетняя Джейн вырвала свою руку из моей и побежала к воде, а Том кинулся догонять ее. Отважная малышка остановилась у подножия грандиозного сооружения и уставилась на изогнутую стену воды. Затем, ошеломленная бурлящим потоком, шагнула вперед. Ножки у нее подогнулись, она упала и завопила.

Пятилетняя Джули улеглась на тротуар, запрокинув голову, чтобы с безопасного расстояния видеть гигантскую дугу падающей воды. Пока Том хватал Джейн на руки, я легла рядом с Джули, стремясь увидеть ту же картину, что и дочка. Помню ее теплую голову, прижавшуюся к моему виску, ее тонкие волосы, ласкающие щеку. Мы вместе наблюдали, как Том, чей голос был едва слышен из-за шума водопада, утешает Джейн. Вода струилась по камням так быстро, что действительно казалась неподвижной водяной стеной.

Когда Джули заговорила, ее слова прозвучали прямо у меня в ухе:

— Мамочка, неужели небо падает?

Я мысленно поставила галочку, чтобы поздним вечером, когда девочки лягут спать, повторить Тому образную фразу дочери, а вслух произнесла громко, хотя шум воды превратил мои слова в шепот:

— Не волнуйся, милая, здесь с нами этого не случится.

И скорее почувствовала, чем увидела ее храбрую улыбку.

Издаലെка, на фоне освещенной водяной стены в обрамлении каменной арки, они могли показаться парочкой, делающей фотографии на память. Гретхен и Максвелл, руки сцеплены вместе; она откинулась назад в изящном изгибе натянутого лука, а он навис сверху. Вдруг он резко толкнул ее, обхватил руками, и они стали похожи на танцоров — слившиеся в одну темную фигуру, которая извивается перед освещенной стеной воды. Но, в спешке поскользываясь на траве, все более влажной по мере приближения к фонтану, я вижу, как Гретхен выворачивает локти, пытаясь оттолкнуть его. Они борются, чтобы добраться до сумки, которая висит на длинных лямках у нее на плече. Я бегу к ним.

Искусственный водопад вблизи шумит оглушительно громко — журчание струй сливается в единый грохочущий рев, меняющий высоту и интенсивность с каждым моим шагом. Туман брызг скрывает круглую бетонную площадку перед изогнутой стеной фонтана. Земля предательски скользкая. Ночью сквозь туман брызг проникает слабый желтоватый свет от подводных фонарей фонтана. Когда я, минуя арку, выбегаю на площадку, напряженно слившиеся силуэты наклоняются и скользят, продолжая борьбу. Вдруг Гретхен спотыкается обо что-то и падает; ее голова подпрыгивает от удара о бетон. Максвелл обрушивается на нее сверху. Какое-то время она продолжает дергаться, как глубоководная рыба, выброшенная на берег, потом замирает. Их тела разделяются. Полоска света очерчивает бороду

проповедника и на мгновение освещает паническое выражение звериной ярости у него на лице. С рычанием он тянет руку к сумке, которая лежит на мокром бетоне, придавленная обмякшим телом Гретхен.

«Человек, который сделал это со мной». Так она назвала Максвелла в телефонном сообщении. Я не знаю, что именно он с ней сделал, не знаю даже, кто она, но, видя, как рука мужчины тянется к ее неподвижному телу, не сомневаюсь, что должна остановить его.

Я бросаюсь вперед, но подошвы скользят по мокрому бетону, как и у Гретхен за несколько секунд до этого, и я падаю. Мне удастся вытянуть руку перед собой и смягчить падение, но зубы смыкаются на кончике языка, и во рту растекается теплая жидкость. Максвелл, оседлавший Гретхен, замечает меня и вскакивает. Когда он начинает говорить, его глубокий голос перекрывает шум воды, как раньше перекрывал море голосов, паря над ними в «Круге исцеления».

— Я понимаю, как это выглядит со стороны. — Проповедник тяжело дышит. — Но вы не знаете, на что способна эта девушка. Она опасна. Она не в себе. Она лгунья. Убийца.

— Я вам не верю, — отвечаю я, хотя не слышу собственных слов и вдобавок знаю, что насчет лгуньи он не ошибся.

— Она преследовала меня, угрожала. Пыталась шантажировать. Ей нужны мои деньги. — Он показывает на спортивную сумку, лежащую

на мокрой площадке. — Она заставила меня прийти сюда, а потом напала...

Я смотрю на неподвижное тело на бетоне.

— Клянусь, я лишь защищался! У нее в сумке пистолет!

А вот это он зря сказал: теперь я ни за что не позволю ему завладеть сумкой.

— Если ей нужны только ваши деньги, зачем ей нападать на вас?

Он облизывает губы.

— Как я уже сказал, она не в себе. А я знаменит, успешен, помогаю людям. — Теперь проповедник говорит раздраженно, на повышенных тонах. Борода выпирает над кадыком. — Для девушек подобного сорта невыносимо...

— Какого сорта?

Он смотрит на меня с легким удивлением:

— Блудниц.

Я втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы и чеканю:

— Не смейте так говорить о моей дочери.

И пусть она не моя дочь, сейчас я почему-то считаю ее родной.

Проповедник бросается к сумке, но я успеваю первой и с бешеной силой толкаю его в неглубокий водоем у основания фонтана, наваливаюсь ему на грудь, коленями придавив крупное тело ко дну. Его ноги хаотично дергаются, задевая мне спину и голову, но большая часть тела Максвелла находится под водой, поэтому преимущество в весе временно оказывается на моей стороне. Я вдавливаю колени ему в плечи, он пытается

схватить меня за волосы, и у меня мелькает зло-
радная мысль: «Удачи тебе, ублюдок!» — после
рождения Джули я постриглась очень корот-
ко, пожертвовала волосы материнству вместе
с длинными серьгами, душевным спокойствием
и готовностью! наплевать! на всех! кроме до-
чери! Я! отдала! все мечты! всю душу! Вцепив-
шись пальцами в спутанные волосы Максвелла,
я изо всех сил бью его головой о дно фонтана,
словно заново продираясь сквозь дверь ванной
в тот момент, когда я думала, что Джули ранена.
Однако сопротивление воды слишком велико,
и вместо мощного удара получается лишь сла-
бый всплеск. Мое отражение колеблется в кру-
гах, расходящихся по воде, подпрыгивает в рит-
ме моей сумасшедшей ярости.

Позади меня, перекрывая грохот воды, разда-
ется голос:

— Джон Дэвид!

И я слышу характерный щелчок взведенно-
го курка, который преследовал меня в фанта-
зиях. В ту секунду, когда моя хватка ослабева-
ет, Максвелл, оттолкнув меня, отползает назад,
пока не упирается в покрытую водой стену. Но,
судя по выражению его лица, он жалеет, что по-
торопился, и, повернувшись, я понимаю почему.
Гретхен держит в руках пистолет, направленный
прямо на него.

Стена падающей воды похожа на чистый лист
бумаги, а пистолет — словно остро отточенный
карандаш, парящий над страницей, незримо

обводя наши силуэты в воздухе, прежде чем пригвоздить нас к рисунку.

Наши тела образуют углы треугольника. Человек с выставленными вперед руками прижался к водяной стене, вода льется ему на плечи и колотит по шее с такой силой, что голова трясется. Я замерла, успев встать на одно колено. И Грехен с пистолетом.

— Эсфирь, — говорит Максвелл, — пожалуйста.

Она, игнорируя его, обращается ко мне:

— Знаешь, а он прав. Я занималась сексом за деньги больше раз, чем могу сосчитать. Я блудница. Я делала и гораздо более ужасные вещи. Воровала у людей, которые меня любили. Обманывала их, использовала, а потом бросала.

— Джули, — произношу я, забыв, что это не моя дочь.

Она резко поворачивается ко мне, и пистолет теперь направлен на меня. Я отшатываюсь, и ствол возвращается к Максвеллу.

— Не называй меня так. Я навсегда покончила с Джули.

Внутри у меня что-то обрывается, словно в груди лопнуло легкое. Или вода в фонтане закипела, обварив мне ноги, и кожа ниже щиколоток слезает клочьями. Впрочем, это преувеличение. На самом деле я чувствую вот что: все части тела словно расползаются, и то, что было мной, исчезает. Представьте, что вас покинул самый важный человек в жизни, — вам покажется, что и вы сами себя покинули: вас покинули внутренности

или нога сбежала вместе с бедренной костью, почему бы и нет, случаются и более странные вещи. Как, например, нынешняя сцена у фонтана, когда Гретхен, или Эсфирь, или кто она там наставляет пистолет на Максвелла и произносит слова, которые кажутся мне совершенно бессмысленными:

— Я вернулась к нашему старому дому, Джон Дэвид. Потребовалась целая вечность, чтобы найти его. Я не могла вспомнить, как здание выглядело снаружи, но это не имеет значения, потому что его больше нет. Просто пустырь, если не считать полицейской ленты вокруг входа в бункер, да еще креста, цветов и плюшевых мишек. — Она делает паузу. — Думаю, убедив меня, будто это я убила Шарлотту, ты просто замуровал бункер и начал жизнь заново. Видит бог, я пыталась сделать то же самое.

Лицо у нее слишком мокрое от брызг, чтобы разглядеть слезы, но я слышу, как прерывисто она дышит.

— Но другие люди помнят о той мертвой девочке. Ты бы видел, сколько там горящих свечей. Никто не знает, кто она такая, но люди не собираются ее забывать и двигаться дальше. И я не собираюсь. Я никого не убивала. Мне уже не тринадцать, и ты не сможешь снова внушить мне, будто это моя вина. — Она делает еще шаг вперед и поднимает пистолет. — Я тебе не позволю.

— Помогите мне, Анна, пожалуйста, помогите! — умоляет Максвелл.

Как можно незаметнее я перемещаю ногу по дну фонтана.

— Не подходи к нему! — кричит она.

— Ладно. — Между нами словно многотонная стена воды, которую я должна пробить. — Гретхен.

Это привлекает ее внимание, и она резко поворачивается ко мне.

— Я знаю, кто ты. Знаю о Кэле. — Я медленно поднимаюсь на ноги. — Я знаю, что он отец ребенка. Может, ты любила его по-настоящему.

— Не смей.

— Прошу тебя, подумай о том, что ты делаешь. Подумай, прежде чем нажать на спусковой крючок.

— У меня было достаточно времени на раздумья.

— У меня тоже, — говорю я, все еще по щиколотку в воде, и начинаю медленно продвигаться вперед. — И мне кажется, что ты не убийца.

— Я ничто. Пустое место.

Но для меня она не пустое место. Весь последний месяц я кормила и одевала эту девушку. Я обнимала ее, когда она рыдала в ту ночь на полу ванной; я сидела в приемном покое больницы и молилась, чтобы она выжила. Но сейчас я не молюсь. Нельзя отводить от нее взгляд, иначе она выстрелит. Одна нога почти у самого края фонтана. С каждым шагом, который я делаю к ней, ее лицо выглядит все моложе и моложе. Я борюсь со стеной, разделяющей нас,

продираюсь сквозь ее сопротивление, словно через стремительный поток.

— Ты моя дочь.

Я уже достаточно близко, чтобы дотянуться до ее запястий. Ее руки, сжимающие пистолет, совсем не дрожат.

— Джули.

Она трясет головой.

— Анна, — шепчет она испуганно.

— Мама, — поправляю я и осторожно обхватываю пальцами дуло пистолета, в любой момент ожидая обжигающего жара вылетающей из ствола пули.

— Я не та, за кого ты меня принимаешь, — бормочет она еле слышно.

— Кем бы ты ни была, я люблю тебя, — твердо отвечаю я. А потом у меня в руках оказывается пистолет, и я медленно и осторожно нащупываю предохранитель, не сводя с нее глаз. — Что бы ни сделал этот человек, не стоит из-за него разрушать себе жизнь.

— Он похитил Джули. — Она смотрит на меня распахнутыми голубыми глазами. — Мама, это он.

От этих слов останавливается время, рев водопада сменяется странной тишиной. Сумка выпадает у меня из рук, и оттуда вываливается стопка бумаг, моментально намокая и закручиваясь по углам.

Поток воздуха от водяной стены ворошит и переворачивает листки, и я замечаю среди них

церковный бюллетень. Откуда-то из тишины доносится вопль Максвелла:

— Она врет, Анна!

Но слова, сказанные ею минуту назад, продолжают звенеть у меня в ушах. Бункер. Полицейская лента. «Наш старый дом».

— Вижу, ты знаешь мое имя, — говорю я Максвеллу и нажимаю на спусковой крючок.

Эсфирь

девственница и сирота, жила с дядей Мордехаем. Она была создана для великих дел.

Однажды царь света призвал ее к себе во дворец, потому что ему нужна была новая жена, а Эсфирь считалась самой прекрасной девственницей во всей округе. Она испугалась, ведь ей, скромной девушке, не хотелось опозориться во дворце царя света. Но Эсфирь узнала голос Бога в призыве царя света, а когда Господь зовет, ему нужно повиноваться. И она пошла к царю. Он увидел ее и сразу же полюбил, но поначалу не хотел прикасаться к ней. «У тебя грязная одежда, — сказал он. — Ты не должна осквернять мою постель». А что случилось потом?

— Эсфирь заплакала от стыда.

— Верно, Эсфирь заплакала от стыда. Но царь света утешил ее: «Не плачь, дитя мое. Имей веру в Господа, и однажды ты станешь настолько чище и прекраснее, что тебе и не представить». И что она тогда подумала?

— Она подумала, что он ошибается.

— Потому что?..

— Потому что она была недостойна.

— Но?..

— Она не задавала вопросов царю света.

— Почему?

— Потому что он говорил голосом Господа.

— «Что же мне делать?» — спросила Эсфирь.

«Ты должна прожить год во дворце с моими наложницами», — ответил царь. Эсфирь слышала голос Господа в повелениях владыки и знала, что Господу нужно повиноваться. Поэтому она склонила голову и отправилась жить к наложницам.

Наложницы купали ее, умащивали благовониями и заплетали ей волосы. Целый год ей не давали одежды, чтобы научить смирению. Они рассказывали ей, как угождать царю света. Если она пыталась заговорить, ее били, но так, чтобы не оставлять шрамов. Ей и в голову не приходило бежать, ибо она могла вынести все ради любви к царю света, избранному Господом. Каково ей было в те дни?

— Ей было очень одиноко. Ей казалось, что она умерла.

— Но?..

— Она знала, что ее лепят, как глину, для принятия духа.

— И поэтому?..

— Поэтому она терпела.

— В гарем, где жили наложницы, приводили и других девушек. Они плакали и жаловались, а некоторые из них пытались сбежать. Но Эсфирь за целый год не проронила ни единой слезинки. И хотя другие девушки уже побывали в постели царя света, Эсфирь знала, что они не угодили ему, поскольку их вернули в гарем и сделали рабынями. Однажды, через год после их первой встречи,

царь света призвал ее к себе в постель и остался так доволен ею, что выбрал ее своей царицей, царицей света. И с этого дня она стала Божьей избранницей. Итак, что она делала?

— Следовала заповедям Господа.

— Как?

— Слушалась своего царя.

— Кто был ее царем?

— Царь света.

— А кем была она?

— Царицей света.

— Была ли она счастлива?

Эту часть истории она поначалу поняла ошибочно. И ошибалась много раз. У нее появились синяки: на внутреннем сгибе локтя, давние и поблекшие, и новые — на внутренней стороне бедер. Но теперь обходилось без синяков.

— Так была ли она счастлива?

— Нет. Господь не желал видеть ее счастливой.

— А чего он желал?

— Чтобы она была хорошей.

— И?..

— Чтобы она была чистой.

— И?..

— Он хотел, чтобы она была прекрасной.

— И она была такой, Эсфирь. Такой она и была.

Потом она закрывала глаза, а он переходил к следующему акту. Теперь ей уже было совсем не больно.

Днем он проповедовал, а она, его преданный адепт, ходила с корзинкой, куда паства кидала

деньги. Чтобы ее не узнали в лицо, она прикрывала голову простыней наподобие капюшона, а потом он нашел в мусорном баке за углом парик: черный, кудрявый, с жестким хохолком завитков на макушке, одна половина длиннее другой; такие продавались в магазинах на Хеллоуин. Внутренняя поверхность у него покорибилась от долгого лежания в скомканном виде и царапала голову. А еще от парика пахло мусором.

Джон Дэвид объяснил, что парик прикроет ее волосы, которые отросли почти до талии и потемнели до золотистого цвета. По его словам, светлые волосы являлись благословением Божьим: Бог окутал ее светом, и в присутствии посторонних надо прятать этот свет, чтобы чужие взгляды не замарали ее чистоты.

Благодаря парик у больше не требовалось закрывать голову простыней. С возвращением периферийного зрения пришлось заново учиться не обращать внимания, как люди смотрят на них. И все же большую часть времени она старалась не поднимать головы и видела лишь ноги прохожих, спешивших мимо. Джон Дэвид взывал к ним, на груди у него болталась картонная табличка, а у ее ног стояла корзинка. Чем пристальнее она смотрела на ноги прохожих, тем чаще люди останавливались и бросали им деньги, тем красноречивее становился Джон Дэвид, и она знала, что он доволен ею.

В лучшие дни они пели.

Когда они возвращались домой, он забирал деньги и уходил, оставляя ее одну. Появлялся

поздно, воняя потом и кислятиной, и сразу валился на кровать, не навещая Эсфирь в ее каморке. Такие дни ей нравились больше всего, когда он, довольный, засыпал, не прикасаясь к ней.

Иногда ей хотелось побыть наедине с собой, поразмышлять о своих грехах, имя которым — легион.

Однажды они пошли в бесплатную столовую, но там было полно мужчин в промокших пальто и грязных свитерах. Они казались ей дикими зверями. Большинство посетителей не обращали на нее внимания, но не все. Мужчина, рядом с которым она оказалась за длинным столом, ухмыльнулся и сунул руку ей между ног. Она замерла. Джона Дэвида не было всего несколько минут, но когда он вернулся и увидел похотливое лицо, заросшее щетиной, то сразу понял, что происходит. Мужчина тоже все понял, отдернул руку, словно обжегся, подхватил поднос и умчался.

Эсфирь было очень стыдно. Позже ее наказали.

Возле пункта раздачи питания напротив столовой часто толклись женщины с колясками и визжащими младенцами. Они выстраивались в очередь снаружи и ждали, когда он откроется. Благотворительный склад на стоянке у церкви напоминал обычный сарай и не отапливался, а продавцы выглядели такими же холодными, как банки с горохом и кукурузой, которые они совали людям через прилавок. Иногда им с Джоном Дэвидом доставалась только волглая зеленая фасоль. Когда дома они открывали банку и съедали содержимое, он заставлял ее выпивать и мутную соленую воду

с плавающими кусочками фасолевой кожуры, поскольку запястья девочки, торчавшие из рукавов, угрожающе исхудали. В лучшие времена они получали обжаренную фасоль, ее любимое блюдо, и еще маленькие баночки с персиками и грушами в сиропе. Она хранила закрученные крышки от консервных банок с алюминиевыми язычками у себя под койкой. Не прятала, нет: у нее не было секретов от Джона Дэвида, к тому же он в любом случае все видел. Но благосклонно позволял ей хранить «сокровища», которые принадлежали только ей. Пока кровать скрипела под тяжестью их с Джоном Дэвидом тел, она представляла, что этот металлический скрип издают коньки, сверкающие серебряными изгибами, и видела себя съезжающей на коньках с горки или скользящей по сверкающей глади льда. Она словно плыла по застывшей воде на двух маленьких серебряных лодочках, а потом лодочки превращались в цветочные лепестки, качающиеся на пруду, а затем, в один ужасный миг, они снова становились металлическими пружинами, которые со скрежетом царапались друг о друга. А потом все стихало, и Джон Дэвид исчезал.

Однажды утром он не спустился к ней.

Эсфирь с тревогой вертелась в постели. Ей не разрешалось вставать, пока он не придет. Она боялась покинуть кровать: вдруг он вернется и побьет ее. Или, что еще хуже, вообще не вернется. Возможно, он ее испытывает. Либо для запрета есть другая причина: вдруг пол сразу убьет

ее током, если она встанет сама. Она подумала о крышках под кроватью. Если встать на них, а не на пол, тогда она не умрет?

Она прислушивалась. Ждала. Засыпала и просыпалась бесчисленное количество раз, а его все не было. В животе громко урчало от голода, словно внутри образовался вакуум, который жизненно необходимо заполнить. И она решилась вылезти из постели. Предварительно выудив из-под кровати две крышки, она опустила на них ступни и осторожно встала. Поняв, что пол не ударил ее током, она возблагодарила крышки и поднялась по лестнице. В кухне из еды обнаружилась только банка протертой кукурузы. Она открыла ее и съела. Сладкая крахмалистая жидкость проникла в кровь, и голова мгновенно стала лучше соображать, как будто мозг наполнился кислородом.

— Где ты? — осмелилась она спросить, отчасти потому, что знала: его нет, он не ответит.

Она попыталась опереться на привычное ощущение всемогущества Джона Дэвида, но оно пропало, и вдруг она поняла: он не просто ушел, он даже не видит ее. От этой мысли стало холодно, и она вздрогнула.

На третий день Эсфирь отправилась в пункт раздачи питания одна. Это был самый смелый поступок, который она когда-либо совершала, но она знала дорогу до склада. По пути Эсфирь старалась держать голову как можно ниже, а поверх парика повязала шарф. «Как бабушка», — подумала она; слово всплыло откуда-то из другого измерения. Она встала в очередь.

Женщины то и дело смотрели на нее. Одна старушка в таком же шарфе, как у нее, оглянулась, а потом низко склонилась над продуктовой тележкой, которую толкала через ухабистую парковку. Очень высокая тетка в короткой облегающей юбке и длинном белокуром парике украдкой косилась на Эсфирь. Наркоманка, нервная девица неопределенного возраста с засаленными каштановыми волосами, пару мгновений вызывающе глядела на нее, а затем резко отвернулась.

Женщина с короткими черными волосами, получив благотворительный паек, зашагала к выходу вдоль очереди, напевая и размахивая пакетом, в котором звенели консервные банки, а сверху красовалась коробка с крекерами для животных. Эсфирь показалось, что эта женщина надвигается на нее и вот-вот накинется. Но девочка так проголодалась.

— Ну что, малышка, где сегодня твой дружок? — спросила женщина.

Эсфирь продолжал смотреть себе под ноги.

— Я спрашиваю, где твой дружок? Он ведь твой дружок, верно?

Остальные делали вид, что ничего не слышат, хотя издерганная девица впереди Эсфири от злости покрылась красными пятнами, которые виднелись через открытый ворот просторной рубашки. Эсфирь чувствовала, как нарастает напряжение. Еще одна женщина, шаркая ногами, отошла от прилавка, сложив банки в импровизированный мешок из ветровки с завязанными рукавами.

Теперь перед ней в очереди стояла только наркоманка. Эсфирь затаила дыхание.

— Милая, я с тобой разговариваю. Кто тот мужик, с которым ты обычно ходишь?

Надо было что-то ответить.

— Мой отец, — прошептала она, не поднимая головы.

— Хм. И куда же он делся?

Еще одно забытое слово всплыло в мозгу Эсфири и сорвалось с губ шепотом:

— Он пошел в прачечную. — Она указала направо, как если бы прачечная находилась за углом, не дальше пары кварталов отсюда.

— Ага. — Женщина осмотрела ее с головы до ног, зацепившись взглядом сначала за грязную простыню и кроссовки, подошва которых оторвалась у носков, а затем за парик. — Твоя мама знает, где ты?

Эсфирь не колебалась.

— Она умерла, — сказала она, опустив глаза.

— Ну-ну, — скептически усмехнулась женщина.

— Оставь ее в покое, Дженис, — низким гортанным голосом произнесла долговязая блондинка на каблуках. — Может, там какая-нибудь фигня с опекой.

Женщина по имени Дженис огрызнулась в ответ:

— Матери должны быть со своими дочерьми. Особенно когда отец никуда не годен. — Она произнесла последние слова, чеканя слоги, и многозначительно посмотрела на каблуки блондинки и ее упругие обнаженные ноги.

— Да пошла ты, Джей, — вздохнула блондинка. — Да и как знать, может, мать у нее еще хуже. Вот моя точно была хуже.

Они продолжали спорить, но к этому времени наркоманка отошла от прилавка, и Эсфирь поспешно шагнула вперед. Банки с сосисками кончились, остались только нут и одна банка с жареной фасолью, поэтому она молча указала на них. Пожилая работница пункта раздачи, которую Эсфирь часто видела здесь, с ничего не выражающим лицом толкнула через прилавок еще и консервированные персики в сиропе:

— Вот, приберегла для тебя. Если что-нибудь понадобится, дай мне знать.

Эсфирь не набралась духу кивнуть, опасаясь, что Джон Дэвид испытывает ее и наблюдает откуда-то поблизости. Она лишь на мгновение встретилась взглядом с работницей и попыталась полуулыбкой поблагодарить ее за персики. Женщина по имени Дженис уже исчезла, а долговязая блондинка сложила руки на груди, что-то бормоча себе под нос.

Эсфирь поспешила домой, наступая кроссовками на волочашуюся по земле мятую простыню. Интересно, узнает ли Джон Дэвид, что она вышла из дома, и если да, то каково будет наказание? Если это испытание, то она его провалила. Ей вспомнилась библейская история про Авраама, который связал своего сына Исаака и успел занести над ним нож, сверкающий в лучах утреннего солнца. Так рассказывал ей Джон Дэвид. Бог тоже принес в жертву своего сына Иисуса. В жертву

всегда приносили сыновей, и никогда — дочерей. Значит, для родителей важнее дочери? Или, наоборот, сыновья?

Она прошла на кухню, поела, спустилась по лестнице в свою каморку и залезла в постель.

Лежа в кровати, она услышала, как скрипнула дверь и две пары ног пересекли кухню.

Сначала она не узнала голоса Джона Дэвида: он казался более высоким и напомнил ей о человеке, которого она знала давным-давно, человеке с гитарой. Слов она не могла различить, но тон был дружелюбным. Второй голос был девичий. Раздался резкий скрежет стула по полу, сопровождаемый визгом боли и взрывом смеха. Кем бы ни была эта девочка, она очень неуклюжая.

— Эсфирь! — крикнул Джон Дэвид. — Эсфирь, иди сюда!

Она взглянула на парик и простыню, брошенные у изножья кровати.

— Мы не пойдем на улицу, одеваться не надо. Просто поднимись и познакомься кое с кем.

Познакомься кое с кем. Она осторожно поднялась по лестнице в ночной рубашке. На кухне рядом с Джоном Дэвидом стояла девочка, возможно, чуть младше Эсфири, невысокого роста, с темными волосами, заплетенными в косички. На ней были черная футболка и короткая черная юбка, которая открывала грязные ноги, белеющие выше выцветших пестрых носков.

— Эсфирь, это Шарлотта, — сообщил Джон Дэвид.

Эсфирь с ужасом увидела, что он сбрил бороду, и сразу вспомнила гитару на ремне с вышитым узором, комнату с плакатами на стенах. Кожа, прежде спрятанная под бородой, оказалась розоватой и бугристой, как куриная шкурка, рот выглядел маленьким и тонкогубым, над кадыком виднелся крошечный порез.

Ей вдруг подумалось, что имя Шарлотта начинается с той же буквы, что и слово «шлюха». Эсфирь не отрывала глаз от пола, но чувствовала, что Шарлотта с любопытством рассматривает ее, и внезапно устыдилась своего вида: заношенная ночная рубашка поверх джинсов, которые он выудил из мусорного контейнера; из-под обтрепанных отворотов выглядывают грязные босые ноги. Интересно, не вооняет ли ночная рубашка? Ее никогда не стирали.

— Шарлотта, Эсфирь — моя племянница. Она гостит у меня.

Снова раздался тот же голос нового-старого Джона Дэвида, который напомнил ей о том времени, когда она была кем-то другим, давным-давно. Он повернулся и обратился к ней так по-доброму, так ласково, что ей захотелось заткнуть уши и кричать до тех пор, пока она не перестанет его слышать.

— Эсфирь, позволишь Шарлотте воспользоваться твоим компьютером, чтобы проверить электронную почту? Она далеко от дома и была бы очень тебе благодарна.

Никакого компьютера у Эсфири не было, однако она поняла, чего от нее ждут, и кивнула, не поднимая глаз.

— Отлично. Тогда мы спустимся к тебе в комнату. Подождешь нас здесь несколько минут?

Эсфирь кивнула в знак согласия и посторонилась. Когда они проходили мимо нее, Шарлотта сказала: «Спасибо». Эсфирь быстро взглянула на нее, мельком заметив карие глаза с золотисто-зеленым отливом, и протянула руку, чтобы остановить Шарлотту, но та уже заметила узкую дверь в задней части кухни.

— Ого, тут что-то вроде потайного хода? — спросила она.

— Бомбоубежище, — пояснил Джон Дэвид, нависая над ней.

— Да не может быть!

— Этот дом принадлежал моим дедушке и бабушке. Дед был летчиком-истребителем на Тихом океане, его взяли в НАСА в шестьдесят первом. Старики могли бы переехать в большой дом в Клир-Лейк. Но бабушка верила, что холодная война закончится ядерным холокостом, что скоро придет Иисус и поразит землю. — Его голос постепенно удалялся. — И она убедила деда построить здесь подземный бункер.

— Ну и дичь, — сказала Шарлотта, немного расслабившись.

Ну и дичь. Эсфирь ни разу не слышала этой истории. Когда она представила, что у Джона Дэвида были дедушка и бабушка, он вдруг показался абсолютно обыкновенным.

— Подвал ниже уровня моря не устроишь, но достаточно десяти тонн бетона — и убежище от радиации готово.

Слова влетали ей в одно ухо и вылетали из другого, словно скучный урок истории, будто говорящий их Джон Дэвид не возносился выше любой истории, был вовсе не божеством, а обычным человеком, живущим в обычном доме.

— Вашей племяннице так повезло! Самая крутая спальня на свете.

Голос Шарлотты удалялся вниз по лестнице вместе с ее шагами. Только когда они оба исчезли в темноте, Эсфирь поняла, что сейчас произойдет: то же самое, что случилось с ней. Она свернулась калачиком на диване и закрыла уши руками, но все равно слышала. Слов нельзя было разобрать, только голос Шарлотты, все выше и пронзительнее, а затем глухой удар и еще один; что-то с грохотом упало на бетонный пол подвала; приглушенные крики, шарканье подошв по полу, словно там шла борьба. Краткий момент тишины. Тащат что-то тяжелое. А потом треск, в котором она узнала звук отрываемой от рулона клейкой ленты.

Джон Дэвид появился на верхней площадке лестницы и с усталым видом бросил на пол кладовки сверток с одеждой. Потом наполнил пластиковое ведро водой из кухонной раковины и протянул его Эсфири:

— Помой ее.

«Наложницы купали ее, умащивали благовониями и заплетали ей волосы».

Он сунул девочке новую синюю кухонную губку, мягкую с одной стороны и колючую с другой. Когда она взяла ведро, оно оказалось неожиданно

тяжелым и слегка качнулось, плеснув немного воды ему на ботинки.

Джон Дэвид подошел к дивану, прилег. Борьба истощила его, лишила эмоционального накала, который, казалось, покидал его вибрирующими волнами. Когда он лежал вот так, с закрытыми глазами, он казался меньше. Она сделала шаг к нему, но он прикрыл глаза локтем и отвернулся к спинке дивана. Через мгновение он уже храпел.

Ей вдруг стало интересно: а что Джон Дэвид делает здесь все то время, пока она дрожит в своей каморке внизу? Валяется на диване? Делает себе бутерброд? Эти мысли наполнили ее ужасом. Эсфирь повернулась и пошла к двери подвала. Она перешагнула через груды одежды, напоминающей брошенную куклу. Черная футболка лежала сверху, вывернутая наизнанку и скрученная пополам, так что рисунок на лицевой стороне превратился в изломанный контур, ткань сморщилась, неразборчивые буквы на обороте шли задом наперед. Она начала спускаться по лестнице.

Еще не видя Шарлотты, она почуяла ее запах: девочка обмочилась. Затем глаза Эсфирь привыкли к темноте, и постепенно бледное пятно приобрело очертания туловища. Шарлотта лежала голая на полу. Руки у нее были завернуты за спину и обмотаны скотчем, ноги плотно прижаты друг к другу и тоже туго обернуты клейкой лентой, напоминая цельную серебристую колонну. В тусклом свете казалось, что ноги отрезаны ниже колен, а белые ступни лежат рядом, как пара кроссовок. Кусочек скотча был прилеплен к нижней половине

маленького круглого лица; небольшая выпуклость показывала, где находится рот. Глаза Шарлотты были закрыты. «Наложницы купали ее, умащивали благовониями и заплетали ей волосы».

Эсфирь опустилась на колени, ее обдало холодом от соприкосновения с бетоном. Она поставила ведро и губку на пол рядом с собой и немного подождала.

Это уже чересчур. Надо подняться и сказать Джону Дэвиду, что она не может выполнить его приказание.

Затем Эсфирь медленно приблизилась к лежащему телу, стараясь не смотреть на него и чувствуя, как к глазам подступают горячие слезы. Она протянула руку туда, где на мягком белом животе и на ребрах обозначились алые пятна, по четыре с каждой стороны, как отпечатки пальцев. Потом взяла губку и окунула ее в воду, которая и раньше-то была чуть теплой, а теперь совсем остыла. Стараясь касаться тела Шарлотты только мягкой стороной губки, она очень осторожно приложила влажный поролон к синякам на белом пространстве живота, как будто вода могла смыть их.

Глаза девочки широко распахнулись.

Эсфирь с воплем отшатнулась.

Шарлотта, не в силах кричать из-за ленты, застонала, подняла голову, дико глядя на Эсфирь, и начала трясти волосами, пряди которых выбились из косичек и падали ей на глаза. Потом она перекатилась на бок и принялась размахивать спеленутыми ногами, пока не исхитрилась сильно пнуть Эсфирь в колено.

Та охнула и схватилась за ушибленное место. Но Шарлотта от удара потеряла равновесие, тяжело рухнула на спину и, ударившись затылком о бетон, затихла.

Эсфирь подняла губку, которая отлетела в сторону при потасовке.

— Я только умою тебя, — попыталась она успокоить Шарлотту. — Я не сделаю тебе ничего плохого.

«Наложницы купали ее, умащивали благовониями и заплетали ей волосы».

— Мне надо тебя выкупать. Ты должна стать чистой.

Пленница медленно подтянула ноги, будто устав от вспышки ярости, и уперлась ступнями в пол; голова ее по-прежнему безвольно лежала на бетоне. Шарлотта принялась медленно поворачиваться на спине по часовой стрелке, упершись затылком в пол и отталкиваясь ногами, как толстая белая золотая рыбка в аквариуме. Каждую минуту или две она замирала. Потом снова начинала движение. Наконец ей удалось отвернуть голову от Эсфири, и она застыла в неподвижности.

Эсфирь встала и подошла к ней с другой стороны, чтобы видеть лицо Шарлотты, опасаясь, что та снова начнет потихоньку уползать от нее. Но девочка, казалось, куда-то смотрела. Эсфирь опустилась на колени, приблизилась к голове Шарлотты и проследила за ее взглядом. И увидела крышки, валяющиеся на полу под кроватью.

Мусор.

От них пахло мусором. Им провоняла вся ка-морка. От крышек исходил слабый приторно-сладкий запах, которого Эсфирь раньше не замечала. Она спала над кучей мусора. Желудок у нее скрутило. Она оглядела крошечное помещение без окон. Это не подвал: подвал нельзя устроить ниже уровня моря. Это тюрьма. Камера пыток. Кровать, покрытая рваным одеялом. Весь ее мирок, такой маленький и убогий.

Снова посмотрев на Шарлотту, она поняла: этой девочке здесь не место. Она никогда не подчинится здешней атмосфере. Она все разрушит. Уже разрушила, будто вывернула комнату наизнанку, как футболку. Эсфирь могла бы прочесть послание, просвечивающее сквозь тонкую ткань бытия, но буквы шли задом наперед и не имели смысла. Надо все исправить.

Прежде всего — избавиться от Шарлотты, и она уже знала, как это сделать. Да, она совершит грех, но ведь Джон Дэвид постоянно внушал ей, что она грешница.

Эсфирь крадучись поднялась по лестнице. Джон Дэвид неподвижно лежал на диване, и ее поразило, каким умиротворенным он выглядит. Со свежевыбритым лицом, спокойно лежащий, а не нависающий над ней, он больше походил на мальчика, чем на мужчину. Она помнила, что на шее у него осталось крошечное красное пятно в том месте, где он порезался, когда брился.

Он порезался.

Значит, в доме есть бритва.

Для начала стоило бы заглянуть в ванную, примыкающую к спальне Джона Дэвида, но она туда никогда не заходила. Двери обычно были закрыты, так что, шагнув в темный коридор, она оробела. До сих пор она видела только кухню и бункер. Хотя Джон Дэвид и разрешил ей пользоваться ванной, а не крошечным металлическим туалетом в бункере, куда приходилось постоянно подливать воду, она не ходила наверх. Сунувшись в комнату, расположенную в конце коридора, она впервые осознала, что это обычный дом, даже уютный. Кровати с постельным бельем и покрывалами. Лампы, бирюзовые ковры и обои: в одной комнате — в цветочек, в другой — золотистые. На тумбочке в одной из нежилых спален стояли бронзовый олень и коробка салфеток, накрытая кружевным чехлом с пыльной оборкой по низу. Нити паутины висели в неподвижном воздухе.

Спальня Джона Дэвида выглядела почти так же. Эсфирь представляла его спящим на каком-нибудь тюфяке, а тут была огромная кровать, над которой висел пейзаж: пустыня и горы; не похоже на Хьюстон, насколько она помнила.

В шкафчиках, висевших в ванной, до сих пор хранился разный хлам, явно оставшийся от дедушки: почти пустые бутылки с засохшими на дне микстурами, флакончики с ушными и глазными каплями, пластиковые коробочки с таблетками. Ничего полезного.

Повернувшись, чтобы выйти, Эсфирь заметила за дверью мусорное ведро. Там, под кучей

салфеток и обрывков зубной нити, она разглядела злобещий отблеск.

Эсфирь вернулась к Шарлотте. Та уже очнулась. В глазах у девочки дрожали слезы, подведенные карандашом брови страдальчески изгибались посередине, ниже клейкой ленты на подбородке виднелась ямочка. Эсфирь приложила палец к губам:

— Ш-ш-ш.

Затем она отлепила полоску скотча со рта.

Девочки молча смотрели друг на друга. Глаза у Шарлотты стали такими огромными, что, казалось, на лице только они и есть, все остальное исчезло. На миг Эсфири померещилось, что она глядит в зеркало, в глаза себе самой. Минутный ступор уступил место лихорадочной деятельности: она достала из кармана комок использованных бумажных салфеток и начала осторожно разворачивать их, пока на ладонь не выпало лезвие, маленькое и злобещее. Грех.

Она показала Шарлотте лезвие и сказала:

— Не двигайся.

Скотч на запястьях сбился в толстые потные жгуты. Разрезая их бритвой, Эсфирь физически чувствовала сопротивление Шарлотты — Джону Дэвиду, дыре, в которой они оказались, даже ей. Запястья были напряжены. Эта девочка сражалась с Джоном Дэвидом. Она будет драться с кем угодно и никогда не сдастся.

А Джули, никчемная блудница, легла под него без борьбы. Забытые имена, всплывая в голове

Эсфири, путали ее, сбивали с толку. С каждым рывком лезвия она становилась свободнее. Она? Но кто? Шарлотта? Эсфирь? Или другая девочка? Эсфирь продолжала пилить путы под протестующий скрип клейкой ленты, терпеливо двигая бритвой взад и вперед. Скотч норовил закрутиться вокруг крошечного лезвия, так что приходилось периодически останавливаться и отклеивать его с тихим чмокающим звуком. Спустя, кажется, целую вечность поддались последние слои. Шарлотта откатилась, с усилием разводя руки, пока они не высвободились. На белой коже, передавленной клейкой лентой, остались красные пятна. Руки Шарлотты, короткие и тонкие, оказались на удивление сильными, хотя Эсфирь представляла, как они болят после связывания за спиной.

Шарлотта была самой храброй и сильной девочкой, которую она видела в жизни. На глаза Эсфири навернулись слезы, и она стянула через голову ночную рубашку:

— Вот.

Шарлотта тут же взяла рубашку, хранящую тепло чужого тела, и надела ее, даже не взглянув на Эсфирь. Затем она схватила бритву и принялась резать ленту на ногах. Эсфирь стянула с кровати простыню, ловко обернула ее вокруг туловища и плеч, закрепив под мышками. Ей и раньше случалось заворачиваться в простыню.

— Не поможешь? Сними это, — попросила Шарлотта, и Эсфирь начала отлеплять искромсанные полосы скотча с ее ног, в то время как Шарлотта продолжала резать. — Ладно, я убираюсь

отсюда к чертовой матери. И ты меня выведешь, или я порежу тебя вот этим. — Она подняла лезвие бритвы. — Поняла?

Эсфирь с улыбкой кивнула. Она знала, что Шарлотта не причинит ей вреда.

— Как тебя зовут? — спросила та.

— Эсфирь.

— Это твое настоящее имя?

Эсфирь задумалась, но Шарлотта уже снова принялась пилить ленту на коленях.

— Этот парень — извращенец, — пробормотала Шарлотта. — Ну же, скажи мне свое настоящее имя.

— Меня зовут Эсфирь.

— Да черта с два, — буркнула Шарлотта и с резким щелчком перерезала лезвием последнюю полоску скотча.

Когда она оторвала ленту от ног и встала, лезвие упало на пол. Шарлотта случайно задела его ногой, и оно легко, как лист, отлетело в сторону, подскочив на неровном участке бетонного пола.

— Ладно. Слушай, ты мне помогла. Ты смелая девчонка. Давай вместе выбираться отсюда. И все-таки, как тебя зовут?

Джули хотела было ответить, но Шарлотта уже не смотрела на нее. Открыв рот, она уставилась ей за спину.

15

В зале свиданий в окружной тюрьме Харриса царит адская какофония: здесь нет телефонных трубок, чтобы общаться через плексигласовые перегородки, а встроенные в них динамики едва работают, поэтому десятки посетителей, многие с детьми, вынуждены кричать через стекло. После первого визита Тома я попросила его больше не приходить и, ради всего святого, не пускать сюда Джули.

Зато я часто звоню Джейн. Раз в день, утром, я набираю номер ее мобильного телефона по безумно дорогому тарифу, и мы разговариваем, пока положенные мне пятнадцать минут не истекают и звонок автоматически не завершается. Голос у нее на удивление бодрый: она рассказывает о летних занятиях по гриму, жалуется, что никак не допишет последние рефераты, подумывает о вступлении в лигу кикбола. Мое преступление словно отворило шлюзы, и Джейн бурлит подробностями, которые я с таким трудом выуживала у нее прежде. Детали ее повседневной жизни, бунтарской только с виду, на уровне краски для волос, кажутся мне восхитительными. Когда ее постоянно сравнивали с той, кого уже нет и кто именно

поэтому выглядит идеалом, Джейн не знала, как реагировать. Теперь, когда есть реальный человек, с которым можно себя сравнить, ей, похоже, больше не нужен эпатаж. Насколько я могу судить, она в ладу с собой. Иногда ее болтовня немного утомляет, но это расплата за годы пренебрежения младшей дочерью. Она не задает никаких вопросов обо мне, даже не произносит ни к чему не обязывающего «Как дела?», и я ценю это. О Джули она тоже не спрашивает, но Том говорит, что сестры регулярно переписываются.

(«Конечно, я с самого начала знала, что это она», — сказала Джейн, когда я наконец набралась смелости задать вопрос, надеясь убедить ее, что я не плохая мать, а просто глупая. Когда я напомнила, что она сама уличила Джули во вранье насчет мобильного телефона, Джейн ответила: «Ну и что? Я тоже постоянно вру, но это все равно я».) В глубине души я расстраивалась, что Джейн даже после случившегося не пожелала вернуться домой, но, поразмыслив, пришла к выводу, что она ждет, когда я попрошу ее об этом. И пока я не перестану бояться отказа, мы обречены оставаться в тупике.

В то же время не могу сказать, что мне не нравится смотреть на мир глазами Джейн. Вдохновляет, что я сумела бросить вызов миру, даже если в повседневной жизни я иду с ним на компромиссы и играю по заданным правилам. Я провела всю жизнь с оглядкой, и что теперь? Тропы моих помыслов заросли, выбранная модель поведения не принесла результата. Может быть, это

побочный эффект изучения поэтов-романтиков, этих фетишистов неординарности, которые два столетия назад разрушили традиционные ценности, представив их банальностью; может быть, поэтому я и не могу нормально общаться с теми, кто любит меня и кого люблю я. Но я стараюсь наладить отношения с Джейн. Я слушаю ее, воображая удар мокрого мяча о кроссовки на спортивной площадке, и в конце каждого телефонного разговора чувствую, что грязная камера, освещенная флуоресцентными лампами, давит на меня чуть меньше.

У происшествия нашлись свидетели: молодая пара, которая той ночью брела по лужайке, чтобы полюбоваться светящимся водопадом. У юноши есть судимость, и он не может давать показания, но девушка подтвердила: хоть она и не могла видеть нас с Джули с того места, где находилась, зато благодаря подсветке фонтана хорошо разглядела жертву. Человека с поднятыми руками, умоляющего о пощаде. Раздался выстрел, человек упал в воду. Но девушка не стала звонить в службу спасения.

Это сделала я.

Как назло, судья, назначенный для нашего громкого дела, — бывший окружной прокурор. Он известен тем, что неизменно отклоняет апелляции, принимает сторону обвинения и даже дает показания против тех, кого судит. Кроме того, он так громогласно вещает о своих отношениях с Христом, будто получил от Чака взятку. Мысль

об ученой безбожнице, гниющей в окружной тюрьме — заведении, славящемся жестокими порядками, которые мне предлагают смягчить в обмен на стукачество, — наверняка нравится судье Кроффорду не меньше, чем стороне обвинения, которая подает одно ходатайство за другим об отсрочке слушания дела о моем залоге, используя любые предлоги, от демонстрации фото, где Джули шепчет что-то на ухо Максвеллу, до нездорового ажиотажа по поводу ужасных нападков на уважаемый столп общества.

Тюрьма грязная, переполненная, находится здесь унизительно и мучительно скучно. Тут запрещены телефонные звонки, входящие письма ограничены по длине и подвергаются тщательной цензуре, а официальное одобрение заказа на получение книги тянется месяцами. Я бы заплатила кучу денег за возможность почитать что-нибудь и отвлечься от мрачной обстановки. Но если Кроффорд ожидает, что заключенные будут приставать ко мне, то ошибается. Женщины меня не трогают. Должно быть, среди них уже распространился слух, что я застрелила человека, который похитил и изнасиловал мою дочь. Доказать, что дело было именно так, конечно, гораздо сложнее, однако именно на этом зиждется моя самозащита. В полицейском участке я умоляла проверить ДНК жертвы с места преступления в бункере в Ривер-Оукс и воспользовалась единственным телефонным звонком, чтобы оставить сообщение для Алекса Меркадо. Должна признать, что, хотя и можно заметить в форме нависающих бровей

Максвелла и в его голубых глазах с опущенными веками сходство с портретом похитителя, все же бородатое, с квадратной челюстью лицо проповедника, знакомое всем по билбордам, не слишком напоминает набросок, сделанный восемь лет назад полицейским художником со слов десятилетней Джейн.

На том рисунке изображен тощий парень в толстовке и с длинными волосами, собранными в хвост.

К тому же сам Максвелл утверждает, что мы с Джули шантажировали его вместе.

Да-да, Чак вполне себе жив. Выстрелив, я попала ему в плечо, и он упал на спину в фонтан, прежде чем я успела заметить, что пуля его не убила. Это и к лучшему. Если бы я сразу сообразила, что он не умер, то, без сомнения, продолжала бы стрелять, пока не кончатся патроны. Я рада, что не сделала этого, — и не потому, что смерть Максвелла была бы такой уж большой потерей для мира; не потому, что хочу видеть его не мертвым, а униженным, разоблаченным и упрятанным за решетку на всю жизнь. Просто, если бы он погиб, прокуроры могли бы выдвинуть мне обвинение в убийстве прямо сейчас. В Техасе даже случайная смерть, произошедшая во время совершения преступления, карается смертной казнью, а шантаж считается уголовным преступлением. Когда я нажимала на спусковой крючок, сохранение собственной жизни не стояло на первом месте в моем списке приоритетов. Но теперь все по-другому, потому что моя дочь вернулась ко мне.

Я хотела бы сказать, что это произошло в мгновение ока; что там, у стены воды, с пистолетом, направленным на Чака Максвелла, я вдруг увидела тринадцатилетнюю Джули в лице взрослой девушки. Как стереокартинка, на которую смотришь неделями, а потом внезапно проступает объемное изображение. Но это было бы неправдой. Потому что я всегда знала, что это она. С самого начала, с того момента, как она появилась на пороге. Я знала — просто не верила. Ее ложь и увертки подогревали сомнения, уводили в сторону. Моя новая версия Джули похожа на оптическую иллюзию: черное пространство в форме канделябра или вазы между двумя профилями. Представьте себе два лица, Джули тогдашнюю и Джули теперешнюю, которые смотрят друг на друга в профиль через глубокую рану горя. Все это время я видела только уродливые очертания того, что находилось между ними. Черную пропасть травмы.

Я не разговаривала с Джули с самого ареста, поэтому до сих пор не знаю, что скрывается в этой черной дыре. Но я готова принять силуэты, которые находятся по обе стороны от нее. Джули — до и Джули — после.

На досудебном слушании прокуроры просят перенести дату судебного разбирательства. Сначала я думаю, что меня хотят запугать, держать в напряжении. Но затем слышу слова «жертва убийства в Ривер-Оукс» и догадываюсь, что Алекс Меркадо получил мое телефонное сообщение. Главный адвокат по моему делу снова просит внести залог, пока полиция расследует связь

между Максвеллом, Джули и Шарлоттой Уиллард, тринадцатилетней девочкой, которая исчезла из дома на границе Луизианы, в округе Борегард, примерно через полгода после того, как пропала моя дочь. Анализ ДНК подтвердил, что останки в бомбоубежище принадлежат Шарлотте Уиллард. И домом этим первоначально владела бабушка Максвелла. Возможно, Алекс писал мне об этом в сообщениях, но мне придется подождать, пока разрешат проверить телефон. Я помню, как Джули сказала: «Наш старый дом». Алекс ошибся насчет ее смерти, но в остальном оказался прав. Он просто перепутал девочек: кто сбежал, а кто погиб. На самом деле все могло обернуться и по-другому. Я снова думаю о той страшной фотографии, и ужас, который выпал на долю той девочки — другой, не моей дочери, — душит меня. Я представляю горе ее матери и снова начинаю жалеть, что мой выстрел не убил Максвелла.

Судья в очередной раз отказывается освободить меня под залог, но адвокат выглядит обнадеженным. При встрече он рассказывает мне об анонимном посте в Интернете некоей девушки. Она пишет, что тоже подверглась сексуальному домогательству со стороны Максвелла, а когда ее мать пожаловалась, их исключили из церковной общины. Кроме того, одна из сотрудниц методистской церкви Спрингшира, на сей раз не анонимная, а с именем, утверждает, что Максвелла девять лет назад уволили с должности руководителя молодежной группы после жестокого обращения с ее дочерью. Обе женщины немедленно получают

от адвокатов «Врат» приказ прекратить нападки на уважаемого пастора.

Но теперь начинают давать показания и другие похищенные дочери.

Заключенные тюрьмы округа Харрис не могут принимать телефонные звонки, письма без цензуры или недозволенные книги. Зато у меня есть неограниченный доступ к юридическим документам, связанным с предстоящим судом. На следующей встрече адвокат протягивает мне толстую папку:

— Расшифровка показаний. Думаю, вам стоит прочитать это, Анна.

Любая информация только на пользу, и я говорю ему об этом.

Он вздыхает:

— Должен вас предупредить... Читать это не так-то просто.

Листая сотни страниц и встречая одно имя за другим, я прихожу в ужас.

— Они все стали жертвами Максвелла?!

— Нет, — отвечает адвокат. — Только одна.

Джули

все еще чувствовала себя кем-то другим.

Она — это я. Я — это она. Конечно, я знаю это. Но...

Может быть, мне просто стыдно. Джули теперь кажется мне полной идиоткой. Еще в детстве она придумала себе друга — лошадку из книги, даже не помню из какой. Белую лошадку с серебристой гривой. Когда Джули ехала в автобусе в начальную школу, она обычно смотрела в окно и представляла себе лошадь, скачущую рядом с автобусом. Даже протягивала руку, будто кормит ее сахаром. Это была не просто фантазия, она почти видела ту лошадь.

Я почти видела ее. Это была я. Я должна рассказать историю Джули как свою. Ради нее я постараюсь.

Лет в пять я спросила маму, кто такой Бог. Это одно из самых ранних воспоминаний Джули. Моих воспоминаний.

Мама засмеялась: «Ну, просто человек». Когда я спросила, где он живет, она ответила: «Наверное, в Сан-Диего». Потом посоветовала спросить об этом папу.

Я так и сделала, но не помню, что он ответил. Мне нравилось представлять себе, что Бог обитает в Сан-Диего. Там жили мои бабушка с дедушкой, и мне казалось, что в Сан-Диего намного лучше, чем в Хьюстоне. Уже тогда я сообразила, что в ответе мамы про человека из Сан-Диего есть доля шутки, но не понимала, в чем прикол. Я видела, что мама смеется, но думала, что она смеется надо мной.

Как бы то ни было, тем летом — или раньше, точно не помню, — мы действительно поехали в Сан-Диего навестить бабушку с дедушкой. У них были формочки в форме замков, и, если набить их мокрым песком и перевернуть, получались башенки с зубчатыми гребнями сверху и ямочками окон по бокам. Помню, мне в глаз попал песок, когда я пыталась заглянуть в это ненастоящее окно, и было очень больно. Папа помог мне промыть глаз и, когда я перестала плакать, сказал: «Куда интереснее просто вообразить, что там внутри». Так я и сделала. И когда Джейн стукнула кулаком по одной из башен и весь замок развалился, я даже не расстроилась, потому что мысленно уже построила новый замок, и он был гораздо лучше, ведь никто не мог его разрушить.

Я не говорю, что все это имеет какое-то отношение случившемуся. Я лишь привожу примеры того, что у Джули была своя история веры. Ей хотелось верить, что внутри замка что-то есть, хотя она своими руками набивала формочку мокрым песком. Ей хотелось верить, что Бог — прекрасный человек, который живет с ее прекрасными

бабушкой и дедушкой на прекрасном пляже, и, может быть, когда-нибудь они все вместе поселятся в прекрасном воображаемом замке.

В ту же поездку папа рассказал мне, что стекло делают из расплавленного песка. Разве в Бога труднее поверить, чем в такое?

Я пытаюсь вспомнить то, что было раньше. Но после таких потрясений «до» больше не существует. Новое, ворвавшееся в вашу жизнь, уничтожает прошлое. А если нет «до», то неважно, в каком порядке выстраивать воспоминания.

Я могла бы начать с чувства стыда, но в итоге все мои воспоминания и так приведут к нему. Поэтому не буду торопиться.

Я познакомилась с Чарли в воскресной школе летом после седьмого класса, когда ходила в церковь со своей подругой Кэндис. Не знаю, помнят ли ее мои родители. Она всегда носила большие банты в волосах, которые ее мама мастерила с помощью клеевого пистолета. Банты гармонировали с нарядами Кэндис. Джули немного завидовала ей. Вернее, ревновала. Сейчас я не могу себе представить, что меня волновали такие вещи, но Джули они волновали. Мама Кэндис покупала дочке красивую одежду и делала красивые бантики, а моя мама неодобрительно, поджав губы, разглядывала меня, если я надевала нарядное платье. Она очень серьезная: профессор.

Как бы то ни было, впервые я пошла в воскресную школу с Кэндис, и там был он — не Чак Максвелл из статьи, которую я нашла много лет

спустя, даже не Джон Дэвид, а просто Чарли, тощий парень с гитарой, ведущий музыкальный класс. Воскресная школа мне нравилась, здесь все было по-другому. В обычной школе учился один мальчик — не знаю, как теперь называют таких детей, но тогда говорили «умственно отсталый», и семиклассники в столовой швыряли в него картошкой фри. Его звали Джейсон. Так вот, в воскресной школе этот Джейсон сидел в первом ряду, и никто его не задирал, даже мальчишки. Он выглядел совершенно счастливым, подпевая и размахивая руками в такт пению. Как будто у него появились друзья. И все ребята тоже чувствовали себя счастливыми.

Остальная часть церкви сбивала меня с толку. Коридоры были увешаны изображениями библейских сцен: женщины кладут младенцев в корзины, и те плывут по реке; женщины несут кувшины с водой на голове; женщины омывают ноги Иисуса своими волосами. А проповеди обычно касались дорожного движения, или вечерних телепередач, или свежей статьи в «Ньюсуик», что вроде бы не имело никакого отношения к знаменам, гимнам и чтению Библии. Во время проповедей мы с Кэндис отвлекались и писали друг другу записки на церковных бюллетенях или рисовали карикатуры карандашами, которые лежали на скамейках. Ее родителей не заботило, чем мы занимаемся, лишь бы вели себя спокойно.

После службы мы с Кэндис брались за руки и шли в комнату отдыха воскресной школы, где стояли диваны, телевизор с большим экраном

и висели плакаты, похожие на граффити, со стихами из Библии. В воскресной школе не было проповедей, только песни, которые мы пели с Чарли под гитару, а дальше шел, как он это называл, «серьезный разговор», когда мы кругом рассаживались на полу.

Иногда беседа начиналась с библейского стиха, но очень скоро дети перескакивали на свои проблемы. Часто речь шла о девочках: что они носят, с кем танцуют, благочестивы ли они и насколько благочестивы, и как важно блюсти целомудрие. Однажды весь день обсуждалось, можно ли девочке лицемерить, говоря, что ей нравится наряд подруги, если на самом деле он ей не нравится. Я помню, как один парень из восьмого класса захотел пригласить на свидание еврейскую девочку, и ребята целый час спорили, попадут ли евреи в ад, и если да, то стоит ли делиться с ними посланием Иисуса. Некоторые спрашивали о серебряных крестиках ювелирной фирмы «Джеймс Эйвери», которые были тогда в моде: можно ли девочкам носить их напоказ?

Поначалу я только наблюдала со стороны. В нашем доме мама считалась всезнающей, да и папа мог ответить на любой вопрос. Но оказалось, что есть вопросы, о которых я даже не догадывалась; что целый мир живет в другом измерении, и мои родители, похоже, ничего об этом не знают. Оказалось, что вокруг меня идут битвы, где каждое слово и действие имеют более глубокий смысл, чем видится с первого взгляда, и даже украшения, которые носит человек, могут быть

связаны с тем, что называлось спасением. Чарли никого не подстрекал. Он просто сидел на полу и слушал, кивая, когда споры становились жарче. Потом, ближе к концу отведенного нам часа, он начинал говорить, и все замолкали. Чарли объяснял, что Бог наблюдает за нами, что Господь любит нас больше, чем мы любим самих себя, и нам нужно лишь стараться быть достойными его любви. Иисус, говорил Чарли, стал человеком, чтобы понять, каково это. Христос знал, как трудно не грешить, и заплатил самую высокую цену, чтобы привести нас к спасению. Урок закончен, пора расходиться.

Другими словами, Чарли вообще не давал никаких ответов на животрепещущие вопросы.

Зато это с удовольствием делала Кэндис.

— Не обижайся, — сказала она однажды, когда мы шли по коридору после службы, — но в Библии сказано, что твои родители попадут в ад.

В тот день я разрыдалась в воскресной школе. А когда Чарли спросил, не хочу ли я остаться и поговорить, я так смутилась, что не смогла произнести ни слова, только молча кивнула: «Да».

Больше нет «до». Случившееся окрашено в моих воспоминаниях в причудливые цвета, как на старых фотографиях. Его предложение отвезти меня домой, когда Кэндис стала меня торопить, поскольку ее родители ждали нас у выхода. Его улыбка, когда он предупредил, чтобы мы с Кэндис не говорили родителям или другим людям, что он повезет меня домой, потому что иначе ему

сначала придется оформлять кучу доверенностей. Его признание, когда Кэндис ушла, что ради меня он готов рискнуть, потому что я особенная. Честно говоря, он не говорил такого напрямую, но дал мне понять. Я была для него особенной. Я, Джули, неверующее дитя неверующих родителей. Даже на Пасху и Рождество папа с мамой никогда не поминали Бога. Когда мы с Чарли сидели вместе у него в кабинете, я спросила, неужели Бог и правда отправит моих родителей и Джейн в ад за неверие, а он ответил, что это никому не известно. Только Бог вправе судить, и любой, кто грозит другим адом, пытается выполнить за Бога его работу. А это неправильно.

— Но и не верить в Бога тоже неправильно, — возразила я. — Библия говорит, что нам следует верить в Иисуса.

— В Библии также говорится, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царствие Небесное, — заметил он с усмешкой.

Я не была уверена, что мы богаты, но точно знала, что у Кэндис семья состоятельная: я достаточно часто ночевала у нее.

Потом Чарли сказал, что важно не осуждать других, а самому прийти к спасению. Он сказал, что я очень храбрая, раз хожу в церковь одна. Он сказал, что у меня душа искателя.

Сколько себя помню, меня всегда мучило, что никто не может понять чувств и мыслей другого человека. От осознания, что никто не сможет проникнуть мне в голову, я казалась себе самой

одинокой девочкой в мире. Я страстно жаждала уничтожить эти границы. Жаждала появления некой ауры, волшебного потока, пронизывающего планету и соединяющего всех и вся.

Когда Чарли заговорил со мной, я увидела, что границы исчезают и расстояние между нами сужается.

Чарли трижды отвозил меня домой из церкви. Каждый раз, когда он высаживал меня на стоянке у аптеки в Кирквуде, я покупала какой-нибудь пустяк, конфеты или журнал, чтобы, пройдя четыре квартала до дома, объяснить, почему родители Кэндис высадили меня именно там. У меня всегда был наготове ответ, но мама даже не спрашивала. Стояла весна, и она обычно чем-нибудь занималась во дворе, когда я возвращалась домой с фирменным пакетом из аптеки. Наверное, ей не приходило в голову, как нелепо покупать такую ерунду за четыре квартала от дома.

На стоянке у аптеки разговоры с Чарли становились глубже тех, что мы вели в его маленьком кабинете в церкви, куда постоянно врвался секретарь, чтобы воспользоваться копировальным аппаратом. На стоянке Чарли как-то признался мне, что вообще не верит в ад. Всем нужен свод правил: люди хотят получить инструкцию для жизни, хотят, чтобы им точно сказали, как поступать. Но Иисус пришел, чтобы уничтожить правила. Иисус пришел, чтобы стереть законы, написанные на каменных скрижалях, и вместо скрижалей

написать их на наших сердцах. Он хочет, чтобы мы сами чувствовали истину внутри себя, когда молимся Господу.

— Бог послал Иисуса в облике человека, — добавил Чарли, положив руку на спинку моего сиденья, — чтобы научить нас быть людьми.

От него терпко пахло лосьоном, и я впервые увидела, какие у него красивые голубые глаза, а светлые ресницы длиннее, чем я думала.

— Никогда не забывай, — сказал он мне, и я не забыла. — Люди всегда будут тебя подводить. Кэндис тебя подведет. Твои родители тебя подведут. Я подведу тебя. Только Бог всегда будет рядом.

Я кивнула, глядя ему в глаза. Его пальцы слегка касались моего плеча, а потом он со вздохом убрал руку со спинки сиденья.

Я тоже отодвинулась.

Вернувшись к себе в комнату, я сменила церковное платье на домашнюю одежду, но не пошла вниз, а забралась в постель и натянула одеяло на голову.

Бог послал Иисуса в облике человека, чтобы научить нас быть людьми.

Кого Бог послал, чтобы научить меня быть женщиной? Чарли?

Когда на следующей неделе я пришла в воскресную школу, его уже не было. Одна из старейшин церкви, женщина лет пятидесяти, которая вела занятия в воскресной школе, сказала нам, что

по личным причинам Чарли пришлось уйти в отставку и вряд ли он вернется. Уже начаты поиски нового молодежного пастора, а пока занятия приостановлены.

— Можно хотя бы попрощаться с ним? — спросил кто-то.

— Давайте купим открытку, — предложила Кэндис. — И все подпишем ее.

— Было бы здорово, — сказал самый старший из учеников. — А теперь достаньте Библию и обратитесь к Первому посланию к Коринфянам, глава тринадцатая.

Даже я знала этот стих. Он был напечатан в церковных бюллетенях и вышит на некоторых гобеленах в залах. Но на этот раз слова, казалось, были обращены прямо ко мне: если я имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто⁹.

Чарли говорил, что подведет меня. И оказался прав. С его уходом в церкви стало скучно, и я перестала ночевать у Кэндис. В школе я записалась в легкоатлетическую команду. Я не слишком хорошо бегала на скорость, но могла преодолевать большие расстояния, быстро разгонялась и неплохо брала препятствия. Глядя на девочек, с которыми мне предстояло тренироваться летом, на всех нас, выстроившихся на пыльной дорожке, на наши стройные ноги, обтянутые нейлоновыми шортами, я знала, что мне больше не нужны ни Кэндис,

---

⁹ 1 Кор. 13: 2.

ни церковь, ни Чарли. В восьмом классе у меня будут настоящие подруги, которые научат меня делать прическу, краситься и общаться с мальчиками. Девочки из легкоатлетической команды устраивали ночевки и выездные встречи; они рисовали друг другу на лицах полосы и слово «Найк». Они были одной командой. Когда я пошла в восьмой класс, у меня наконец-то началась настоящая жизнь.

Через несколько месяцев я получила приглашение в чат.

Его звали Джон Дэвид. Вместо фотографии — очертания головы с вопросительным знаком внутри. Судя по странице в «Фейсбуке», ему исполнилось шестнадцать, и в его профиле совсем не было друзей.

Я попыталась вспомнить ребят, которые учились в средней школе. У моей подруги Анджелы был старший брат по имени Джон; одно время мне казалось, что я в него влюблена. Еще Джон Дэвид мог оказаться одним из моих одноклассников, добавившим себе лет. Или какие-то злые девчонки решили разыграть меня, придумав «тайного поклонника», а потом сделать скриншоты нашей переписки и выложить на всеобщее обозрение. Нечто подобное случилось с девочкой, которую я едва знала, Ребеккой. Правда, она не была у меня в друзьях в «Фейсбуке», и я не помнила подробностей.

Я обновила страницу, ожидая увидеть, как количество друзей в его профиле взлетит до сотен,

и окончательно убедиться, что он фальшивка, бот, но ничего не изменилось. Только сообщение с сервера проинформировало меня, что он не может связаться со мной, пока я не приму его предложение дружбы, поэтому я нажала на вопросительный знак, и появилось окно чата.

«Привет».

«Кто ты?» — напечатала я.

Я никогда не сокращаю слова, ставлю знаки препинания и заглавные буквы даже в чатах с друзьями. Я читала «Дневник Анны Франк» и не могла смириться с тем, как некрасиво выглядят сообщения большинства моих друзей по сравнению с теми фразами, которые писала девочка нашего возраста.

Окно чата пустовало несколько минут. Затем оно замигало, как это бывает, когда собеседник печатает.

«Я не хочу называть свое настоящее имя».

«Но я тебя знаю?» — спросила я.

Пока он набирал ответ, возникла долгая пауза, и я решила, что он пишет с телефона.

«Когда-то мы с тобой вели невероятные беседы». Не успела я задать очередной вопрос, как окно чата снова мигнуло: «Душа искателя».

Волна жара прокатилась по телу, начиная от пальцев ног и поднимаясь к лицу. Щеки запылали.

Я напечатала: «Чарли?»

Но не стала нажимать на «отправить» и удалила вопрос.

«Джули? Ты там?»

Я медленно выдохнула и напечатала: «Кажется, я тебя знаю. Ты несколько раз подвозил меня домой». Я словно по-прежнему переписывалась с шестнадцатилетним парнем. Интересно, сколько ему лет на самом деле?

«Да». — «Где ты сейчас? Ушел, не попрощавшись». — «У меня были свои причины. Ты не знаешь мою версию событий».

Версию? Я нахмурилась и снова набрала: «Где ты сейчас?»

Вскоре пришел ответ: «Пока я не могу увидеться с тобой или сказать, где я. У меня есть на то свои причины. Ты всегда была умнее других. Я просто хотел возобновить общение».

«Рада получить от тебя весточку», — написала я, поскольку не знала, что еще сказать.

Последовала долгая пауза.

«Бог все время с тобой. Я вижу его сияние вокруг тебя, как нимб».

Кожа у меня покрылась мурашками, и я внезапно почувствовала на себе его взгляд, почти как в нашу последнюю поездку домой. Где же он все-таки?

«Почему ты ушел? Даже не попрощался». — «Обещаю, скоро я все тебе расскажу, а пока, пожалуйста, просто поговори со мной. Мне так одиноко».

Я попыталась представить его перед экраном компьютера или склонившимся над телефоном, но не смогла.

«Я скучаю по тебе, — написала я, но потом стерла и набрала: — Все скучают по тебе».

«Я тоже скучаю по тебе, — ответил он, будто услышал настоящую фразу у меня в голове. — С нашего последнего разговора произошло нечто очень важное. Я открою тебе правду. У Бога есть план для меня. И для тебя тоже».

На этот раз ему не пришлось напоминать, чтобы я ничего не говорила родителям. Он знал, что я промолчу, и я знала, что он знает. И хотя слово «Бог» вызвало во мне прежний трепет, именно вера Чарли в меня и радость оттого, что я нужна ему, молнией вспыхнули внутри, опалив меня.

«Расскажи», — попросила я.

«Я видел лицо Бога, Джули. Ему кое-что от меня нужно. И от тебя тоже». — «От меня?» — «От всех нас», — пришел ответ после долгого молчания.

Его план стал чем-то вроде общего спецпроекта, над которым мы работали вместе, а еще он походил на игру. Всякий раз, болтая с Чарли — или с Джоном Дэвидом, как я начала называть его, — я переносилась в другое измерение. Вначале я боялась, что родичи увидят переписку на экране, — мой монитор был виден из дверного проема — и подпрыгивала каждый раз, когда в коридоре скрипели половицы. Но потом научилась успешно существовать сразу в двух мирах: в обычном, состоявшем из повседневных дел, где я обедала, делала домашнее задание и шла на тренировку после школы, — и в мире, где мы с Джоном Дэвидом работали над осуществлением нашего плана. В обычном мире я была Джули,

отличницей, спортсменкой из секции по бегу с барьерами. Я по-прежнему получала высокие оценки и усердно делала уроки после школы. Это тоже входило в план: никаких резких изменений в поведении. Я изо всех сил старалась не худеть, но вес неуклонно таял, сколько бы отцовской лазаньи я ни съедала. Мама винила во всем занятия бегом и подкладывала мне добавку, но я знала, что это тоже входит в план: мне следовало подготовиться к тому, что Джон Дэвид называл «грядущими лишениями».

В повседневном мире я была «обычной» Джули, но в нашем с ним мире меня окружало сияние. Джон Дэвид говорил, что моя красота подобна сердцевине спящего света, что она как солнце, что это Огонь Божий нимбом сияет вокруг меня. Хотя мы не виделись, поскольку он сказал, что это слишком опасно, я знала, что он каким-то образом наблюдает за мной. Он говорил, что я предстаю перед ним, когда он закрывает глаза и молится; а еще он говорил, что видел меня на фоне солнца и оно сияет вокруг меня. Были и другие вещи, которые он знал обо мне, но не из переписки. Он знал, например, когда я начала брить ноги. Хотя волосы на ногах у меня почти не росли, разве что пушок слегка поблескивал на солнце, другие девочки сочли бы странным, если бы я не брила их. Джону Дэвиду не нравилось, что я вожу лезвием по ногам. Он заявил, что впредь мне не придется делать ничего подобного. И еще говорил много такого, что вносило умиротворение и блаженство в мой мир.

Я не знала, находится ли он рядом, чтобы наблюдать за мной, или выясняет информацию обо мне другим способом. И не хотела знать. Вместо этого я начала представлять, что он видит меня постоянно, и мне хотелось носить его взгляд под одеждой, на голом теле, как тайну. Тогда даже роль «обычной» Джули становилась более захватывающей. Теперь всеми обыденными делами я занималась для него. Красила губы в ванной, хихикала с другими девочками, читала «Убить пересмешника», положив ноги на пуфик, помогала маме мыть посуду после ужина, расчесывала волосы — всё для него. Несколько раз я перечисляла в дневнике свои действия в течение дня. Действия «обычной» Джули. Я даже притворилась, будто влюблена в одного парня в школе, Аарона, и не сомневалась, что Чарли знает, как хорошо я играю свою роль. Я начала делать намеки, которые мог понять только он. Я нарисовала овечку на папке, представляя, как мой пастырь смеется над шуткой. На сборах перед спортивными состязаниями я нарисовала на щеке солнце, чтобы он увидел его и понял послание. Неважно, насколько я была похожа на обычную девочку-подростка для других, главное, что Джон Дэвид обитал где-то рядом, и пока он смотрел на меня, я казалась себе божественной.

Два мира соприкасались друг с другом только ночью, под одеялом. Тогда я пыталась прошептать «Иисус», но вместо этого получалось «Джон Дэвид». Однажды мне почудилось, что я падаю, разлетаясь на миллионы осколков, становясь тьмой

в центре света. Я стиснула зубы и ждала, когда все закончится. Когда я открыла глаза, в них мелькали красные звездочки.

Именно тогда я поняла, что когда-то была влюблена в Чарли. Волна стыда захлестнула меня. Глупо влюбляться в того, кто никогда не ответит мне тем же, потому что считает меня глупым ребенком. Но ребенком я была в те дни, когда мы встречались в церкви, теперь я уже не ребенок. Облик Чарли размылся и потускнел, ведь прошло уже несколько месяцев с тех пор, как я видела его лицо. Теперь я не влюбленная школьница, потому что я вовсе не школьница, не «обычная» Джули. Я стала божественной.

Когда мы общались в чате, очертания головы и плеч, заменявшие фотографию, напоминали тень, отбрасываемую на тротуар кем-то невидимым. Тень была Джоном Дэвидом, а прежний, заурядный Чарли казался не более интересным, чем прежняя «обычная» Джули. Влюбленность, которая смущала меня, касалась только Чарли. Джон Дэвид — другой. Он часть света, он окружен сиянием. Не тень, а реальный человек, который стоит на фоне солнца; человек, чей силуэт едва удастся различить через прищуренные глаза, потому что он скрыт ослепительной яркостью неземного света. Слезы подступали у меня к глазам, а в груди разливалось тепло, от которого сладко ныло сердце. Я зажмуривалась и видела фигуру Джона Дэвида, окруженную ореолом, в эпицентре яркого сияния. Он уже изменил меня. Идя к нему по дороге, проложенной его

сиянием, я растворилась в нем, и тьма стала чистым светом.

На самом деле наш план был антипланом. Нам следовало всецело положиться на волю Бога. Это все, что я знаю. Джон Дэвид обещал, что мы вместе отдадимся источнику света, погрузимся в море его любви и нам никогда больше не придется строить никаких планов.

Однажды вечером я послала ему стих о полевых лилиях. Он поправил меня: «Мы не станем лилиями, мы станем ничем. Превратимся в абсолютное ничто».

В последний вечер перед тем, как план должен был осуществиться, Джейн посмотрела на меня, когда мы чистили зубы, и сказала:

— Я кое-что знаю о тебе.

В тот момент я считала про себя до ста, как всегда делала, когда чистила зубы. Чувствуя на себе взгляд сестры в зеркале ванной, я представила себя в одиночестве, чтобы выражение лица не менялось.

— Ты думаешь, никто не замечает, — сделала Джейн еще одну попытку. Из рта у нее потекла вспененная зубная паста, и она сплюнула ее в раковину. — Думаешь, ты крутая.

Я не считала себя крутой. Родители считали меня крутой. В школе считали меня крутой. Но это было не так. Я выглядела крутой только из-за подруг, которые всегда звонили мне по выходным, чтобы пригласить в торговый центр.

Один из их старших братьев высаживал нас у «Галереи», где мы примеряли топики на бретельках в «Вет сил» и нюхали все духи в «Сефоре». В доме Кристиана устраивались пижамные вечеринки для всей команды. Там я болтала с Лорен или Майей, и все темы сводились к Аарону. Может, Джейн говорит об этом? Выдуманная влюбленность в Аарона обросла такими подробностями, что иногда казалась мне вполне реальной.

Я снова сосредоточилась на зеркале и заметила, что лицо у Джейн покраснелось, а в глазах стоят слезы.

— Почему ты меня больше не любишь?

Я дошла до ста как раз в тот момент, когда тема разговора поменялась. Я уже знала, что это не совпадение. Совпадений не бывает. Я наклонилась и осторожно сплюнула пасту в раковину, затем выпрямилась и вытерла рот полотенцем.

— Почему ты думаешь, что я больше не люблю тебя?

— Могла бы просто сказать: «Я тебя люблю», — скривилась Джейн.

— Но я действительно тебя люблю!

— Нет, не любишь!

Слезы уже текли по покрасневшимся щекам сестры. В последнее время Джейн часто плакала. Мама сказала, что половое созревание у нее наступило раньше, чем у меня, зато и закончится раньше. В старой пижаме с фланелевой рубашкой на пуговицах и завязками на брюках Джейн выглядела крупнее меня, хотя пока не догнала в росте. Грудь у нее тоже еще не появилась, но перемены

уже явственно чувствовались. Мама уверяла, что скоро Джейн перерастет меня. «А я этого уже не увижу», — с болью подумала я.

— Ты моя сестра, — сказала я. — Какой бы ты ни была, я тебя люблю.

Мне хотелось свести разговор к шутке, но, произнеся эти слова, я поняла, насколько они верны. Все детство мы вместе играли, дрались и делали все остальное. Джейн кидала в меня игрушки, если я поворачивалась к ней спиной, игнорируя ее, а я бежала жаловаться маме, когда младшая сестренка не подчинялась правилам настольной игры или удидала, потому что проигрывала. К глазам подступили слезы, и я бесстрастно подумала, что не следует удерживать их. Даже слезы могут пойти на пользу плану.

— Тогда почему ты не хочешь тусоваться со мной? Вечно гуляешь со своими новыми друзьями, а мне приходится сидеть дома и смотреть телевизор в одиночестве. Ты даже ни разу за все лето не посмотрела со мной «Красавицу и чудовище».

— Но фильм-то дурацкий, Джейн, — возразила я. — Детское кино.

— Не дурацкий! Мне нравятся песни оттуда.

Особенно она любила ту песню, что звучала в таверне. Всякий раз, когда Джейн казалось, что ее игнорируют, она заводила эту песню, и если остальные не бросали свои дела и не начинали подпевать, она голосила все громче и громче. Джейн не боялась показаться назойливой, не боялась заполнить собой все пространство.

— Я уже не ребенок, Джейн. Меня не интересуют принцессы, мультфильмы и прочая чепуха.

— Я скучаю по тебе, — сказала сестра.

Теперь, когда я решила, что опасность миновала, у меня вдруг полились слезы.

— Ну хорошо, — начала было я, но слова застряли в горле. — Я посмотрю кино с тобой в эти выходные, обещаю. — Ложь каким-то образом сделала меня сильнее, придала уверенности, успокоила.

«Обычная» Джули осталась бы дома в субботу утром, чтобы сдержать обещание, сказала я себе. «Обычная» Джули осталась бы, чтобы посмотреть фильм с Джейн, поболтать с ней, помочь с домашним заданием, посоветовать не носить вещи, из-за которых в школе ее будут дразнить.

— Правда? — спросила Джейн.

— Конечно. — Я снова посмотрела в зеркало. — Так что ты там говорила? Что ты обо мне знаешь?

Слезы у Джейн высохли. Она не улыбнулась, но сделала вид, будто готова улыбнуться.

— Я знаю, что ты не очень любишь бег, — выпалила она. — Ты просто притворяешься, чтобы вписаться в команду.

Я никогда по-настоящему не задумывалась об этом. Тот, кто занимается спортом, всегда окружен друзьями, поэтому не так уж важно, нравится ли ему спорт сам по себе.

Внезапно я пожалела Джейн, такую неуклюжую, с кипящими эмоциями, которые так и выплескиваются наружу. Сестренка совсем не спортивная.

В восьмом классе она не будет пользоваться такой популярностью, как я.

— Спокойной ночи, — сказала я и быстро обняла ее, чтобы напомнить, как нам было весело вместе.

Прежде чем отстраниться, я заставила себя сосчитать до трех. Моей сестренке было мало «обычной» Джули. Она всегда хотела большего.

В ту ночь я очнулась, когда грубая рука зажала мне рот. Я попыталась вздохнуть, но не смогла, и, поскольку как следует не проснулась, на миг мне показалось, будто я тону.

Когда я окончательно пришла в себя и открыла глаза, то увидела, что надо мной склонился бородатый мужчина. Он кивнул, и после мгновенного ступора я кивнула в ответ. Тогда он медленно убрал руку, держа ее, однако, достаточно близко, чтобы снова зажать мне рот, если я закричу.

Безусловно, передо мной стоял Чарли. Но другой. Непослушные темно-русые волосы отросли, и он собирал их в хвост. Борода была темнее волос, от усов на губы падала тень. От него пахло одновременно и кисло, и сладко, как от мешка с мусором, который я выносила перед школой. Таково было мое первое впечатление о Джоне Дэвиде, и мне сразу же захотелось закричать.

Но ведь существовал наш план, который я повторяла про себя снова и снова. Это ненастоящее похищение. Ненастоящее. Я бегу навстречу своей судьбе, для которой рождена. Меня выбрали. Он выбрал меня.

Я улыбнулась Джону Дэвиду, стараясь показать, что все помню, все знаю. Если он и улыбнулся в ответ, то под бородой было не видно. Дрожащей рукой он стянул с меня одеяло и наклонился, чтобы помочь мне встать с кровати, а когда я протянула руку, он грубо схватил меня за запястье и медленно, но решительно поднял на ноги.

Мы двигались неторопливо, словно играя в зеркальное отражение друг друга, плавно перемещаясь по полу, я предугадывала его шаги, чтобы он не почувствовал даже намека на сопротивление. Мне отчаянно хотелось угодить ему. Я ни на секунду не отрывала от него взгляда, будто мы танцевали; его пальцы обвивали мое запястье и словно пронизывали меня электрическим током, который бесшумно передвигал мои ноги по полу. Потом я увидела, что в другой руке Джон Дэвид сжимает нож.

И хотя это тоже входило в план, я не думала, что он возьмет один из наших ножей, висящих на кухне; я никогда не смотрела на них как на предмет устрашения и не представляла их в руке похитителя. Нож медленно, как будто лениво, поплыл вверх, пока не оказался на уровне моей груди, и, подумав, что на самом деле Джон Дэвид не хочет меня пугать, я изо всех сил постаралась не испугаться. Он обошел меня сзади и положил руку мне на плечо. Я почувствовала, как кончик ножа вонзился мне в спину, не настолько сильно, чтобы порезать, но достаточно, чтобы холодное металлическое острие проткнуло ткань ночной рубашки. Теперь я даже

испытывала облегчение, точно зная, что делать, поскольку выбора уже не было.

Когда мы только начали обсуждать план, я считала его лишь игрой. Но теперь, когда Джон Дэвид незримо шагал у меня за спиной и вел меня вперед, с силой вжимая руку в плечо и приставив острое ножа справа от позвоночника, я поняла, что сопротивляться плану уже поздно. Мысли хаотично метались. Например, я не знала, куда он меня ведет. И где сейчас Джейн? О, хотя бы она в безопасности, спит в своей постели. Она останется и будет жить, как прежде, в ее жизни никогда ничего не изменится.

И вдруг появилось лицо Джейн.

Я заметила сестру, когда мы шли к открытой двери в ее комнату — обычно мы не закрывали дверей. Я едва разглядела Джейн, которая пряталась в приоткрытом шкафу, с ужасом глядя на меня широко раскрытыми глазами. Мы с Джоном Дэвидом в это время подходили к лестничной площадке. Джейн смотрела на меня из глубины шкафа, отчаянно вопрошая взглядом, как ей поступить.

Я указала глазами на Джона Дэвида и мысленно велела Джейн спрятаться, чтобы он ее не заметил. Если она закричит, все будет кончено. Он доберется и до нее. Куда бы он меня ни вел, что бы ни собирался со мной сделать, я не позволю ему обидеть Джейн.

Как раз перед тем, как Джон Дэвид повел меня вниз по лестнице, с чердака донесся шум. Я почувствовала, как давление острия ножа на мгновение

ослабло, рука Джона Дэвида у меня на плече слегка дернулась, и я поняла, что он оглядывается. Как можно быстрее я подняла руку и приложила палец к губам: ш-ш-ш, чтобы заставить Джейн сидеть на месте; ш-ш-ш, и прощай; ш-ш-ш, и прощай...

Вот так я потеряла семью, дом, свою жизнь и саму себя — потеряла все, абсолютно все — за одну ночь.

16

Однажды, когда я была беременна Джейн, а Том постоянно пропадал на занятиях по бухгалтерскому учету и мы все еще жили в маленьком домике рядом с моим университетом, Джули сидела на деревянном полу гостиной в пятне солнечного света. Она вытянула пухленькие ножки, пряди светлых волос белели на солнце. Малышка сосредоточенно водила синим карандашом по газете. Когда она слишком сильно сжала карандаш и он отлетел в сторону, она не заплакала и не взяла другой карандаш, хотя вокруг нее лежала целая грудa. Она сморщила лицо, неуклюже сжала пальцы, подползла к откатившемуся синему карандашу и подняла его. И снова начала рисовать, пока весь цикл не повторился.

Я наблюдала за ней, наверное, полчаса, прежде чем до меня дошло: ей попросту нравится синий цвет.

В первый раз я поняла, что в этом ребенке есть целый мир, который я никогда не увижу; мир, столь далекий от меня, что бессмысленно считать Джули моим продолжением, бессмысленно считать, что она моя дочь, а я ее мать. Думаю, в тот момент я любила ее сильнее всего.

Всего лишь воспоминание. Сначала я, как и все матери, хотела подарить Джули целый мир. А затем долгие годы хотела только одного: возможности ее похоронить.

Теперь я мечтаю вернуться в прошлое и подать ей чертов синий карандаш.

Я читаю стенограмму, пожирая ее глазами, и передо мной разворачивается весь масштаб трагедии моей дочери; я изучаю имена всех тех девочек, которыми она вынуждена была стать ради выживания: Шарлотта, Карен, Мёрси, Старр, Виолетта, Гретхен. В ее свидетельских показаниях они борются, сопротивляются, терпят неудачу, но в первую очередь выживают. Даже когда я сдерживаю слезы, думая, через что она прошла, я дорожу каждой из этих девочек, потому что все они — частицы моей дочери, той, что ждет меня дома с Томом. Но больше всего меня ранит история Джули. Девочки, которую я будто бы знала, а на самом деле нет. Хуже того: я не знала себя. Из слов Джули обо мне проступает портрет незнакомки. Я пытаюсь припомнить каждый момент, который зафиксировала дочь. Я наблюдаю за ней на пороге ее юности и пытаюсь оправдать ту роль, которую сыграла, но меня ужасает, насколько по-своему она все видела и чувствовала. Я едва помню те эпизоды, которые она описывает. Мы с Джейн и Томом являемся персонажами ее истории, но я словно вижу нас всех на чужой планете через чужую атмосферу.

Я пытаюсь вспомнить, как Джули спрашивала меня о Боге, но не могу. Кем я была в ту секунду, чем таким важным занималась, что не помню? Кажется, я заканчивала просматривать электронную почту, а затем собиралась на собеседование. «Я видела, что мама смеется, но думала, что она смеется надо мной».

«Мама неодобрительно, поджав губы, разглядывала меня, когда я надевала нарядное платье...» Мне не нужно зеркало, чтобы понять, как это выражение выглядит со стороны. Я видела его на лице собственной матери, но не знала, что оно бывает и у меня.

«У меня всегда был наготове ответ, но мама даже не спрашивала... Наверное, ей не приходило в голову, как нелепо покупать такую ерунду за четыре квартала от дома».

Я где-то читала, что пуритане иногда объясняли смерть особенно любимого ребенка наказанием родителей за слишком большую любовь к нему. Они винили не суровые зимы, не малярийные болота, не отсутствие хорошей пищи и чистой воды, а ревнивого Бога.

Я никогда не любила старшую дочь больше младшей, могу сказать с уверенностью. Однако в Джули всегда было что-то загадочное: она казалась углубленной в себя и такой безмятежной. Где-то в глубине души я считала ее идеальной. Теперь я задаюсь вопросом: неужели я настолько боялась увидеть ее несовершенство, что чуть не убила ее?

Отпирая дверь камеры, мне не сообщают, куда я сейчас пойду. Странно, как мало разговаривают с заключенными, — только приказывают вытянуть руки, чтобы надеть наручники, и командуют, в какой коридор повернуть. Думаю, боятся обвинений в обмене с заключенными конфиденциальной информацией.

Я предполагаю, что меня ведут к моему адвокату, потому что так происходило каждый раз, когда меня вызывали из камеры. Но сегодня в конце привычного коридора мы поворачиваем направо, а не налево, и проходим через дверь с зарешеченным окошком. И неожиданно я оказываюсь перед стойкой регистрации, и с меня снимают наручники.

Том тоже стоит там; видно, что ему неловко, он нервно теребит ключи в кармане брюк.

Женщина-охранник говорит:

— Обвинения сняты. Ваши вещи будут на стойке регистрации через минуту, вам нужно посмотреть их и расписаться, что все на месте.

Лишь мгновение мы с ней смотрим друг на друга, а потом она отводит взгляд. Может, охраннице трудно смотреть мне в глаза теперь, когда я освобождена. Она снова исчезает за дверью, оставляя нас одних в тесной приемной. Вероятно, эта женщина, которая работает за стойкой регистрации, ищет коробку с моей одеждой, с сумкой, в которой лежит наполовину прочитанная книга о роли пейзажа в поэзии Байрона. Меня внезапно охватывает страстное желание дочитать ее.

— Максвелл во всем признался, — говорит Том. — Он принимал психотропные препараты от шизоаффективного расстройства или вроде того. Но в больнице были не в курсе и ничего ему не давали, поэтому, не успели врачи сообразить, что к чему, он начал вслух исповедоваться Богу в своих... грехах.

— Держу пари, судья Кроффорд тоже не знал о лекарствах.

— Никто не знал. Даже его ближайшие подручные в церкви. Лекарства позволяли Максвеллу подавлять симптоматику и держать поведение под контролем, но... — Муж опускает глаза. — Обнаружено еще семь жертв.

Семь. И это только те, чьи родственники захотели общаться с полицией.

— Спасибо, что пришел, — говорю я.

— Не успел получить разрешение на предварительный телефонный звонок, — поясняет Том. — Думаю, раз уж обвинения сняты, судебная система постаралась побыстрее сбыть тебя с рук, чтобы сэкономить деньги налогоплательщиков.

— Здравая мысль.

Мы молча стоим под флуоресцентными лампами.

— Анна...

— Все в порядке, — уверяю я.

— Прости меня.

— Ты ни в чем не виноват, — возражаю я.

— Прости, что меня не было рядом. Я просто взял и самоустранился. Нельзя было оставлять тебя одну.

— Ты хороший человек, — произношу я устало, поскольку этот разговор утомляет меня. — Всегда стараешься кому-нибудь помочь. Мне не нужна была твоя помощь, поэтому ты предложил ее кому-то другому.

— Если бы я мог все переиграть...

— Не надо, — перебиваю я. — Благодаря тебе ей вернули дочь. Этого уже не изменишь, вот и не говори, что хотел бы все переиграть, лишь бы меня порадовать. Меня это совсем не порадует.

Он выглядит обескураженным, и я невольно смягчаюсь.

— Честно, Том, — продолжаю я, — такое облегчение знать, что ты не ангел. Не идеал, которому я никогда не смогу соответствовать.

Я не говорю ему, что мне было больно видеть, как он упал с пьедестала. Вот почему людям нужен Бог: потому что даже у лучших из нас есть недостатки. Я всю жизнь гордилась своей рациональностью, отсутствием тяги к потустороннему, не понимая, что моими личными богами были Том и Джули. В общем-то, хорошие люди. Но человек хорош ровно настолько, насколько ему позволяют условия, предлагаемые вселенной.

Наконец появляется дежурная с пакетом, в котором лежат мои одежда и сумка. Я проверяю вещи и подписываю бумаги. Потом несу пакет в туалет для посетителей, переодеваюсь в свою обычную одежду, аккуратно складываю синюю тюремную униформу. И снова предстаю перед Томом, уже похожая на себя.

Муж улыбается.

Оставляя тюремное облачение на стойке регистрации, я гадаю, как сложится у нас с Томом. Если он может так легко улыбаться, увидев меня такой, как раньше, если он способен так быстро забыть меня в образе узницы, то вряд ли вообще понимает, кто я такая. Мы выходим на яркий свет. Солнце палит, и воздух обжигает горяч.

— Как ты думаешь, Джейни вернется домой? — спрашиваю я, думая о ее первом свидании с парнем из команды по кикболю. Я пока не знаю, как все прошло, но мне удалось удержаться от советов встретиться с ним в людном месте и сообщить друзьям, куда они собираются пойти.

Том выглядит смущенным.

— Она останется там еще на некоторое время, Анна. Она действительно хочет выбрать верный путь, подтянуть все свои «хвосты» и показать преподавателям, что она может выстоять. — Он вздыхает. — Мне очень жаль. Но ты же знаешь Джейни.

Я знаю Джейни. «Хвосты» — не более чем требование внимания к себе, но сейчас у нее действительно ужасное время. Однако Джейн хорошо справляется с давлением обстоятельств и в тяжелой ситуации способна проявить неожиданное великодушие. Потом, когда все успокоится, она вернется в свой мир. Я думаю о ее дневниках.

— Подождем. Вот увидишь, еще до конца года она поменяет специализацию на писательское мастерство.

— Почему ты так думаешь?

— Она захочет написать мемуары.

Том смеется, ему по-прежнему немного неловко. Мы садимся во внедорожник и двигаемся к автостраде. Тишину заполняет шум кондиционера, работающего на полную мощность.

Сейчас чуть больше шести, и толпа из центра города в основном рассеялась, но, добравшись до развязки, мы попадаем в пробку. Заходящее солнце, проникая под козырьки, бьет сквозь лобовое стекло, и тонировка на задних окнах, кажется, только задерживает тепло внутри. Когда мы замедляемся почти до полной остановки где-то в районе Восса, кондиционер выдыхается и начинает издавать тихий хрип. Интересно, когда он окончательно выйдет из строя? Только бы не летом!

Внезапно я говорю:

- Останови машину.
- Давай на следующем съезде?
- Остановись сейчас же!

Муж включает аварийные огни. Движение вялое, но Том пересекает три полосы, размахивая рукой перед зеркалом заднего вида, как флагом. Как только колеса въезжают на обочину, я открываю дверцу, и Том давит на тормоза. Резкий приступ тошноты поднимается к горлу, и меня выворачивает прямо на тротуар. И хоть я почти ничего не ела, рвота не прекращается. Перед глазами сначала все краснеет, потом становится темным. Том тут как тут, стоит на коленях позади и поддерживает меня, обнимая своими большими руками. Волны жара, воняющие бензином и рвотой, поднимаются от тротуара, и каждая из них приносит с собой новый спазм. Через пару минут я откидываюсь назад

и сажусь мужу на колени, как в кресло; он оседает под моим весом, и мы валимся на гравий обочины.

— Она сама ушла от нас, Том, — говорю я, но мой голос тонет в придорожной симфонии гудков.

Он продолжает гладить мне волосы на мокрых от пота висках, но теперь, несмотря на зной, я дрожу, мне холодно и жарко одновременно. Я отстраняюсь, поворачиваюсь к Тому лицом, начинаю говорить громче, но он качает головой, все еще не слыша. Тогда я наклоняюсь к нему, широко раскрываю рот и кричу во всю глотку:

— Джули сама ушла!

На этот раз он понимает, но в ответ качает головой.

— Идем! — кричит он и начинает подниматься, протягивая мне одну руку, а другой указывая на машину.

Но крик высвободил чувства, которые всю прошлую неделю были заперты в грязной клетке тюремной камеры. Показания Джули все еще душат меня, и, если я не выпущу их наружу, они пробьют дыры в легких, и я задохнусь.

— Том! — кричу я. — Она сама ушла!

— Я знаю! — кричит он в ответ.

— Как ты можешь быть таким спокойным?! — возмущаюсь я.

— Давай, Анна, садись в машину!

Но здесь легче кричать, а я хочу кричать.

— Что я за мать, Том? Я ее совсем не знала!

— Чего ты хочешь от меня? Я тоже не знал!

— Но я же мать!

— Да, ты мать! — кричит он. — Ты мать, и она нуждается в тебе прямо сейчас. Так что давай, ради бога, сядем в машину, поедem домой, и ты на нее наорешь!

Адреналин покидает меня, я плетусь за мужем и сажусь в машину, чувствуя, как она вздрагивает, когда начинает набирать обороты. Когда мы закрываем двери, тишина кажется всеобъемлющей.

— Ты читал ее показания? — спрашиваю я слегка охрипшим голосом.

— Мне не пришлось читать. Я был там и сам все слышал.

— Как я могла быть такой слепой? Как могла все это пропустить? Я будто совсем ее не знала. — Я не хочу больше плакать и сдерживаю накатившие слезы. — Да, я была разбита потерей Джули. Да, я ужасно вела себя с Джейн. Но мне казалось, что раньше, еще до всего этого, мы жили счастливо. Я считала себя хорошей матерью.

Наступает долгое молчание.

— Думаю, Анна, мы и дальше жили бы вполне счастливо. Но наверняка мы никогда не узнаем. Ни один из нас не узнает, как все могло бы сложиться. Он отнял у нас такую возможность.

Том включает поворотник, и машина вливается в хьюстонское движение. Он удивительно решительный водитель. Когда мы в очередной раз перестраиваемся, муж спрашивает:

— Можно кое в чем признаться?

— Валяй.

— Я мечтал застрелить Максвелла.

Мне представляется Том, сжимающий пистолет, — в ту ночь, когда у Джули случился выкидыш, а я пробила кулаком дверь ванной, чтобы добраться до дочери. Я беру мужа за руку.

У нашего дома припаркована машина. Джули сидит за кухонным столом с афроамериканцем в футболке и джинсах. Как только мы входим в дверь, он встает.

— Мама, папа, это Кэл.

— Мистер Уитакер. — Кэл протягивает руку Тому, и тот растерянно пожимает ее. Молодой человек почти на голову ниже моего мужа, но не тянет шею, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Рад познакомиться, — говорит Том, и я вижу, как Кэл краем глаза изучает меня, прежде чем повернуться с приветствием:

— Доктор Давалос.

Должно быть, это Джули подсказала ему правильное обращение.

— Насколько я понимаю, вы помогли Джули выйти из трудной ситуации, — говорю я Кэлу.

— Вы тоже, — отвечает он просто и тепло.

Неужели я наконец обрету покой?

Но не поселятся ли во мне все мужчины, прошедшие через жизнь моей дочери? И знает ли кто-нибудь из этих двоих, что Джули держала в руке пистолет и была готова совершить убийство? Знают ли они, от чего я на самом деле ее спасла?

Людам не хватает воображения понять таких женщин, как Джули, понять, на что они способны.

Да я и сама была не лучше остальных. Конечно, теперь я знаю ее лучше. Но я никогда не разубедила бы мужчин, всех Томов и Кэлов на свете, в том, что Джули нуждается в защите. Правда, отчасти благодаря тому, что она сама поддерживала в других эту иллюзию, ей и удалось выжить.

Кэл выглядит старше Джули, хотя трудно сказать насколько: лицо у него гладкое, морщинки появляются только вокруг уголков глаз, когда он улыбается. Интересно, будет ли он с ней в тот день, когда она перерастет иллюзию своей хрупкости, и как отреагирует на это. Может пройти много времени, прежде чем Джули обретет себя, даже целая жизнь. Возможно, я не доживу.

А пока это останется нашим секретом.

— Очень приятно познакомиться, Кэл. А теперь... Вы с Томом не будете возражать, если я поговорю с Джули несколько минут? — спрашиваю я. — Наедине.

— Я как раз собирался сбежать в магазин, купить что-нибудь на ужин, — произносит мой муж. — Не хотите пойти со мной, Кэл? Заодно и познакомимся поближе.

— Конечно. — Молодой человек оглядывается на Джули, и та кивает.

Мужчины выходят из кухни.

И вот я смотрю на свою дочь. Не знаю, чего я жду. Откровения? Возможности раз и навсегда прояснить, какого цвета у нее глаза? Передо мной все та же девушка, на которую я смотрю весь последний месяц, и для меня она по-прежнему остается загадкой.

— Почему ты не вернулась? Почему не вернулась домой, когда сбежала от Максвелла?

Долгая пауза.

— Я хотела. Я собиралась. Но, похоже, как только он... сделал это со мной, все пошло наперекосяк. Одно цеплялось за другое.

Я понимаю, о чем она говорит, и не хочу, чтобы ей пришлось повторять свои страшные признания. Но не хочу и останавливать ее. Поэтому терпеливо жду, и через мгновение она продолжает, бросая на меня взгляд, который я не могу истолковать:

— Да и вообще, я же не знала, захочешь ли ты принять меня обратно.

Я задыхаюсь от этих слов:

— Как ты можешь так говорить?!

Она поясняет со странной улыбкой:

— Я думала, ты рассердишься. Я ненавидела ту Джули. Она была глупой и доверчивой. И ушла от тебя.

— Но ты была всего лишь ребенком. Он похитил тебя.

— Он похитил меня, — соглашается она. — Но мне казалось, что я ухожу сама.

— Он хотел, чтобы ты так думала.

— Да еще Шарлотта. Она умерла, и я боялась, что виновна в ее смерти.

— И тут он хотел, чтобы ты так думала.

— Ну, у него отлично получалось. Или у меня отлично получалось верить ему. — Джули пожимает плечами, сдаваясь. — Так или иначе, я не уверена, что мне стало бы легче, не будь у меня выбора.

Если так и есть, если я оказалась лишь случайной жертвой, значит, моя жизнь разрушена без всякой причины.

Именно так я и думала долгих восемь лет. Я молчу, но знаю, что дочь читает мои мысли.

— Ты никогда не верила в Бога. И Джейн, по-моему, тоже. Да и папе в целом наплевать. Но для меня все было по-другому, я хотела найти некую высшую силу. Я до сих пор ее ищу, просто не знаю, как ее назвать.

— Трансцендентность? — спрашиваю я. — Ее не существует.

— А может, и существует, — возражает она. — Я не знаю. Вспомни обо всех этих людях во «Вратах».

— Предпочитаю не вспоминать.

— Но ты должна, — настаивает она. — Должна. Чего они ищут? Почему они так счастливы в церкви? Где еще они могут обрести такое счастье?

— В поэзии, — говорю я. — В музыке. В искусстве.

— Не каждому этого хватит. И мне не хватит.

Лицо у нее печальное и нетерпеливое одновременно, и я вдруг узнаю проблеск выражения, которое помню с ее детства. Но раньше я его не понимала. Тут мне кое-что приходит на ум.

— «Не в полном забвенье, / Не в полной наго-те, — / Но странствуя, как Славы облака, — я было останавливаюсь на этом месте, но ради Джули заканчиваю: — Снисходим мы от Бога, свысока: /

Младенчество есть наш небесный дом!»¹⁰ Вордсворт.

— Почему ты вечно приводишь чужие слова, чтобы объяснить свои чувства?

— У меня только чужие слова и есть, Джули.

Однако сейчас они меня подводят. После очередной паузы я вдруг соображаю, что ничего не потеряю, если спрошу напрямую.

— Ты вернулась наказать Максвелла, поскольку увидела статью о нем в журнале, я понимаю. Но тебе было не обязательно возвращаться как Джули. Если ты боялась обвинений в гибели Шарлотты, почему бы просто не оставить анонимное сообщение полиции? Пусть сами разбираются. Почему ты вернулась к нам после стольких лет, зная, что придется лгать? — Я делаю глубокий вдох. — Это из-за денег? Ничего страшного, если так.

Она удивленно поднимает на меня свои фарфорово-голубые глаза:

— Я скучала по тебе. Да, со мной произошло самое страшное, но зато я дома.

---

¹⁰ Перевод Я. Пробштейна.

Благодарности

Любовь и поддержка друзей и семьи сделали возможным издание этой книги. Я хотела бы выразить особую благодарность членам моей необычайно талантливой и преданной писательской группы Алиссе Закари, Линден Кук, Виктории Росси, Дэну Соломону и Полу Стинсону; Мартину Кохауту и его покойной жене Хизер Кохаут за время, которое я провела над этим романом на ранчо Мадроньо в Медине, штат Техас; моему агенту Шарон Пеллетье из *Dystel & Goderich Literary Management* за ее заразительный энтузиазм; Лорен Абрамо из *DGLM* за неустанное представление моих интересов за рубежом; Тиму Муди, моему редактору в издательстве *Houghton Mifflin Harcourt*, за терпеливое и проницательное руководство увлекательным процессом превращения моих слов в книгу. Мы справились! А самую большую и сердечную благодарность я приберегу для своего мужа Кертиса Лучиани, который первым вдохновил меня на сочинительство, верил в меня, когда я сомневалась в своих силах, и всегда заботился о том, чтобы у меня были утренний кофе и собственный кабинет.

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 18 лет

Эми Джентри
ПО ХОЛОДНЫМ СЛЕДАМ

Генеральный директор *Мария Смирнова*

Главный редактор *Антонина Галль*

Ведущий редактор *Светлана Лисина*

Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»

Телефон редакции: (812) 401-62-29

Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 29.04.2021.

Формат издания 84×108¹/₃₂. Печ. л. 11,0. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз. Дата изготовления 31.05.2021. Заказ № 2104930.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labyrinth.ru

18+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

